

Н. В. Калинин, В. А. Шкурко

**реакционная
сущность
буржуазного
уголовного
законодательства**

88 к.

Издательство БГУ им. В. И. Ленина

Ю. В. КАЛИНИН, В. А. ШКУРКО

**Реакционная
сущность
буржуазного
уголовного
законодательства
(общеуголовные преступления)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО БГУ им. В. И. ЛЕНИНА
МИНСК 1974

Калинин Ю. В., Шкурко В. А.
К 17 Реакционная сущность буржуазного уголовного
законодательства (общеуголовные преступления).
Мн., Изд-во БГУ, 1974.

160 с.

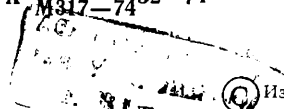
В книге на богатом фактическом материале показан антинародный характер современного уголовного законодательства буржуазных государств и практики его применения.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов юридических вузов, юристов, пропагандистов.

Лит. в подстроч. примеч.

К $\frac{1104-047}{M317-74}$ 32-74

34и

Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1974 г.

Предисловие

В условиях острой идеологической борьбы между социализмом и капитализмом важное значение приобретает критический анализ современного буржуазного государства и права. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» указывалось на необходимость сосредоточения научно-исследовательской работы в области правовых наук и на таком важном направлении, как разоблачение реакционной сущности современного империалистического государства и права¹.

Антинародная сущность современного буржуазного права находит одно из своих проявлений в буржуазном уголовном праве. К. Маркс, указывая, что содержание воли господствующего класса «всегда дается отношениями этого класса», подчеркивал, что «это особенно ясно доказывает частное и уголовное право»². Именно в уголовном праве, где речь идет о защите самых непосредственных ценностей буржуа — его собственности и личности, особенно ярко и недвусмысленно проявляется государственная воля буржуазии.

Буржуазное уголовное право необходимо для защиты классовых интересов буржуазии. Оно охраняет частную капиталистическую собственность, капиталистический правопорядок, выгодный и удобный буржуазии, всю систему капиталистической эксплуатации. Своим острым буржуазное уголовное право направлено против эксплуатируемых масс.

¹ См. «Правда», 22 августа 1967 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 322.

В соответствии с этим буржуазное уголовное законодательство объявляет преступлениями обычно только такие деяния, которые посягают на буржуазный правопорядок и в той или иной степени нарушают интересы буржуазии. Классовый характер буржуазного уголовного законодательства наглядно проявляется в нормах об ответственности за так называемые политические преступления, которые представляют собой в основном акции классовой, революционной и национально-освободительной борьбы³.

Стремясь скрыть антинародную сущность своего уголовного законодательства, буржуазия пытается доказать, будто признание тех или иных действий преступными определяется интересами всех членов общества, а не отдельных классов. При этом буржуазные криминалисты нередко указывают на нормы об ответственности за так называемые общеуголовные преступления (убийство, кража, изнасилование и т. д.)⁴, классовая сущность преследования которых не так очевидна. Они утверждают, что буржуазное уголовное законодательство имеет две стороны, одна из которых связана с классовой борьбой, а другая имеет «общее значение» и представляет «общий интерес». При любом общественном строе, заявляют они, должны быть запрещены убийства, грабежи, насилие и обеспечены элементарные условия общежития.

Действительно, нормы об ответственности за общеуголовные преступления не являются прямым орудием классовой борьбы в отличие от большинства норм об ответственности за политические преступления. Однако они также имеют определенный классовый смысл, хотя и более замаскированный.

Во-первых, само объявление общеуголовных преступлений наказуемыми делается не в интересах общества в целом, как заявляют буржуазные теоретики, а потому, что это необходимо для функционирования всей системы эксплуатации трудящихся и обеспечения безопасности членов господствующих классов и их прислужников. «Запрет убийств, недопущение насилия,— отмсчает венгерский правовед И. Сабо,— всегда соответствует

³ См. Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность. М., 1969, с. 214.

⁴ См., напр.: G. Stefani et G. Lewasseur. Droit pénal général et procédure pénale, t. 1. Paris, 1964, p.10—11.

интересам охраны определенного общественного строя, является одной из мер по его защите. Осуществление подобных норм всегда конкретно в том смысле, что оно связано с охраной данного общественного строя, и эти правовые нормы образуют неразрывное единство с правовыми нормами, классовая сущность которых проявляется более отчетливо»⁵. Установление наказуемости общеуголовных преступлений, например убийств и насилий, даже в тех случаях, когда они посягают не на буржуа, а на трудящихся, обусловлено прежде всего необходимостью защитить классовые интересы буржуазии. У буржуазии просто нет другой возможности защитить свои интересы, не распространяя их защиту формально за пределы своего класса. Положение не меняется и тогда, когда эти общеуголовные преступления совершают представители господствующих классов. Подвергая их уголовной репрессии, буржуазия защищает свои классовые интересы, ставя их выше интересов отдельных своих представителей. Как отмечал К. Маркс, капиталист нарушает законы «поскольку это удастся сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали. Если бы все буржуа, всей массой и сразу, стали бы обходить буржуазные установления, то они перестали бы быть буржуа,— такое поведение, конечно, не приходит им в голову и отнюдь не зависит от их желаний и произвола»⁶.

Во-вторых, уголовное преследование за общеуголовные преступления призвано обеспечить соблюдение в капиталистическом обществе элементарного правопорядка, что также отвечает классовым интересам буржуазии. Анархические нарушения общественного порядка расширяют устои буржуазного общества, обнажая его прогнившее нутро. А это крайне нежелательно для буржуазии, так как подрывает в глазах трудящихся престиж капиталистического строя.

В-третьих, круг деяний, признаваемых общеуголовными преступлениями, и степень их наказуемости также устанавливаются исходя из интересов господствующего класса. Сурово карая трудящихся за совершение общеуголовных преступлений, опасных для буржуазии, бур-

⁵ И. С а б о. Социалистическое право. М., 1964, с. 107.

⁶ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 3, с. 168.

жуазное уголовное законодательство, как это будет показано ниже, нередко признает малозначительными преступлениями или вообще не признает таковыми действия, направленные против эксплуатируемых.

Наконец, классовый характер норм об ответственности за общеуголовные преступления обеспечивается и практикой их применения буржуазной юстицией, которая является орудием угнетения трудящихся, орудием защиты интересов эксплуататоров. Там, где совершившее преступление лицо из среды трудящихся будет наказано по всей строгости закона, преступник, принадлежащий к господствующему классу, благодаря своим деньгам и связям, может вообще остаться безнаказанным или отделаться ничтожным наказанием.

Наука советского уголовного права уделяет все больше внимания разоблачению классовой сущности буржуазного уголовного законодательства. Во многих работах дается глубокий анализ антикоммунистического и иного реакционного уголовного законодательства о политических преступлениях⁷. Менее исследованным остается буржуазное уголовное законодательство об ответственности за общеуголовные преступления. За последнее время опубликовано лишь несколько монографий, в которых разоблачается антинародная сущность этого законодательства применительно к некоторым категориям общеуголовных преступлений, — главным образом законодательства, направленного на борьбу с профсоюзным и забастовочным движением, законодательства, имеющего расистский характер⁸. Сравнительно узок круг работ, авторы которых, наряду с исследованием вопросов ответственности за те или иные общеуголовные преступления по

⁷ Б. С. Утевский. Уголовное право на службе американско-английской реакции. М., 1951; С. Л. Зивс. Реакционная сущность уголовного права США. М., 1954; С. Л. Зивс. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М., 1958; П. И. Гришаев. Уголовно-правовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств. М., 1959; М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право. М., 1961; П. И. Гришаев. Репрессия в странах капитала. М., 1970; Чрезвычайное законодательство ФРГ. М., 1970.

⁸ П. И. Гришаев. Уголовно-правовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств, с. 96—99, 110—115; В. Е. Чиркин. Дискриминация национальных меньшинств в США. М., 1958; Т. Ф. Таиров. Апарtheid — преступление века. М., 1968.

советскому уголовному праву, подвергают критическому анализу нормы буржуазного уголовного законодательства об ответственности за аналогичные преступления. Явно недостаточно уделяется внимания разоблачению классового характера буржуазного уголовного законодательства об ответственности за общеуголовные преступления в учебниках по особенной части советского уголовного права.

В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка вскрыть классовую, антинародную сущность современного буржуазного законодательства об ответственности за общеуголовные преступления. Критический анализ производится на примере законодательства об ответственности за преступления против частной собственности, против личности, против конституционных прав и свобод, которое чаще всего выдается апологетами буржуазии за образец «надклассового» уголовного законодательства.

* * *

Предисловие, разд. 6 гл. II, разд. 3 гл. III и заключение написаны авторами совместно. Остальная часть книги написана Ю. В. Калининным.

Глава I

Преступления против частной собственности

Важнейшими интересами капиталистов и капиталистического государства, которые охраняет буржуазное законодательство, являются система эксплуатации человека человеком и ее экономическая основа — частная собственность. Капиталистическая частная собственность на орудия и средства производства, а тем самым и на всю произведенную продукцию, является основой буржуазного общества. Сознывая, что без частной собственности невозможен капиталистический способ производства, буржуазия провозглашает ее «священной» и «неприкосновенной» и защищает всеми доступными средствами. Все буржуазное законодательство направлено прежде всего на охрану частной собственности, на защиту имущих от неимущих.

Охрана частной собственности является одной из основных задач и уголовного законодательства капиталистических государств. Оно рассматривает право частной собственности как абсолютное, ничем не ограниченное право. Ограничения права частной собственности, иногда предусматриваемые уголовными законами, устанавливаются только в интересах господствующего класса и рассматриваются как исключение из общего правила.

Так, уголовные кодексы большинства капиталистических государств отрицательно относятся к возможности применения общей конфискации имущества в качестве меры наказания за общеуголовные преступления. Как отмечает М. Д. Шаргородский, «буржуазия, охраняющая святость и неприкосновенность частной собственности, прекрасно понимает, что включение в уголовное законодательство возможности применения конфискации имущества в качестве меры наказания неизбежно подры-

вает эту «священность» и «неприкосновенность» права частной собственности и, безусловно, приводит к мысли о том, что если частная собственность может быть конфискована по уголовному закону, то не исключается возможность и другого закона, аннулирующего право этой собственности¹. В связи с этим в буржуазном уголовном законодательстве допускается лишь частичная конфискация, т. е. конфискация материальной выгоды, добытой преступным путем (п. 3 § 77 УК Дании²), или, чаще всего, специальная конфискация, т. е. конфискация орудий преступления и т. п. (пп. 1 и 2 § 77 УК Дании, § 40 УК ФРГ³, § 19 УК Японии⁴). Общая конфискация может назначаться лишь за политические преступления, выступая в качестве орудия классовой борьбы, направленного на экономическое обессиливание революционных и демократических организаций.

В современных условиях, когда капиталистическая собственность превращается из индивидуальной в групповую (ассоциированную), буржуазные юристы утверждают, что капиталистическая частная собственность «социализируется»⁵. Отсюда ими делается вывод, что охрана частной собственности от преступных посягательств отвечает интересам всех граждан. Однако развитие акционерного капитала и увеличение количества держателей акций из числа трудящихся не ведет к «исчезновению» капиталистической частной собственности. В США, например, насчитывается свыше 22 млн. акционеров, но из них лишь 4% имеет акций на сумму свыше 10 тыс. долларов (каждый)⁶. 1,6% населения страны владеет 82,2% всех акций⁷. Огосударствление частной капи-

¹ М. Д. Шаргородский. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, с. 212.

² Здесь и далее см.: Das dänische Strafgesetzbuch vom 15. April 1930 in der Fassung der Bekanntmachung vom 1. Juli 1963. Berlin (W.), 1964.

³ Здесь и далее см.: Bundesrepublik Deutschland. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen und Verordnungen. München, 1970.

⁴ Здесь и далее см.: Das japanische Strafgesetzbuch. „Sammlung ausserdeutscher Strafgesetzbücher“, № 65. Berlin (W.), 1954.

⁵ Критику этих теорий см.: В. А. Туманов. Теория «социализации» собственности в современной буржуазной цивилистике. «Ученые записки ВЮЮН», вып. 1. М., 1957, с. 22—75.

⁶ См. США: от «великого» к больному... М., 1969, с. 43.

⁷ См. Ф. Ландберг. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971, с. 28.

талистической собственности, производимое буржуазным государством, тоже не уничтожает, вопреки уверениям буржуазных юристов, ее капиталистического характера. Чем больше средств производства возьмет буржуазное государство в свою собственность, «тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать», — отмечал Ф. Энгельс. — Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»⁸.

Таким образом, и в государстве «всеобщего благоденствия», в которое якобы превратилось современное буржуазное государство, уголовное законодательство также призвано охранять капиталистическую собственность и прежде всего собственность монополий, занимающую господствующее положение.

Классовый характер буржуазных законов об ответственности за преступления против частной собственности будет еще очевиднее, если учесть, что в мире капитала «частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов»⁹. В США крупным собственникам, составляющим 5% всего населения, принадлежит 90% национального богатства страны¹⁰. В Англии около 70% богатства сосредоточено у группы людей, не превышающей 10% населения¹¹. В ФРГ 80% населения принадлежит лишь 10% национального богатства, а остальные 90% находятся в распоряжении незначительного слоя зажиточных и богатых людей¹².

Для буржуазной правовой науки характерно представление о собственности не как общественном отношении, а как отношении человека к вещи¹³. Исходя из этой концепции, буржуазные криминалисты считают, что объектом имущественных преступлений является не час

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 290.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 440.

¹⁰ См. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 2, с. 100.

¹¹ См. «Международная жизнь», 1972, № 12, с. 145.

¹² См. В. В. Денисов. Страх перед народом. М., 1968, с. 105.

¹³ См.: К. Сайто. Японское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 1. М., 1957, с. 468; Th. Rittler. Lehrbuch des österreichischen Strafrechts. Allgemeiner Teil. Wien, 1954, S. 89.

тная собственность, а чужое имущество¹⁴. Подмена объекта преступления (собственности) предметом преступления (имуществом) позволяет затушевывать действительный объект имущественных преступлений, маскировать классовое назначение уголовных законов, охраняющих такие отношения между людьми по поводу имущества, которые выражают и закрепляют эксплуатацию человека человеком.

Буржуазные криминалисты тщательно скрывают различие между собственностью на орудия и средства производства, используемые капиталистом с помощью чужой рабочей силы, и собственностью на предметы потребления. Центральный институт буржуазного уголовного права — институт собственности — конструируется в уголовном законе в самом абстрактном виде, без расчленения в нем собственности крупных монополий, капиталистов-аутсайдеров, мелких буржуа и нищенского имущества трудящихся. И капиталистическая собственность (индивидуальная или групповая), и собственность трудящихся именуется в законе «имуществом». Тем самым создается иллюзия, что буржуазное законодательство защищает собственность от преступных посягательств безотносительно к тому, кто является субъектом права собственности.

В действительности «равная» уголовно-правовая защита частной собственности направлена против тех, у кого этой собственности нет. И в условиях настоящего времени сохраняют все свое значение слова В. И. Ленина о том, что «закон одинаково... охраняет собственность, у кого она есть, от покушений против собственности со стороны той массы, которая, не имея собственности, не имея ничего, кроме своих рук, постепенно нищает, разоряется и превращается в пролетариев»¹⁵.

Построение уголовного законодательства об ответственности за преступления против частной собственности, определение составов этих преступлений, виды и характер наказания за имущественные преступления призваны полностью обеспечить охрану интересов буржуазии.

Первое, что бросается в глаза при анализе действующего законодательства капиталистических стран об от-

¹⁴ См. Г. Ф. Пфеннигер. Швейцарское уголовное право. В кн. Современные зарубежное уголовное право, т. 2. М., 1958, с. 435.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 78.

ответственности за общеуголовные преступления, это то, что нормы о преступлениях против частной собственности занимают в нем очень большое место¹⁶. Из всех видов преступлений, которые известны уголовному законодательству Англии, половина — это преступления, прямо или косвенно посягающие на отношения буржуазной собственности¹⁷. В УК Франции преступления против частной собственности посвящено свыше четверти всех статей, предусматривающих ответственность за общеуголовные преступления¹⁸. Аналогичное соотношение наблюдается в уголовном законодательстве и других капиталистических государств. Конечно, это не случайно. Для общества, основанного на частной собственности, особую опасность представляют преступления, прямо или косвенно затрагивающие капиталистические имущественные устои.

Усиленная охрана капиталистической частной собственности находит свое выражение и в очередности расположения разделов об имущественных преступлениях. Так, в особенной части УК Швейцарии глава об имущественных преступлениях занимает второе место, в то время как глава о преступлениях против государства и обороны страны находится на тринадцатом месте¹⁹.

По общему правилу, преступными признаются любые посягательства на частную собственность, даже если они носят характер гражданского правонарушения,— вплоть до пользования чужой вещью. Например, федеральный УК США признает преступлением бесплатный проезд на судне без согласия владельца или капитана (§ 469)²⁰.

Преступления против частной собственности считаются более тяжкими, чем преступления против государственной или общественной (коллективной) собственности

¹⁶ Буржуазные уголовные кодексы обычно не употребляют термина «частная собственность». Частный характер собственности скрывается за нейтральным понятием собственности вообще.

¹⁷ См. Ю. П. Касаткин. О классификации преступлений в США и Англии. «Ученые записки Таджикского университета. Труды юридического факультета», вып. 9, т. XX. Сталинабад, 1959, с. 207—208.

¹⁸ Здесь и далее см.: Code pénal. Paris, 1967—1968.

¹⁹ Здесь и далее см.: Schweizerisches Strafgesetzbuch. Zürich, 1966.

²⁰ Здесь и далее см.: United States Code annotated. Title 18. Criminal Code and Criminal Procedure. New York, 1946.

ти²¹. В некоторых штатах США поджог частного жилища может привести к 20 годам тюремного заключения, в то время как поджог церкви, театра или тюрьмы наказывается гораздо менее строго, а разрушение частного гаража рассматривается как более серьезное преступление, чем разрушение большой плотины или иного общественного сооружения²². В Швеции суды также действуют исходя из установки — «погрешить против частной собственности гораздо хуже, чем против общественной, коллективной собственности»²³.

Преступления против частной собственности рассматриваются как более опасные, чем самые серьезные преступления против личности. По федеральному УК США умышленное отрезание ушей, губ, носа, вырывание глаза карается лишением свободы на срок до 7 лет (§ 462), а кража — до 10 лет (§ 466). По УК ФРГ умышленное нанесение легких телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, наказывается тюремным заключением на срок до 3 лет или денежным штрафом (§ 223) и только по жалобе потерпевшего (§ 232); простая же кража наказывается и по инициативе властей и только тюремным заключением на срок до 5 лет (§ 242). Причинение тяжких телесных повреждений, повлекших потерю важного органа, зрения, слуха или способности к деторождению, карается по тому же кодексу каторжной тюрьмой на срок до 5 лет (§ 224), а квалифицированная кража — каторжной тюрьмой на срок до 10 лет (§ 243). Наконец, за простой разбой (§ 249) может быть назначено такое же наказание — пожизненное лишение свободы, — как и за умышленное убийство без заранее обдуманного намерения (§ 212). Таким же образом расцениваются преступления против частной собственности и в мусульманском уголовном праве. Здесь хищение частной собственности рассматривается как преступление против бога или общества и наказывается строже, чем убийство

²¹ Под общественным имуществом в буржуазном уголовном законодательстве понимается имущество, принадлежащее «товариществам», профсоюзам и т. п. (см. Б. Хонкасаало. Финское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 2, с. 176).

²² См. „American Bar Association Journal“, May 1963, vol. 49, p. 45.

²³ См. G. Palm. Indokineringen i Sverige. Stockholm, 1968, s. 160.

невинных людей, которое считается частным преступлением²⁴.

Наконец, наибольшую юридическую разработку, как это будет показано ниже, получают составы тех преступлений против частной собственности, совершение которых — печальная «привилегия» неимущих.

В буржуазной теории уголовного права и уголовном законодательстве не существует единообразной системы имущественных преступлений. Но все же их, как это видно из буржуазных кодексов, можно объединить в две основные группы²⁵. Первую группу составляют корыстные преступления против частной собственности. Среди них можно выделить подгруппу преступлений, образующих хищение частной собственности (кража, грабеж, разбой), и подгруппу преступлений, выражающихся в преступном приобретении частной собственности и имущественных прав (мошенничество, злоупотребление доверием, вымогательство, присвоение и некоторые другие преступления). Вторую группу образуют преступления, выражающиеся в уничтожении или повреждении частной собственности.

1. Корыстные преступления против частной собственности

Погоня капитала за максимальной прибылью, низкая заработная плата, безработица, непрерывный рост налогов ввергают трудящихся в бездну отчаяния и нищеты. И если передовые, наиболее сознательные рабочие становятся в этих условиях на путь революционной борьбы, то наименее сознательная, отсталая часть трудящихся становится на путь преступлений, и прежде всего преступлений имущественных. «Нищета,— писал Ф. Энгельс,— предоставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, т. е., попросту говоря, красть»²⁶. В условиях капитализма кража — наиболее ча-

²⁴ См. М. И. Садагдар. Основы мусульманского права. М., 1969, с. 112.

²⁵ См., напр., уголовные кодексы Греции (Code pénal grec. Paris, 1957) и Швеции (The Penal Code of Sweden. Stockholm, 1965).

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 348.

стое из имущественных преступлений, совершаемых немущими и обездоленными.

В нормах буржуазных уголовных кодексов об ответственности за кражу обычно употребляется абстрактная формула «кто совершит... наказывается...». Однако буржуазному законодателю заранее было известно, «кто» будет совершать кражи. Поскольку кража является таким преступлением, совершение которого не свойственно представителям господствующих классов, буржуазное уголовное законодательство устанавливает за нее суровую ответственность.

«Нормальным» наказанием за простую кражу является лишение свободы. В Италии (ст. 624 УК²⁷) простая кража наказывается тюремным заключением на срок до 3 лет, в Голландии (ст. 310 УК²⁸) — до 4, в Бельгии (ст. 463 УК²⁹), Греции (ст. 372 УК) и ФРГ (§ 242 УК) — до 5 лет. Тем самым подчеркивается опасность такого рода посягательств на частную собственность.

Еще более жестоко карается квалифицированная кража. Во Франции некоторые виды таких краж наказываются пожизненной каторгой (ст. ст. 381 и 382 УК). Уголовное законодательство шести штатов США предусматривает в виде наказания за некоторые виды квалифицированных краж даже применение смертной казни³⁰. И эти нормы не остаются мертвой буквой закона. В США в конце 50-х годов был осужден к смертной казни за кражу со взломом Д. Уиллсон, укравший 1 доллар 95 центов³¹. В 1970 г. в штате Алабама Д. Джонс был приговорен к смертной казни за кражу 30 долларов³².

Осуждение за кражу влечет, помимо основного наказания, серьезные правопоражения. Так, в ФРГ за простую кражу, наряду с тюремным заключением, может быть назначено лишение почетных гражданских прав, а за ква-

²⁷ Здесь и далее см.: Codice penale. Roma, 1969.

²⁸ Здесь и далее см.: Das niederländische Strafgesetzbuch vom 3. März 1881. Berlin (W.), 1959.

²⁹ Здесь и далее см.: Das belgische Strafgesetzbuch. „Sammlung ausserdeutscher Strafgesetzbücher“, № 75. Berlin (W.), 1958.

³⁰ См. Г. З. Анашкин. Смертная казнь в капиталистических государствах (историко-правовой очерк). М., 1971, с. 96.

³¹ См. «Советская юстиция», 1960, № 15, с. 75.

³² См. «Известия», 31 мая 1970 г.

В конце 1972 г. верховный суд США признал применение смертной казни антиконституционным.

лифицированную кражу может быть после отбытия каторжной тюрьмы установлен полицейский надзор (§ 248 УК). В ряде новейших кодексов репрессия за кражу усилена путем введения так называемых мср безопасности в отношении «профессиональных» преступников и «тунеядцев» (ст. 372 УК Греции).

Таким образом, наказание за кражу по своей тяжести и жестокости уступает место лишь наказанию за политические преступления, которые направлены против самого общественного строя, основанного на капиталистической частной собственности.

Буржуазное уголовное право, традиционно определяя кражу как похищение чужого движимого имущества, стремится максимально расширить это понятие, чтобы подвести под него действия, которые фактически не составляют кражи. Большинство буржуазных криминалистов считает, что уголовно-правовой охране от кражи подлежит любое имущество, независимо от его объективной ценности и даже при отсутствии всякой ценности. Необязательно, пишет видный английский юрист К. Кенни, чтобы предмет кражи обладал ценностью в глазах других людей. Достаточно того, чтобы похищенная вещь обладала «известной ценностью в глазах ее собственника»³³. Другой буржуазный ученый, чилийский криминалист Р. Рикельме, утверждает, что вещь может быть предметом кражи и тогда, когда она имеет только «эмоциональную» ценность³⁴.

Подобные индивидуалистические частнособственнические тенденции находят прямое выражение в буржуазном уголовном законодательстве. Признавая за потерпевшим собственником исключительное право решать вопрос о ценности и значимости похищенной у него вещи, уголовные кодексы устанавливают ответственность за кражу и в том случае, когда предмет посягательства объективно имеет ничтожную ценность. УК ФРГ, например, карает того, «кто из нужды украдет малоценные предметы», тюремным заключением на срок до 3 месяцев или штрафом. В Италии подбирание колосьев, винограда на чужих участках, на которых убирается урожай, рассматривается как кража, влекущая лишение свободы на срок до 1 года

³³ К. Кенни. Основы уголовного права. М. 1949, с. 218.

³⁴ См. Р. Ф. Рикельме. Чилийское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 3. М., 1961, с. 135.

или штраф (ч. 3 ст. 626 УК). По сути дела, подобные «кражи» вообще нельзя считать преступлением, ибо они совершаются, как правило, бездомными и безработными в состоянии крайней необходимости — чтобы не погибнуть от голода. Но буржуазия не может допустить даже малейшего нарушения установленных ею запретов. Английский юрист Д. Стифен лицемерно писал об этой позиции буржуазного уголовного законодательства: «И оно это делает по соображению самого высокого порядка, ибо собственность людей оказалась бы в несоответствующем ее природе положении необеспеченности, если бы было дозволено посягательство на нее ввиду нужд других лиц»³⁵.

Правда, некоторые кодексы содержат нормы, предоставляющие право суду смягчать наказание (ч. 2 ст. 626 УК Италии) или освобождать от наказания (ст. 377 УК Греции, ст. 138 УК Швейцарии) за кражу из нужды вещей «незначительной стоимости». Однако эти статьи зачастую так сконструированы, что последующий пункт отменяет то, что провозглашается в предыдущем, как это имеет место в ст. 626 УК Италии, или редко применяются в практике. Так, Де Лиззи, жена римского безработного, похитившая с прилавка магазина две пачки кофе для своей голодающей семьи, была приговорена к 10 месяцам и 20 дням тюремного заключения³⁶.

Особым классовым интересом проникнуты уголовно-правовые нормы о краже «даров природы». Например, ст. 314 УК Голландии карает тюремным заключением на срок до 1 месяца или штрафом того, кто осмелится собирать в лесу, являющемся чужой частной собственностью, хворост или опавшие листья — «священную» и «неприкосновенную» собственность буржуа. Если виновный в течение последующих 2 лет вновь совершит аналогичное «преступление», то он наказывается уже лишением свободы на срок до 3 месяцев.

Никакие рассказы апологетов капитала о высоком предназначении буржуазного строя не в состоянии скрыть того факта, что позорнейшие установления, узаконившие наказуемость сбора хвороста или листьев, явились закономерным результатом развития этого строя и

³⁵ Цит. по: Н. Н. Полянский. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969, с. 88.

³⁶ См. «Новое время», 1964, № 47, с. 254. 17436

его экономической основы—буржуазной частной собственности. Анализируя прения в Рейнском ландтаге в связи с принятием уголовного закона, карающего собирание валежника в лесах помещиков, К. Маркс указал, что первоначально, в эпоху натурального хозяйства, землевладельцы не возражали против подобных действий бедняков, так как хворост, ягоды, грибы не могли быть источником доходов. Когда же развитие товарного хозяйства позволило помещикам извлекать доход и из побочных продуктов своих угодий, сбор этих продуктов был объявлен преступлением. Вскрыв антинародный характер законодательства о лесных нарушениях, К. Маркс показал, что нет и не может быть каких-либо правовых оснований считать эти нарушения преступлениями против частной собственности. «При сборе валежника», писал К. Маркс, «ничего не отделяется от собственности», поскольку «собственник леса владеет ведь только самим деревом, а дерево уже не владеет упавшими с него ветвями»³⁷. Поэтому, продолжал К. Маркс, здесь нет объекта посягательства, так как не может быть объектом преступления против собственности то, что уже отделено от нее.

С тех пор, как были написаны эти строки, прошло более ста лет, но практика издания новейших уголовных законов свидетельствует, что, с точки зрения буржуа, сбор «даров природы» по-прежнему остается кражей частной собственности (ч. 2 ст. 2 гл. 12 УК Швеции, финский закон от 4 июня 1937 г.³⁸). Так, финский криминалист Б. Хонкасало, объясняя причины издания закона от 4 июня 1937 г., установившего наказуемость сбора «даров природы», писал: «...законодатель следовал господствующим в Финляндии взглядам. Невзирая на то, что некоторые из угодий, например леса, в последнее время необычно возросли в цене, общее правосознание отнюдь не было склонно приравнять присвоение «даров природы» к краже... Однако это воззрение с некоторого времени начинает меняться, что нашло свое отражение в законе»³⁹.

Хотя буржуазное уголовное законодательство устанавливает в качестве общего принципа ненаказуемость приготовления к преступлению, оно, в порядке исклю-

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 122.

³⁸ См. Б. Хонкасало, указ. соч., с. 179—181.

³⁹ Там же, с. 179—180.

чения, признает приготовление к краже окончанным преступлением. Для этого специально создаются усеченные составы кражи, конструкция которых характеризуется тем, что окончание преступления переносится на стадию приготовления, а в ряде случаев и на обнаружение умысла. Так, УК Турции (§ 578)⁴⁰, УК ФРГ (§ 245а) и кантональное уголовное право Швейцарии⁴¹ считают самостоятельным преступлением простое обладание орудиями кражи. Статья 396 УК Франции признает самостоятельным преступлением взлом замка в чужой двери, а ст. 399 — подбор ключей к чужому замку, что в обоих случаях являет собой приготовительные действия. По английскому уголовному праву наказуемо как самостоятельное преступление одно нахождение в ночное время в каком-либо помещении с намерением совершить похищение имущества⁴², а в США по УК штата Нью-Йорк 1881 г., действовавшему до 1967 г., ответственности как за оконченное преступление подлежал даже тот, кто «держит руку поблизости от кармана или бумажника того или иного лица» (§ 722). Примером осуждения за такие «самостоятельные» преступления может служить дело Джексона. Основанием для привлечения Джексона к уголовной ответственности послужил факт его нахождения в ночное время в подъезде чужого дома. Из одного этого факта английским судом был сделан вывод о виновности Джексона, и он был осужден за кражу⁴³.

Характерно, что устанавливая наказуемость приготовления к краже, буржуазные уголовные кодексы не считают преступлением приготовление к убийству. К тому же английское законодательство⁴⁴, законодательство Турции (§ 578 УК), Чили (ст. 445 УК⁴⁵) и некоторых других стран в порядке изъятия из принципа презумпции невиновности устанавливает, что по делам об обнаружении предметов, рассматриваемых судом как орудия взлома, на обвиняемого возлагается обязанность доказать, что эти предметы находятся в его владении для законных це-

⁴⁰ См. Г. Ф. Пфеннингер, указ. соч., с. 442.

⁴¹ См. Грюнхут. Английское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 3, с. 326.

⁴² См. «Советское государство и право», 1962, № 7, с. 128.

⁴³ См. А. М. Уилшер. Уголовный процесс. М., 1947, с. 150—151.

⁴⁴ Здесь и далее см.: The Turkish Criminal Code. New York, 1969.

⁴⁵ Здесь и далее см.: Código Penal de la República de Chile. Santiago de Chile, 1965.

лей или на законном основании. Классовая направленность подобных норм не вызывает сомнений.

Наказуемость приготовления к краже обеспечивается также путем чрезвычайно широкого определения в законе понятия покушения на кражу и его произвольного толкования в судебной практике. В ФРГ суды видят наличие наказуемого покушения на кражу во всех случаях, когда чужое владение было как-либо нарушено. В качестве действий, нарушивших чужое владение, суды рассматривают одно лишь завладение ключом от квартиры⁴⁶, попытку влезть на чердак дома, вскочить на подножку товарного вагона⁴⁷, приготовление орудий взлома вблизи места предполагаемого совершения кражи⁴⁸ и т. д. В результате приготовления к краже расценивается как покушение и в обход законодательного запрета наказуемости приготовления объявляется преступным.

Буржуазные уголовные кодексы предусматривают чрезвычайно большое число обстоятельств, при наличии которых кража признается квалифицированной. Так, по УК Франции квалифицированной является кража: совершенная на «публичных дорогах» или в железнодорожных вагонах, предназначенных для перевозки пассажиров, почты или багажа (ст. 383); совершенная при помощи «взлома, влезания и фальшивых ключей» (ст. 384); совершенная ночью в обитаемом доме (ст. 385); лошадей, скота, сельскохозяйственных орудий (ч. 1 ст. 388); леса с места рубки, камней из камноломки (ч. 2 ст. 388); «полезных продуктов земли, уже отделенных от почвы» (ч. 3 ст. 388); совершенная несколькими лицами либо с помощью телег или вьючных животных (ч. 4 ст. 388) и т. д. Приблизительно по 20 видов квалифицированных краж известно уголовным кодексам Австрии (§ 174—176)⁴⁹ и Финляндии (§ 2 гл. 28)⁵⁰.

⁴⁶ См. E. Mezger. Strafrecht. Ein Studienbuch. Allgemeiner Teil. München und Berlin, 1957, S. 205.

⁴⁷ См. E. Dreher, N. Maasen. Strafgesetzbuch mit Erläuterungen und den wichtigsten Nebengesetzen. München und Berlin, 1956, S. 60—61.

⁴⁸ См. R. Maurach. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Karlsruhe, 1954, S. 434.

⁴⁹ Здесь и далее см.: Das österreichische Strafgesetz (österreichisches Strafgesetz 1945) samt den wichtigsten Novellen und Nebengesetzen. Wien, 1966.

⁵⁰ Здесь и далее см.: Das finische Strafgesetzbuch vom 19. Dezember 1889. Berlin (W.), 1954.

Наличие в буржуазных кодексах большого казуистически составленного перечня признаков, при которых кража становится квалифицированной, имеет определенный классовый смысл. Как признает Хонкасало, это ведет к тому, что «случаи, в уголовно-правовом отношении равноценные, по-разному оцениваются в судебной практике»⁵¹.

Некоторые уголовные кодексы устанавливают такие отягчающие кражу обстоятельства, которые обрисованы самым неопределенным образом: «если обстоятельства, при которых совершено деяние, убеждают в том, что виновный особенно опасен» (ст. 374 УК Греции), «если кража выявляет иным образом особую опасность виновного» (ст. 137 УК Швейцарии) и т. д. Это также способствует судебному произволу по делам о кражах.

Защищая интересы буржуазии, уголовные кодексы, как правило, устанавливают ответственность за кражу в зависимости от стоимости похищенного, а не от того, насколько значителен ущерб для потерпевшего. Поэтому хищение последнего имущества у рабочего признается менее опасным, чем кража имущества на большую сумму у богатого собственника. Вместе с тем кодексы Австрии (§ 176), ФРГ (§ 247), Чили (ст. 447), Индии (ст. 381)⁵² признают квалифицированной любую кражу, независимо от стоимости похищенного, если она совершена прислугой (учеником) в отношении имущества, принадлежащего их нанимателю. Раскрывая классовую направленность подобных норм, австрийский криминалист Ф. Новаковский отмечает, что превращение простой кражи в квалифицированную «касается только тех нанявшихся, которые выполняли черную, обычно ручную работу»⁵³.

Кража признается квалифицированной и по предмету похищения. В Англии в период первоначального накопления капитала, когда наибольшее развитие получило ткацкое производство, была признана квалифициро-

⁵¹ Б. Хонкасало, указ. соч., с. 174.

⁵² Здесь и далее см.: Уголовный кодекс Индии. М., 1958.

В Индии, а также Пакистане, Шри Ланка (Цейлоне) и Бангладеш действует УК Индии 1860 г., принятый еще во времена английского колониального владычества.

⁵³ Ф. Новаковский, Австрийское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 3, с. 656.

ванной кража на сумму не менее 10 шиллингов шерстяной, льняной, пеньковой или хлопчатобумажной пряжи либо предмета, сделанного из шелка, льна, хлопчатобумажной ткани, альпака, если кража совершена во время производства⁵⁴. В Аргентине, где одной из основных отраслей хозяйства является скотоводство, повышенному наказанию подвергается тот, кто крадет скот или проволоку либо другой материал, необходимый для ограждения пастбищ (ст. 163 УК)⁵⁵. В Чили самой опасной признается кража верховых или вьючных лошадей или других животных того же рода, скота и щетиноносных животных, а также животных и птиц, содержащихся в загонах, питомниках или на огороженных участках (ст. 449 УК). Это наглядные примеры того, как господствующие производственные отношения и сам способ производства, господствовавший в недалеком прошлом (Англия) или господствующий в настоящее время (Аргентина, Чили), определяют классовую направленность законодательства об ответственности за кражу. Кража имущества, принадлежащего церкви, помогающей господствующим классам угнетать и обманывать массы, также считается квалифицированным преступлением (ст. 372 УК Греции, § 491 УК Турции, § 2 гл. 28 УК Финляндии).

Аналогичным образом преследуются в буржуазном законодательстве разбой, грабёж, а также «берглэри» и «хаузбрикин», под которыми в англо-американском уголовном праве понимается насильственное вторжение в чужое жилище соответственно в ночное и дневное время с целью совершения преступления (ст. 221.1 примерного УК США⁵⁶). Эти посягательства объявляются тяжчайшими преступлениями, так как они, во-первых, представляют повышенную опасность для имущества и личности собственника, а во-вторых, не являются теми деяниями, которые свойственно совершать буржуа. Бывший министр юстиции США Р. Кларк пишет: «Если бы бедняк, способный совершить преступление, имел доступ к конторским книгам, он вряд ли стал бы совершать берглэри,

⁵⁴ См. Н. Н. Полянскій, указ. соч., с. 173.

⁵⁵ Здесь и далее см.: The Argentina Penal Code. London, 1963.

⁵⁶ Здесь и далее см.: Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969.

Этот кодекс не является официальным источником, но оказывает на уголовное законодательство США большое влияние.

поскольку мог бы присвоить себе деньги другим путем. Сделать это легче и безопаснее...»⁵⁷.

Помимо «традиционных» корыстных преступлений против движимого имущества, совершаемых «путем насилия над вещью или лицами», буржуазные кодексы создают понятие противоправного завладения чужой недвижимой собственностью. Это всеобъемлющее понятие охватывает самые разнообразные насильственные действия: захват чужой недвижимости (ст. 632 УК Италии), захват чужого земельного участка (ст. 457 УК Чили), неправомерный забор, задержание или отвод воды из чужих водохранилищ, ручьев, родников, каналов и водопроводов (ст. 181 УК Аргентины), самовольное строительство и сев на чужой земле (ст. 7 гл. 10 УК Швеции) и т. д. Введение этих составов в кодексы обеспечивает собственникам защиту от покушений на их предприятия и земельные владения со стороны рабочих и безземельных арендаторов и крестьян.

Под углом зрения охраны частной собственности устанавливается уголовная ответственность и за такие преступления, как присвоение чужого имущества, злоупотребление доверием, укрывательство имущества, добытого преступным путем.

Наряду с присвоением чужого имущества, находящегося в распоряжении виновного, буржуазные кодексы признают преступлением присвоение найденных или случайно оказавшихся у виновного вещей (ст. 376 УК Греции, финский закон о найденных вещах от 18 ноября 1943 г.⁵⁸).

Состав злоупотребления доверием также известен всем буржуазным кодексам. Это преступление выражается в том, что лицо, имеющее в силу договора или закона полномочия по распоряжению чужим имуществом в интересах собственника, употребляет свои полномочия во зло, нанося ущерб вверенному имуществу. При этом обычно имеется в виду ущерб, не сопряженный с завладением имуществом доверителя. Субъектом злоупотребления доверием обычно является лицо, состоящее на службе у капиталиста, либо иное частное лицо, на том или ином основании наделенное определенными полномо-

⁵⁷ См. «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 3, с. 105.

⁵⁸ См. Б. Хонкасалло, указ. соч., с. 176.

циями в отношении чужого имущества⁵⁹. Поскольку в буржуазном обществе отношения такого рода весьма распространены, уголовные кодексы стремятся максимально защитить от злоупотребления доверием имущественные интересы предпринимателей и с этой целью выделяют состав злоупотребления доверием в самостоятельное имущественное преступление.

Чрезвычайно широко очерчивается круг действий, относимых к укрывательству имущества, добытого преступным путем, которое, с точки зрения буржуазного уголовного права, образует преступление против частной собственности⁶⁰. Буржуазное уголовное законодательство относит к этому преступлению не только сокрытие, принятие в дар или залог, приобретение, сбыт или содействие сбыту вещей, заведомо добытых преступным путем, но и утаивание добросовестно приобретенного чужого имущества после того, как виновный узнает, что оно добыто преступным путем (§ 6 гл. 32 УК Финляндии). УК Дании (§ 303) и УК Швеции (ст. 7 гл. 9) карают как умышленное, так и неосторожное укрывательство имущества, добытого преступным путем. Статья 394 УК Греции и ст. 648 УК Италии не делают никакой разницы между укрывателями, сокрывшими вещи, добытые преступным путем, и теми, кто принял имущество, приобретенное невменяемым или иным лицом, не подлежащим ответственности. Как и в случае кражи, владение имуществом, украденным у другого лица, признается уголовно-наказуемым укрывательством похищенного, если обвиняемый не даст по этому поводу удовлетворительных объяснений (§ 578 УК Турции, ст. 454 УК Чили).

Конечно, корыстные преступления против частной собственности нельзя сводить только к преступлениям неминуемым. Буржуазные криминалисты, говоря, например, об укрывательстве краденого, вынуждены признавать, что «добыча преступников, как правило, не скапливается в их руках, но передается из рук в руки до тех пор, пока не попадет к лицам, которые, в отличие от большинства воров, имеют счет в банке, владеют ценными бума-

⁵⁹ См.: Ф. Маркус. Уголовное право Дании. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 1, с. 258—259; Г. Ф. Пфенниггер, указ. соч., с. 440; К. Сайто, указ. соч., с. 474—475.

⁶⁰ См.: Ф. Лист. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905, с. 206; Г. Ф. Пфенниггер, указ. соч., с. 444.

гами и собственностью»⁶¹. Имущественные преступления, порождаемые нуждой и безработицей, в современный период отошли на второй план, уступив место имущественным преступлениям, совершаемым организованными преступниками, преступниками-профессионалами и буржуазией⁶². В обществе, где «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом»⁶³, деньги превращают собственника в «низкого, грязного „человека наживы“»⁶⁴. Ради своего корыстного, эгоистического интереса капиталист готов пойти на любое имущественное преступление. Глубокая моральная деградация толкает буржуа и на такие имущественные посягательства (кража, грабеж, разбой), совершение которых не свойственно представителям господствующих классов⁶⁵.

По общему правилу, корыстные имущественные преступления, совершаемые представителями господствующего класса, преследуются в уголовном порядке только в том случае, когда отдельный буржуа хватит через край, когда он действует в ущерб интересам всего класса буржуазии либо какой-то его части. Буржуазный уголовный закон признает ненаказуемыми, а буржуазное общество

⁶¹ Цит. по: М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев. Актуальные вопросы советского уголовного права. «Ученые записки Ленинградского университета», № 182, вып. 5. Л., 1954, с. 163.

⁶² Выступая в роли защитника «священной» и «неприкосновенной» частной собственности, буржуазия не заинтересована сообщать правду о количестве имущественных преступлений, совершаемых представителями господствующих классов. Однако даже те преуменьшенные и искаженные данные, которые публикует официальная статистика, свидетельствуют, что «жажда наживы и стремление к успеху в деловой жизни порождают преступления значительно более серьезные, чем те, которые являются результатом бедности» (Н. Е. Barnes and K. N. Teeters. New horizons in criminology. New York, 1947, p. 85). По некоторым подсчетам, ежегодный ущерб, наносимый имущественными преступлениями господствующих классов, в 3—4 раза превышает ущерб, наносимый собственно преступным миром (см. „Welt der Arbeit“, 17. Juli 1963).

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 364.

⁶⁴ Там же, с. 357.

⁶⁵ В Блекпуле (Англия) в 1971 г. был ограблен ювелирный магазин. Все члены банды, совершившей ограбление, были зажиточными людьми, занимавшимися коммерцией, а ее главой оказался миллионер Д. Сюзл (см. «Неделя», 1971, № 47, с. 15).

одобряет действия капиталиста, который посредством «нормальной» коммерческой операции перекачивает в свою кассу состояние конкурента. Однако эта же операция будет считаться, хотя бы формально, преступной, если капиталист осуществит ее путем злостного банкротства или с помощью подложного векселя, т. е. нарушит то, что буржуа считает нормальной торговлей или свободной конкуренцией.

В тех же случаях, когда преступления буржуазии направлены исключительно против имущества и жизненных интересов трудящихся и не представляют опасности для господствующего класса, буржуазное уголовное законодательство рассматривает эти деяния как безразличные для закона, хотя по своей юридической природе они должны быть приписаны к преступлениям, либо устанавливает за них чрезвычайно низкие санкции.

Так, ненаказуемой по уголовному законодательству буржуазных стран является спекуляция, которая количественно и качественно снижает фактический уровень заработной платы трудящихся и служит средством дополнительной эксплуатации народных масс. Правда, в годы первой и второй мировых войн буржуазные государства издавали законы, именовавшиеся законами о запрете спекуляции. Но в действительности эти законы имели в виду не скупку и перепродажу товаров в целях наживы, составляющую суть всякой частной торговли, а такое повышение цен, которое направлено на получение «чрезмерной» прибыли.

Не считает преступлением буржуазное законодательство и ростовщичество, представляющее собой скрытую форму эксплуатации одного человека другим. В буржуазном обществе ростовщичество — обычная гражданская сделка⁶⁶. Уголовные кодексы преследуют ростовщичество только тогда, когда жертвы разбойничьего ссудного бизнеса принуждаются платить проценты, превышающие разрешенный законом максимум (ст. 494 УК Бельгии, ст. 472 УК Чили) или находящиеся в «чрезмерном» несоответствии с оказанной «услугой» (ст. 404 УК Греции, § 295 УК Норвегии⁶⁷, ст. 157 УК Швейцарии). Нормы

⁶⁶ См. A. Menger. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Klassen. Wien, 1904, S. 156.

⁶⁷ Здесь и далее см.: The Norwegian Penal Code. London, 1961.

кодексов о «разрешенном» ссудном проценте и «чрезмерности» требований ростовщиков отдают, по признанию самих буржуазных юристов, «массу лиц, нуждающихся в деньгах, на милость тем, кто готов свернуть другому шею»⁶⁸. По данным греческой газеты «Вима», в Афинах в 1967 г. легально действовало около 4 тыс. ростовщиков. «Разрешенный» кабальный процент на деньги, пускаемые афинскими гобсеками в рост, доходил до 100. «Вима» советовала своим читателям «не попадаться в руки ростовщиков, ибо потом не спасет даже самый крупный выигрыш в лотерею»⁶⁹.

Откровенно классовый характер имеют и санкции статей, предусматривающих ответственность за «неразрешенное» ростовничество. В той же Греции оно наказывается лишь тюремным заключением на срок до 2 лет и штрафом. Однако и эти санкции могут не найти себе применения, ибо УК Греции оговаривает, что «деятельное раскаяние» ростовщика устраняет его наказуемость. Не склонно карать ростовщиков и буржуазное правосудие. В Швейцарии, где, по свидетельству Г. Пфеннингера, ростовничество весьма распространено, за него редко привлекают к уголовной ответственности⁷⁰.

О том, что действительная репрессия за корыстные посягательства, совершаемые буржуазией, рассчитана только на те деяния, которые нарушают интересы господствующего класса, выразительно свидетельствуют нормы о таком типичном для буржуазии преступлении, как мошенничество⁷¹.

Буржуазное общество считает почти любое мошенничество нормальным способом и методом обогащения и беззастенчиво относит почти всякий обман и жульничество к сфере «деловой активности». Ф. Энгельс писал: «...первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену дан-

⁶⁸ K. Binding. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Besonderer Teil, B. 1. Leipzig, 1902, S. 452.

⁶⁹ См. «Правда», 26 января 1967 г.

⁷⁰ См. Г. Ф. Пфенninger, указ. соч., с. 453.

⁷¹ Ф. Ландберг, перечислив всевозможные виды мошеннических махинаций, совершаемых предпринимателями в торговле, страховании и других сферах, пишет, что, кроме «представления ложных данных для налогообложения, простой человек не в состоянии совершить ни одного из этих преступлений» (Ф. Ландберг. Богачи и сверхбогачи, с. 164—165).

ного товара. Отсюда вывод: в торговле дозволительно извлекать возможно большую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и равным образом дозволительно приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Словом, торговля есть узаконенный обман»⁷². Поэтому буржуазные уголовные кодексы могут запретить не всякое посягательство на чужую собственность путем обмана.

В буржуазном законодательстве может ставиться вопрос лишь о разграничении наиболее опасных для буржуазного общества имущественных обманов и менее опасных, которые признаются безразличными с точки зрения уголовного закона. Однако найти объективный критерий для решения этого вопроса невозможно, ибо, по выражению Ф. Энгельса, в условиях «развитого капиталистического способа производства ни один человек не разберет, где кончается честность и где начинается мошенничество»⁷³. Это позволяет буржуазной уголовно-правовой теории и законодательству путем различных оговорок сужать понятие мошеннического обмана, в результате чего многие виды мошенничества, причиняющие вред преимущественно трудящимся, остаются безнаказанными.

Ограничения могут касаться содержания мошенничества. В буржуазной уголовно-правовой науке и судебной практике принято считать, что содержанием обмана могут быть обстоятельства, относящиеся только к настоящему или прошлому, и не признается мошенничеством обман в обстоятельствах, относящихся к будущему⁷⁴. Отрицание возможности обмана относительно будущих событий необходимо буржуазным юристам для обоснования ненаказуемости в уголовном порядке таких обманов, как «обман в намерениях» или «лживые обещания». По их мнению, если потерпевший поверил «лживым обещаниям» и в результате этого стал жертвой мошеннического обмана, то уголовный кодекс здесь не применим, а «легковерный должен пенять на самого себя»⁷⁵. «Осудим ли мы одного

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 548—549.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 520.

⁷⁴ См.: К. Кенни, указ. соч., с. 267; Г. А. Мангакис, И. Галос. Греческое уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 3, с. 556; Б. Хонкасало, указ. соч., с. 188.

⁷⁵ Г. Ф. Пфеннингер, указ. соч., с. 446.

человека за то, что он воспользовался глупостью другого?» — приводит Кенни слова английского судьи⁷⁶.

Ограничения относятся и к форме мошеннического обмана. В буржуазной науке уголовного права широко распространено мнение, что обман возможен только в активной форме — путем прямого утверждения или отрицания тех или иных обстоятельств либо путем совершения каких-нибудь действий, вызывающих или хотя бы поддерживающих заблуждение потерпевшего. Пассивный обман, т. е. сознательное использование чужой ошибки путем умолчания об истине или сокрытие сведений, сообщение которых удержало бы потерпевшего от передачи имущества, по мнению буржуазных криминалистов, не может быть признан уголовно-наказуемым⁷⁷. Эти взгляды находят широкое отражение в законе. Так, УК Дании признает мошенничеством обман, совершенный путем противоправного возбуждения, поддержания и использования ошибки (§ 279). Но, как признает датский криминалист Ф. Маркус, закон не дает никаких указаний для разрешения вопроса о том, когда возбуждение ошибки является противоправным⁷⁸. По словам Пфеннингера, швейцарские юристы, комментируя ст. 143 УК, которая признает «сокрытие истинных фактов» преступным только тогда, когда оно осуществляется «коварно», отмечают, что умолчание об истине, не подкрепленное созданием «некоторой искусственной обстановки», не рассматривается как мошенничество⁷⁹. Даже в тех странах, где, по буквальному тексту закона, сокрытие истины признается обманом, в судебной практике это положение толкуется совершенно противоположным образом. Например, в ст. 386 УК Греции прямо сказано, что «искажение или сокрытие истинных фактов» является способом уголовно-наказуемого обмана. Несмотря на это, ареопэг, высшая судебная инстанция Греции, указывает в своих решениях, что «сокрытие истины становится противоправным, когда виновный ловкими и искусными приемами укрепляет заблуждение потерпевшего»⁸⁰.

⁷⁶ К. Кенни, указ. соч., с. 261.

⁷⁷ См. об этом: Г. Н. Борзенков. Ответственность за мошенничество. М., 1971, с. 60.

⁷⁸ См. Ф. Маркус, указ. соч., с. 258.

⁷⁹ См. Г. Ф. Пфенninger, указ. соч., с. 446.

⁸⁰ См. Г. А. Мангакис, И. Гафос, указ. соч., с. 557.

Уголовные кодексы ряда государств, не давая общего понятия мошенничества, ограничиваются перечислением способов уголовно-наказуемого имущественного обмана (ст. 496 УК Бельгии, ст. 405 УК Франции). Поэтому любое мошенничество, совершенное способом, который не указан в законе, не может быть признано преступлением.

Ограничения касаются и степени «искусности» и «злостности» обмана. Требуется, чтобы обман, признаваемый преступным, не был «легко распознаваем» (решение верховного суда Австрии № 173 от 1953 г.)⁸¹, чтобы он был совершен «коварным» (ст. 148 УК Швейцарии), «бесчестным» (ст. 415 УК Индии) или «злостным» (ст. 640 УК Италии) образом. Поэтому самый бессовестный обман не считается уголовно-наказуемым деянием, если суд не усмотрит в нем названных признаков.

Поскольку «деловую активность» в коммерческих сделках может проявлять только тот, кто обладает частной собственностью, буржуазное уголовное право считает, что одинаковый имущественный обман может признаваться либо не признаваться преступлением в зависимости от того, кем он совершен — представителем господствующего класса или бедняком. Кенни отмечает, что обманное вовлечение в коммерческую сделку является мошенничеством только тогда, когда в качестве обманщика выступает неимущий. Если человек, у которого нет никакого «дела», будет выдавать себя за владельца «солидного» предприятия, то он, по мнению Кенни, является мошенником. Если же он имеет хотя бы плохонькое «дельце», а выдает себя за крупного предпринимателя, то он, оказывается, выражает этим всего лишь свое мнение о своем предприятии и уголовной ответственности не подлежит⁸². Исходя из этого, буржуазные кодексы оставляют безнаказанным так называемое незлостное банкротство, если даже достоверно известно, что виновный брал деньги, не имея намерения расплатиться.

В буржуазной науке уголовного права распространено мнение, что суровая репрессия в отношении мошенничества неоправданно стеснила бы свободу и удобство торгового оборота. Кенни лицемерно предостерегает:

⁸¹ См. Ф. Новиковский, указ. соч., с. 691.

⁸² См. К. Кенни, указ. соч., с. 270.

«Когда совершается торговая сделка, обычно имеет место соревнование по части коммерческой и общей опытности, и попытка регулировать это соревнование средствами уголовного закона имела бы губительные последствия»⁸³. Мнение, что мошенничество должно наказываться значительно мягче, чем иные формы корыстных имущественных посягательств, находит свое выражение и в уголовном законодательстве. Во Франции, например, в качестве максимального наказания за кражу могут быть назначены пожизненные каторжные работы, а за мошенничество — только тюремное заключение на срок до 5 лет (ст. 405 УК). Но даже в том случае, когда уголовно-правовые нормы устанавливают высокое наказание за мошенничество, крайняя казуистичность и неопределенность дефиниций позволяет рассматривать любой имущественный обман, каким бы опасным он ни был, в качестве незначительного деяния и назначить за него минимальное наказание. В английском уголовном законодательстве, например, до недавнего времени существовало 23 вида имущественного обмана⁸⁴, наказуемость которых определялась 154 законами⁸⁵. Дефиниции этих видов были сконструированы таким образом, а шкала наказаний за эти трудно отличимые друг от друга деликты была так велика и подвижна, что признанный виновным богатый мошенник мог отделаться легчайшим из установленных наказаний.

Смягчение наказания и часто фактическая безнаказанность мошенничества обеспечивается и другими методами. Так, большинство буржуазных кодексов, наряду с основным составом мошенничества, предусматривает специальные составы иных имущественных обманов. Например, УК Швейцарии различает состав мошенничества (ст. 148) и составы, «подобные мошенничеству»: злостное нанесение имущественного ущерба путем обмана (ст. 149), мошенническое пользование услугами гостиниц

⁸³ К. Кенни, указ. соч., с. 269—270.

⁸⁴ См. Ю. П. Касаткин, указ. соч., с. 208.

⁸⁵ См. С. Л. Зивс. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960, с. 23.

В 1968 г. в Англии принят закон о краже, который, устранив множественность составов имущественных преступлений, ввел два основных состава: кражу (theft) и преступный обман (criminal deception), соответствующий существовавшему ранее составу мошенничества.

и пансионеров (ст. 150), обманное получение услуг (ст. 151), представление ложных сведений о торговле и кооперативных товариществах (ст. 152), фальсификацию товаров, выпуск в оборот, ввоз и складирование фальсифицированных товаров (ст. ст. 153—155). Еще два мошенничества — эксплуатация легковверия и налоговое мошенничество — предусматриваются уголовным законодательством каптонов⁸⁶. Такое разделение мошенничества на специальные виды имущественного обмана было бы оправданным, если бы наиболее опасные для трудящихся разновидности мошенничества влекли за собой более суровую ответственность, чем обычный имущественный обман. Но на деле происходит совсем противоположное. Например, фальсификация продуктов и предметов широкого потребления, особенно в виде промысла, представляет собой одно из наиболее тяжких посягательств на имущественные интересы народных масс. Тем не менее УК Швейцарии наказывает это преступление тюремным заключением на срок лишь до 3 лет, тогда как простое мошенничество карается каторжными работами на срок до 10 лет. К тому же наказание за фальсификацию товаров в виде промысла устанавливается вне зависимости от того, в каких размерах и кем это деяние совершено, хотя между действиями фермера, разбавляющего молоко водой, и фирмы, в широких масштабах сбывающей суррогаты продуктов, большая разница. Что же касается фальсификации товаров без отягчающих признаков, то она вообще рассматривается в УК Швейцарии как проступок, а не преступление.

Напротив, другое примыкающее к мошенничеству преступление — злостное банкротство — наказывается весьма строго, так как оно затрагивает интересы самих буржуа. Капиталисты понимают несостоятельность должника прежде всего как преступление против своего класса и расправляются с ним мерами не только имущественного, но и уголовно-правового характера. Если несостоятельность явилась следствием расточительного или легкомысленного ведения должником своих имущественных дел, то такой деликт составляет простое (или неосторожное) банкротство (ст. 177 УК Аргентины, § 3 гл. 39 УК Финляндии, ст. 166 УК Швейцарии). Если же должник

⁸⁶ См. Г. Ф. Пфенингер, указ. соч., с. 448, 450.

умышленно причинил вред своим кредиторам (скрыл или передал свое имущество другим, не вел торговых книг, ведение которых предусмотрено законом, или внес в них такие исправления, которые не позволяли судить о его финансовом состоянии), то такие действия образуют злостное (или обманное) банкротство (ст. 176 УК Аргентины, ст. 163 УК Швейцарии). Буржуа-кредитор не может простить буржуа-должника, если тот фактивно объявляет себя неплатежеспособным, чтобы нажиться за его счет. Поэтому за злостное банкротство обычно назначается каторга или тюремное заключение на длительный срок (ч. 1 ст. 402 УК Франции, ст. 163 УК Швейцарии, ст. 2 гл. 11 УК Швеции).

Более чем условная граница, устанавливаемая буржуазным правом между «законным» бизнесом и преступлением, мошенничеством, является не последней причиной того, что многие случаи всевозможных мошенничеств, злостных банкротств, фальсификации товаров и различного рода афер, постоянно совершаемых капиталистами, не признаются преступлениями и не доходят до суда.

2. Уничтожение и повреждение частной собственности

Нормы буржуазных уголовных кодексов об ответственности за уничтожение и повреждение частной собственности также имеют своей целью всемерную защиту интересов буржуа.

Буржуазное законодательство предоставляет собственнику право «пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом» (ст. 544 ГК Франции⁸⁷). До каких пределов может доходить право «распоряжения вещью», можно судить по утверждению французского юриста М. Ориу, что «в сильнейшей степени собственником» был бы тот, кто, имея «в своем владении Джоконду или Венеру Милосскую», сжег бы картину или разбил статую⁸⁸. Поэтому буржуазное уголовное законодательство устанавливает, что является преступлением умышленное или неосторожное уничтожение либо поврежде-

⁸⁷ Здесь и далее см.: Code civil. Paris, 1967—1968.

⁸⁸ См. М. Ориу. Основы публичного права. М., 1929, с. 508.

ние только чужого имущества. Истребление же или повреждение лицом собственного имущества не образует состава преступления независимо от ценности и значения, которые это имущество имеет для общества. В буржуазном обществе широко практикуется искусственное сокращение посевов, принятие мер к уменьшению сбора урожая, уничтожение капиталистами огромных запасов зерна и других продуктов для поддержания цен на них на высоком уровне⁸⁹. И хотя это происходит в условиях, когда миллионы людей страдают от голода, действия предпринимателей объявляются безразличными для уголовного закона. Уничтожение или повреждение собственником принадлежащего ему имущества объявляется уголовно-наказуемым только в тех случаях, когда эти действия совершаются общеопасным путем (путем поджога, взрыва и т. д.) и влекут за собой опасность для чужой собственности, жизни и здоровья людей (ст. ст. 264—274 УК Греции, § 180 УК Дании) либо когда содержат состав «страхового» или «дебиторского» мошенничества (§ 181 и 292 УК Дании, ст. 148 УК Швейцарии).

В угоду собственнику закон объявляет преступными любые действия, направленные на уничтожение и повреждение его имущества, сколько бы малозначительными они ни были. Требуется лишь одно — чтобы причиненный ущерб мог поддаваться пусть самой минимальной оценке⁹⁰. Кенни с одобрением отзывается о приговоре, по которому «обвиняемый был осужден за то, что срезал цветок с каштанового дерева, хотя ценность цветка равнялась 11 пенсам»⁹¹.

Классовый характер имеет определение круга квалифицированных видов рассматриваемых преступлений. По общему правилу, более тяжким деянием признается уничтожение или повреждение чужого имущества, которое «имеет особенно большую ценность»⁹², т. е. имущества, владельцем которого может быть только буржуа: рудников, судов (§ 109 УК Японии), магазинов, складов леса, вагонов (ст. 434 УК Франции) и т. п. Уничтожение или по-

⁸⁹ См.: Д. Дэвис. Капитализм и его культура. М., 1949, с. 45; А. Н. Рубакин. Империализм и ухудшение здоровья трудящихся. М., 1958, с. 46—47.

⁹⁰ См. К. Кенни, указ. соч., с. 182—183.

⁹¹ Там же, с. 183.

⁹² См. Г. А. Мангакис, И. Гафос, указ. соч., с. 554.

вреждение церковного имущества также считается квалифицированным преступлением (§ 2 гл. 34 УК Финляндии, § 304 УК ФРГ). В порядке исключения буржуазные кодексы считают квалифицированным уничтожение или повреждение чужого имущества и невысокой стоимости, если только эти действия произведены рабочим или служащим, состоящим на службе у капиталиста. Так, ст. 443 УК Франции, предусматривая лишение свободы на срок от 1 месяца до 2 лет за порчу товаров, сырья или инструментов, предназначенных для производства, увеличивает наказание (лишение свободы на срок от 2 до 5 лет), если это преступление совершено рабочим этого же предприятия.

Наиболее опасные для господствующих классов виды уничтожения или повреждения частной собственности караются чрезвычайно строгими наказаниями. Так, в ЮАР некоторые квалифицированные виды уничтожения или повреждения чужой частной собственности караются смертной казнью (закон 1962 г. о подрывной деятельности⁹³), в Англии (закон 1971 г. о причинении вреда имуществу⁹⁴) и Франции (ст. 434 УК) — пожизненным лишением свободы. Уничтожение или повреждение вещи «незначительной ценности» также наказывается тюремным заключением (ст. 381 УК Греции, ст.ст. 446 и 447 УК Франции). При этом в некоторые кодексы включаются предписания, согласно которым наказуемость уничтожения и повреждения чужого имущества отпадает, если виновный добровольно восстанавливает поврежденную вещь или полностью возмещает потерпевшему убытки (например, ст. 384 УК Греции). Тем самым каждому состоятельному лицу разрешается безнаказанно посягать на чужое имущество, а вся тяжесть репрессии обрушивается на бедняков.

⁹³ См. Б. Бантинг. Становление Южно-Африканского рейха. М., 1965, с. 220.

⁹⁴ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 72. М., 1972, с. 61—62.

Глава II

Преступления против личности

Во всех уголовных кодексах буржуазных государств содержатся нормы, предусматривающие ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности. Это дает повод буржуазным ученым утверждать, будто уголовное законодательство капиталистических стран целиком и полностью направлено на защиту личности. По словам западногерманского юриста Ц. Шмида, буржуазное государство признает человека высшей ценностью, строго охраняет и оберегает человеческое достоинство, право на жизнь и свободное развитие личности¹. Однако установления буржуазных кодексов об охране жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности не могут скрыть ее действительной незащищенности перед капиталистической эксплуатацией.

При капитализме уголовно-правовая охрана личности организуется в соответствии со взглядами господствующего класса на ценность человека. Эти взгляды определяются характером буржуазных общественных отношений. В мире капитала, где «деньги определяют ценность человека»², личностью в полной мере считается только собственник. Рабочий класс, отделенный от средств производства, является, по выражению К. Маркса, «такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда»³. Поэтому «для буржуа рабочий не вполне человек»⁴.

¹ См. С. Schmid, 20 Jahre Grundgesetz. „Vorwärts“, 1969, № 19, S. 1.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 497.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 586.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 357.

Буржуазия фактически отказывает в уголовно-правовой охране личности, которая не признается ценностью по ее месту в общественном производстве и прежде всего по отношению представляемого этой личностью класса к средствам производства. В системе капиталистических общественных отношений личность трудящегося человека охраняется только в той мере, в какой буржуазия вынуждена это делать. Объективные и субъективные факторы содействуют охране эксплуататорского меньшинства. Пределы же вынужденной уголовно-правовой защиты эксплуатируемого большинства определяются соотношением классовых сил в стране и на мировой арене, силой и организованностью рабочего класса и его партий, борющихся за интересы трудящихся.

1. Преступления против жизни

Любой буржуазный уголовный кодекс признает лишение жизни «любого» человека убийством. За совершение убийства, особенно при отягчающих обстоятельствах, предусматриваются суровые наказания вплоть до смертной казни или пожизненного лишения свободы. В связи с этим буржуазные юристы заявляют, что усиленная охрана человеческой жизни является важнейшей задачей их уголовного законодательства и что это законодательство равным образом защищает жизнь каждого члена капиталистического общества от преступных посягательств. В действительности тезис об усиленной и равной охране человеческой жизни буржуазными кодексами является фикцией.

Многие буржуазные криминалисты, занимающиеся вопросами ответственности за убийство, вынуждены признавать, что жизнь человека охраняется их уголовным законодательством в гораздо меньшей степени, чем имущество⁵. Охрана частной собственности осуществляется большинством буржуазных кодексов уже на «дальних подступах», когда преступными признаются приготовительные действия, даже не ставящие ее в непосредственную опасность (например, приготовление к краже, выра-

⁵ См. об этом: М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948, с. 13—14.

звившееся в обладании орудиями преступления). В то же время, вопреки элементарным требованиям гуманизма, приготовление к убийству, например изготовление орудий убийства, объявляется теми же самыми кодексами ненаказуемым (УК ФРГ и некоторые другие кодексы). Даже прикосновенность к имущественным преступлениям признается более опасной, нежели прикосновенность к преступлениям против жизни⁶. Характерно, что совокупность убийства и посягательства на частную собственность рассматривается буржуазным законодателем как квалифицированное имущественное преступление. Таким образом, убийство делает квалифицированным преступление против частной собственности, создавая состав тяжкого разбоя, а не наоборот (ст. 380 УК Греции, ст. 433 УК Чили, § 240 УК Японии).

В буржуазном уголовном праве считается спорным вопрос о наказуемости лишения жизни человека, находящегося в тяжелом болезненном состоянии, по его просьбе, из чувства сострадания (евтаназия)⁷. Поскольку в буржуазном обществе личность существует «лишь в той степени, в какой она способна платить и осуществлять необходимые задачи производства, воспроизводства и потребления»⁸, некоторые буржуазные криминалисты предлагают ввести в уголовное законодательство нормы, санкционирующие право на уничтожение «неполноценной» жизни. Так, немецкий юрист К. Биндинг считал возможным ставить вопрос о ненаказуемости уничтожения трех категорий людей, обладающих «неполноценной жизнью»: подлежащих неминуемой гибели вследствие болезни или ранения, если они, отдавая себе полный отчет в своем положении, проникнуты настойчивым желанием избавиться от страданий и каким-нибудь способом такое желание выразили; психически здоровых людей, которые лишились сознания вследствие какого-либо события, например тяжкого и безусловно смертельного ранения, и ко-

⁶ См.: П. И. Гришаев. Некоторые вопросы соучастия в преступлении по буржуазному уголовному праву. «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VII. М., 1959, с. 60; М. И. Ковалев. Ответственность за укрывательство преступлений в уголовном законодательстве США и Англии. «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. 4. Саратов, 1956, с. 92.

⁷ См. М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право, с. 55.

⁸ G. Henry. Culture against man. New York, 1963, p. 440,

торые, если бы пришли в сознание, были бы обречены в дальнейшем на жестокое и безотрадное существование; неизлечимо слабоумных — безразлично, от рождения или вследствие болезни⁹. Другой немецкий буржуазный криминалист, Э. Манн, имея в виду две последние категории лиц, писал: «Если им не может быть обеспечен прожиточный минимум, например, в периоды голода, то лучше доставить несчастному возможность безболезненной смерти, чем вышвырнуть его обратно, на жертву нищете»¹⁰. Хотя подобные предложения обосновываются «гуманным» стремлением избавить лиц, обладающих «неполноценной жизнью», от безотрадного существования, их классовая подоплека не вызывает сомнений. Поскольку имущественное положение буржуазии позволило бы ей освобождать любого буржуа от умерщвления, вся тяжесть норм, предусматривающих уничтожение «неполноценной жизни», обрушилась бы на тех представителей эксплуатируемых классов, которые уже не могут быть производителями материальных ценностей. Так, в фашистской Германии введение закона 1939 г. о евтаназии повлекло умерщвление 200 тыс. психически больных лиц и 75 тыс. престарелых преимущественно из числа бедняков¹¹. К тому же крайняя расплывчатость и неопределенность понятия «неполноценная жизнь» позволила гитлеровцам отнести к лицам с «неполноценной жизнью» не только лиц, страдающих физическим или душевным недугом, но и тех, кто обладает «моральным уродством» или «политической извращенностью», и на этой основе легализовать убийства противников фашизма.

В настоящее время в буржуазном законодательстве нет законов, подобных гитлеровскому закону о евтаназии. Но многие буржуазные кодексы признают привилегированным преступлением убийство, совершенное по просьбе жертвы, из чувства сострадания (например, ст. 300 УК Греции, § 239 УК Дании, ст. 114 УК Швейцарии), а судебной практике известны многочисленные случаи умерщвления «безнадежных» больных¹². Таким образом, закон не требует охраны жизни лица, страдающего тяже-

⁹ См. об этом: Н. И. Загородников. Преступления против жизни. М., 1961, с. 40.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. А. Н. Рубакин, указ. соч., с. 187—188.

¹² См. J. Graven. *Le procès de l'euthanasie*. Bern, 1964.

лым физическим или психическим недугом. Закон не принимает во внимание, что просьба больного о смерти может быть вызвана минутной слабостью, переживаниями тяжелой физической боли и другими временными причинами, которые могут быть устранены другим путем. Закон не считается и с тем, что во многих случаях нельзя несомненно доказать безнадежность больного, так как не всегда можно учесть защитные силы его организма. Наконец, закон создает возможность для маскировки умышленного убийства, совершаемого из преступных побуждений, мягко наказуемым лишением жизни по просьбе страдающего.

Капитализм вообще не в силах защитить от насильственного уничтожения огромное число людей. Нет ни одной страны, где бы развитие капитализма не сопровождалось ростом убийств. По подсчетам западногерманского журнала «Штерн», с начала этого столетия только в США преступниками убито 800 тыс. человек, что на 250 тыс. больше, чем людские потери страны во всех войнах, которые она вела¹³. Широко известно существование в США синдикатов профессиональных убийц, выполняющих тысячи «контрактов» на убийства¹⁴. «Человеческая жизнь никогда так дешево не ценилась и никогда в Соединенных Штатах не была так незащищена,— пишет американский журналист Коллисон,— как в настоящее время. Убийство у нас явно более обычное явление, нежели в любой стране, претендующей на цивилизованность»¹⁵.

Не выдерживает критики и другой тезис буржуазных криминалистов — об «одинаковой» защите уголовным законом жизни каждого гражданина капиталистического общества.

Давая понятие убийства, буржуазное уголовное законодательство формально исключает какие-либо классовые различия в охране человеческой жизни. Закон признает убийством лишение жизни другого человека, ссылаясь при этом на форму вины лица, совершившего это деяние. Такое определение понятия убийства дается в английском законе 1957 г. об убийстве¹⁶, в примерном УК

¹³ См. «Известия», 23 июня 1970 г.

¹⁴ См.: H. De Leeuw. Underworld story. London, 1959, p. 38; B. Turcus and S. Feder. The story of the syndicate murder. New York, 1952, p. IV.

¹⁵ Коллисон. Неправосудные суды. М., 1961, с. 142—143.

¹⁶ См. Грюнхут, указ. соч., с. 306.

США (ст. 210.1). Но по одному определению простого убийства нельзя сделать правильного вывода о социально-политической характеристике этого преступления. Для этого надо обратиться к обстоятельствам, при наличии которых буржуазные кодексы признают убийство квалифицированным или привилегированным.

Конечно, отнесение тех или иных обстоятельств, при которых совершается убийство, к отягчающим или смягчающим не всегда прямо свидетельствует о классовой направленности норм об ответственности за эти преступления. Например, большинство уголовных систем признает совершенным при отягчающих обстоятельствах преднамеренное убийство (убийство с заранее обдуманном намерением); в категорию «тяжких» выделяются убийства, совершенные путем отравления (ст. 577 УК Италии, ст. 499 УК Франции), с применением особой хитрости или коварства (§ 211 УК ФРГ, ст. 391 УК Чили), из засады (ст. 298 УК Франции) и т. п., представление об особо «злом» характере которых современное буржуазное право унаследовало от феодального и даже рабовладельческого права. Каждое такое обстоятельство, взятое само по себе, безотносительно к другим, особенно к мотиву убийства¹⁷, мало что дает для правильной оценки социальной опасности совершенного преступления. Но если отвлечься от частностей, то нельзя не видеть, что в целом критерии признания тех или иных видов убийств квалифицированными или привилегированными призваны обеспечить защиту жизни лишь представителей господствующего класса и создавать условия для безнаказанных убийств представителей эксплуатируемых классов.

Так, буржуазные кодексы единодушно признают убийство, сопряженное с посягательством на имущество, наиболее тяжким преступлением. В десятках капиталистических стран за такое убийство предусмотрена смерт-

¹⁷ В буржуазном обществе мораль господствующего класса и мораль угнетенного класса противостоят друг другу, а мораль угнетенного класса противостоят и правовым институтам. При таком положении буржуазным кодексам выгодно игнорировать многие мотивы, толкающие человека на убийство, например, мотив нужды, который в капиталистическом обществе является одним из самых сильных и распространенных мотивов совершения убийства (см. С. В. Волков. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968, с. 54).

ная казнь¹⁸. В Японии с 1956 по 1960 г. к смертной казни за убийство было осуждено 116 человек, в том числе 100— за корыстное убийство¹⁹. Поскольку при капитализме обладателями частной собственности являются преимущественно буржуа, классовый характер норм, берущих под усиленную охрану жизнь собственника, вполне очевиден.

К числу убийств, признаваемых совершенными при отягчающих обстоятельствах, относятся убийства, когда потерпевшим оказывается хозяин, мастер, у которого убийца находился на работе, в услужении или обучении²⁰.

Под особую защиту берется жизнь лиц, призванных стоять на страже интересов капитала. В большинстве буржуазных стран посягательство на жизнь монарха (ст. 101 УК Бельгии, ст. 92 УК Голландии, § 112 УК Дании), президента (§ 1111 федерального УК США²¹) или иных лиц, выполняющих их функции, признается, независимо от мотивов совершенного деяния, государственным, а не уголовным преступлением. При этом посягательством на жизнь монарха, регента и т. п. (оконченным убийством) считается покушение на убийство этих лиц. Так, по УК Марокко посягательством на жизнь короля, наследника престола и иных членов кортлевского дома признается одно покушение на их убийство, хотя бы оно осталось совершенно безрезультатным, «без пролития крови, без ран и болезней»²².

Характерным с классовой точки зрения является усиление ответственности за убийство в тех случаях, когда убитым оказывается должностное лицо, в особенности служащий полиции или тюремного учреждения. Убийство полицейского при исполнении или в связи с исполнением им своих обязанностей и убийство тюремного служащего заключенным до недавнего времени повсеместно каралось смертной казнью. В некоторых капиталистических странах в последние годы смертная казнь отмене-

¹⁸ См. Г. З. Анашкин, указ. соч., с. 88.

¹⁹ Там же, с. 130.

²⁰ См.: К. Кенни, указ. соч., с. 153; М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, с. 77.

²¹ См. „Public Law“, 1965, 89-114.

²² См. И. С. Власов, К. Ф. Гуценко, Ф. М. Решетников, А. Ю. Штротас. Уголовное право зарубежных государств, вып. I. М., 1971, с. 179.

на. Но при этом кое-где она сохранена в порядке исключения как мера наказания за убийство полицейского и тюремного служащего (например, в Канаде²³, ряде штатов США²⁴). Нередко эта санкция, независимо от мотивов убийства, является абсолютно определенной. Например, УК Калифорнии (ст. 4500)²⁵ до 1969 г. предусматривал за убийство тюремного служащего, совершенное заключенным, альтернативную санкцию в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. Однако в 1969 г. сенат этого штата установил за такое убийство единственно возможную меру наказания — смертную казнь²⁶. В ряде стран преследуется одинаково как умышленное, так и неосторожное убийство служащего полиции или тюрьмы. Так, в Англии по закону 1957 г. убийство полицейского или тюремного служащего при исполнении ими служебных обязанностей всегда признается тяжким и влечет за собой смертную казнь, даже если убийство было совершено по неосторожности²⁷. Таким образом, например, рабочий, спасающийся от расправы полиции во время забастовки, должен отвечать за тяжкое убийство, если он случайно толкнет полицейского и тот умрет, разбив себе голову в результате падения. Если же смерть причинена по неосторожности какому-либо иному лицу, то она вменяется виновному лишь в качестве неосторожного убийства. Причины такого поразительного сходства в подходе к двум совершенно различным преступлениям были без обиняков объяснены министром внутренних дел Англии, который заявил в газете «Таймс» по поводу закона 1957 г., что смертная казнь применяется тогда, когда «правительство... считает ее существенным средством устрашения правонарушителей, которые посягают на основы общества, и когда оно считает ее устрашающую силу единственно эффективной»²⁸.

Уголовное законодательство некоторых стран отвергает правомерность необходимой обороны против незакон-

²³ См. „Montreal Star“, August 28, 1958, p. 18.

²⁴ См. „Kriminalistik“, 1972, № 1, S. 32—34.

²⁵ См. California (State). The Penal Code Los Angeles, 1959.

²⁶ См. „Los Angeles Times“, June 12, 1969, p. 31.

²⁷ См. Г р ю н х у т, указ. соч., с. 309.

В 1970 г. смертная казнь за убийство в Англии отменена, но предлагается восстановить ее в качестве санкции за убийство полицейского (см. „Kriminalistik“, 1972, № 1, S. 32—34).

²⁸ См. „Times“, February 11, 1957.

ных действий должностных лиц. Так, ст. 99 УК Индии, запрещает прибегать к необходимой обороне против действий должностного лица, хотя бы эти действия не имели «прямого основания в законе». Сходные положения существуют в английском уголовном праве²⁹. Как правильно пишет В. Ф. Кириченко, в условиях буржуазного общества допущение необходимой обороны против незаконных действий должностных лиц в корне противоречило бы интересам буржуазии, так как означало бы прежде всего и главным образом допущение сопротивления лицам, стоящим на страже порядков, выгодных и удобных господствующему классу, сопротивления со стороны лиц, интересы которых находятся в непримиримом противоречии с интересами господствующего класса³⁰. Конечно, от незаконных действий какого-либо представителя власти могут пострадать интересы и господствующего класса, но это далеко не частое и не типичное явление. В первую очередь от незаконных действий должностных лиц страдают угнетаемые классы. «Что бы буржуа ни делал,— отмечал Ф. Энгельс,— полицейский всегда с ним вежлив и строго придерживается закона, с пролетарием же обращаются грубо и жестоко... полиция не стесняясь врывается в его дом, подвергает его аресту и расправляется с ним, как хочет»³¹. Поэтому сопротивление должностному лицу, повлекшее смерть последнего, хотя бы виновный фактически действовал в состоянии необходимой обороны, расценивается как тяжкое убийство³².

В то же время все кодексы легализируют убийства, совершаемые буржуа в порядке «необходимой обороны» своей собственности (ст. 34 УК Аргентины, ст. 189 УК Ирана, ст. 329 УК Франции и т. д.). Право необходимой обороны частной собственности призвано «дополнить ту охрану капиталистической частной собственности, которую осуществляет буржуазное государство и буржуазное право»³³. Поэтому буржуазное законодательство от-

²⁹ См. Б. С. Никифоров. Вступительная статья. В кн. К. Кенни. указ. соч., с. XLII.

³⁰ См. В. Ф. Кириченко. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1948, с. 90—91.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 502.

³² См.: К. Кенни, указ. соч., с. 150; Уэйд и Филлипс. Конституционное право. М., 1950, с. 417.

³³ Н. Н. Паше-Озерский. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962, с. 27.

носит к убийству в состоянии необходимой обороны всякое убийство, совершенное в целях противодействия завладению имущества, хотя бы в действительности это убийство и не было необходимым средством обороны. Законодательное собрание Гватемалы приняло в 1944 г. закон, в котором, в частности, говорилось: «Учитывая, что для развития сельского хозяйства необходимо положить конец преступлениям против собственности, совершаемым в усадьбах посторонними лицами, следует разрешить владельцам усадеб применять к указанным лицам соответствующие меры с целью защиты своих интересов. Законодательное собрание постановляет: считать, что владельцы огороженных участков или их законные представители не несут уголовной ответственности за действия, совершенные ими против лиц, которые... были схвачены на месте преступления в момент похищения ими животных, плодов, продуктов лесного хозяйства и сельскохозяйственных орудий, принадлежащих владельцам усадеб»³⁴. Право на самосуд сохраняется за собственником до тех пор, пока его имущество не будет возвращено (ст. 105 УК Индии, японский закон о пресечении краж и разбоя от 22 мая 1930 г.³⁵). Мусульманское уголовное право прямо признает владельца «правомочным преследовать похитителя днем и ночью и убить его, чтобы возвратить похищенные вещи»³⁶.

Кодексы, уголовно-правовая теория и судебная практика, как правило, не требуют какой-либо соразмерности между характером защиты и охраняемыми благами, позволяя, таким образом, защищать любые, даже малоценные, имущественные блага самыми крайними средствами, вплоть до убийства, если такая защита является, с точки зрения буржуа, необходимой. «Если по обстоятельствам дела невозможно отразить нападение другим способом, то даже самое незначительное правовое благо может быть защищено путем убийства нападающего», — писал немецкий криминалист Ф. Лист³⁷. Поэтому даже те убийства, которые имеют место в результате устройства «оборонительных» приспособлений — минирования входа

³⁴ См. Б. Ярошевский. Зеленое чудовище. М., 1967, с. 43.

³⁵ См. К. Сайто, указ. соч., с. 438.

³⁶ См. Р. Шарль. Мусульманское право. М., 1959, с. 44.

³⁷ См. Ф. Лист. Lehrbuch des deutschen Strafrecht. Berlin, 1927, S. 187.

в склад, включения смертоносного электрического тока в проволочную ограду и т. п., — не признаются уголовно-наказуемыми деяниями. Буржуазная теория уголовного права и судебная практика считают, что устройство таких приспособлений является осуществлением права собственника на необходимую оборону³⁸.

Для легализации убийств, совершаемых служащими карательных органов, используются положения институтов так называемой публично-правовой необходимой обороны и крайней необходимости. Например, УК Финляндии (§ 8 гл. 3) предоставляет право на такую оборону тюремной администрации, чтобы она могла поддерживать порядок в тюрьме, препятствовать побегу заключенных. При этом в кодексе указывается, что «применение необходимой обороны допускается в том объеме, в каком это необходимо для достижения указанных целей». § 8а гл. 3 того же кодекса определяет, что «если кто-либо путем насилия или угрозы насилием оказывает сопротивление полицейскому должностному лицу при исполнении им своих служебных обязанностей, направленных на поддержание порядка и безопасности, то это должностное лицо имеет право применить силу в той мере, в какой это может быть оправдано с учетом опасности сопротивления, личности оказывающего сопротивление и необходимости сохранения порядка». Признаки законной обороны, указанные в этих нормах, настолько неопределенны и расплывчаты, что вопрос о правомерности убийства, совершенного полицейским или тюремным служащим, сводится, по существу, к их собственному мнению о законности пределов применения силы, опасности сопротивления, личности сопротивляющегося и необходимости сохранения порядка. Аналогичным образом сформулированы права полицейских и содействующих им лиц, а также лиц тюремной администрации в применении физического насилия, которое может повлечь смерть, в УК штата Нью-Йорк 1967 г. (§ 35.10)³⁹. И здесь основной критерий правомерности физического насилия, влекущего смерть, — «разумная уверенность» самого же лица, применяющего насилие, в его необходимости. Еще дальше идет южно-

³⁸ См. об этом: А. А. П и о н т к о в с к и й. Учение о преступлении. М., 1961, с. 430.

³⁹ См. Penal Law of the State of New York. New York, 1970 — 1971.

африканский закон 1957 г. об уголовном судопроизводстве, который предоставляет полиции право убивать каждого заподозренного в совершении преступления, если тот пытается бежать или сопротивляется аресту⁴⁰. Такие злодейские убийства тоже оправдываются ссылкой на «разумную уверенность» полицейских в их необходимости. По официальным данным, полицейские ЮАР только за 1972 г. убили 94 «предполагаемых» преступника⁴¹.

В приведенных законодательных положениях нашла свое отражение теория «свободного усмотрения», получившая широкое развитие в буржуазном праве. В соответствии с этой теорией в определенных случаях действия должностных лиц, в частности служащих карательных органов, не могут быть детально регламентированы нормами законодательства. В таких случаях должностным лицам государственных органов должна быть предоставлена свобода действий в границах, определяемых законом в самых общих чертах и истолковываемых должностными лицами по их «соответствующему долгу» усмотрению⁴².

Эта теория активно используется буржуазным уголовным законодательством для конструирования норм, оправдывающих убийства, которые совершаются полицией и другими репрессивными органами при разгоне митингов и демонстраций. Так, ст. 104 УК Франции запрещает «сборища» вооруженных и безоружных людей, которые могут вызвать беспорядки. Во всех случаях «незаконных» сборищ, предусмотренных ст. 104, префект, супрефект, мэр и его помощник, комиссар полиции и полицейский офицер имеют право по своему усмотрению выбрать меры административного принуждения, в том числе и физические, чтобы разгонять сборища. Если действия представителя власти причинят какому-нибудь лицу вред или смерть, то они квалифицируются по ст. ст. 209 и 327 УК (о правомерном причинении вреда и необходимой обороне). В частности, законодательство Англии⁴³, Финляндии (§ 3 и 6 гл. 16 УК), ФРГ (федеральный закон 1960 г. о

⁴⁰ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 183.

⁴¹ См. «Литературная газета», 1973, № 12, с. 9.

⁴² Критику теории «свободного усмотрения» см.: А. А. Жданов. К вопросу о «свободном усмотрении» в буржуазном административном праве. «Правоведение», 1968, № 5, с. 98—105.

⁴³ См. C. Moriarty. Police law. London, 1954, p. 214.

применении оружия, раздражающих и взрывчатых веществ против демонстрантов⁴⁴), Западного Берлина (закон 1970 г. о применении силы полицией⁴⁵) также предоставляет полиции право применять по своему усмотрению любое физическое воздействие для разгона «незаконных» собраний и демонстраций. Комментируя понятие физического воздействия, которое может применить полиция ФРГ, западногерманский юрист Р. Зампер пишет: «Это воздействие может быть простым прикосновением, но может быть и воздействием, вызывающим причинение увечья или даже смерть»⁴⁶. О том, как применяются подобные установления, свидетельствует история зверской расправы полиции Западного Берлина над студентом Б. Онезоргом. Онезорг погиб при разгоне мирной демонстрации. Свидетели показали, что полицейские избивали Онезорга, затем один из них, Куррас, прикончил жертву выстрелом в затылок. Когда встал вопрос о привлечении убийцы к уголовной ответственности, бургомистр Западного Берлина Альберц демонстративно заявил, что полицейский действовал, «выполняя свой долг»⁴⁷. Возмущенная общественность потребовала строгого наказания преступника. Однако все три судебных процесса, которые под давлением общественности были возбуждены против Курраса, закончились его оправданием⁴⁸.

Уголовные кодексы ряда капиталистических стран закрепляют право собственника, эксплуатирующего чужой труд, на расправу в отношении слуги, подмастерья, ученика. В этих кодексах существует деление убийств на два вида, из которых первый, более тяжкий, подразумевает «собственно» убийство, а второй может быть обозначен как «забитие до смерти», представляющее собой «извинительное» лишение жизни. В § 1054 УК штата Нью-Йорк 1881 г., действовавшего до 1967 г., сказано: «Лишение жизни другого человека является извинительным, когда оно совершено случайно или же правомерно, при наказании ребенка или слуги в законных пределах или законным способом, при совершении какого-либо

⁴⁴ См. „Bundesgesetzblatt“, 1960, Т. 1, S. 853.

⁴⁵ См. „Die Polizei“, 1970, № 7, S. 8.

⁴⁶ См. R. Samper. Kommentar zum bayrischen Polizeiaufgabengesetz. München, 1965, S. 315.

⁴⁷ См. «Новое время», 1967, № 26, с. 25.

⁴⁸ См. «Правда», 24 декабря 1970 г.

инного законного действия и законными средствами, при соблюдении разумной осмотрительности и без какого-либо незаконного намерения». Такие же правила, узаконивающие право забивать несовершеннолетних рабочих и гарантирующие неприкосновенность «хозяина», содержатся в уголовном законодательстве Англии. Оно предусматривает, что смерть несовершеннолетнего подмастерья или ученика, последовавшая в результате телесного наказания хозяином, должна считаться «несчастливым случаем» и не влечет за собой уголовной ответственности, если наказание было учинено в «разумных пределах» и «разумными средствами»⁴⁹. «Если наказание,— комментирует это правило Кенни,— имело явно законный повод и не выходило за пределы разумного ни по своему способу, ни... по размерам, то тот факт, что ребенок умер в результате наказания, не является основанием для привлечения... хозяина, подвергшего ребенка наказанию, к ответственности за преступное лишение жизни»⁵⁰. Что касается рассуждений о «разумных пределах» и «разумных способах», то нет никаких оснований сомневаться, что «хозяин» всегда докажет, что он действовал «разумно» и «законно» в отношении подмастерья или ученика. Но даже в том случае, когда пределы и средства наказания покажутся суду «неразумными», последовавшая смерть, по общему правилу, будет вменена в вину «хозяину» как неосторожное убийство, наказание за которое может быть ничтожным⁵¹. УК Италии лишение жизни, учиненное виновным путем злоупотребления «исправительными или дисциплинарными мерами» в отношении несовершеннолетних, вверенных ему для «занятия промыслом или профессией», также признает привилегированным видом убийства (ст. 571). Оно наказывается заключением в исправительный дом на срок от 3 до 8 лет, тогда как за предумышленное убийство полагается заключение на срок не ниже 12 лет.

Классовая сущность уголовного законодательства капиталистических стран о преступлениях против жизни проявляется и в том, что оно закрепляет неравноправное положение женщины в буржуазном обществе. Санкционируя взгляд буржуа на жену как на свою собственность,

⁴⁹ См. К. Кенни, указ. соч., с. 116—117.

⁵⁰ Там же, с. 117.

⁵¹ Там же, с. 143.

уголовные кодексы ряда государств фактически предоставляют мужу право личной внесудебной расправы над женой, уличенной в адюльтере. По УК Франции убийство мужем жены и ее сожителя является «извинительным», если они были застигнуты на месте «преступления» в супружеском доме (ст. 324). УК Бельгии тоже признает такое деяние преступлением, совершенным при смягчающих обстоятельствах (ст. 413). Английское уголовное законодательство не считает тяжким убийство жены, когда она сознается даже в прошлом прелюбодеянии⁵². Еще дальше идет УК Ирана. Последний вообще освобождает мужчину от всякой ответственности за убийство «неверной» жены и ее любовника, если супруг застиг обоих «при ситуации, не вызывающей сомнений». Напротив, жена, заставшая мужа в аналогичном положении с другой женщиной и в порыве ревности нанесящая ему либо его любовнице даже всего лишь ранения или побои, отнюдь не освобождается от уголовного наказания (ч. 1 ст. 179). В УК Италии до настоящего времени считается привилегированным преступлением убийство не только «неверной» супруги, но и дочери или сестры, если виновный совершил его, открыв, что кто-нибудь из «указанных лиц состоит в незаконной плотской связи», и будучи «в состоянии гнева, вызванного оскорблением, нанесенным его чести или чести его семьи» (ст. 587). Этот вид убийства совершенно отличен от убийства, совершенного в состоянии аффекта. Закон не требует заставить жертву на месте «преступления», достаточно лишь узнать об «оскорблении семейной чести». Сходные положения, закрепляющие моральную и юридическую дискриминацию женщины в семье, имеются в уголовных кодексах Ирана (ч. 2 ст. 179), Турции (§ 462), ряда арабских буржуазных государств⁵³. Наказание, предусмотренное для субъектов такого преступления, является ничтожным по сравнению с наказанием, предусмотренным для «обычного» убийцы своей жены, дочери или сестры.

Большинство буржуазных кодексов считает привилегированным преступлением убийство матерью своего новорожденного ребенка (детоубийство). На первый взгляд может показаться, что кодексы учитывают те особые при-

⁵² См. К. Кенни, указ. ссч., с. 125.

⁵³ См. Ф. М. Решетников, Криминологические проблемы развивающихся стран Азии и Африки. М., 1970, с. 213.

чины, которые обычно толкают женщину в буржуазном обществе на совершение детоубийства, и стремятся облегчить участь виновных. Но крайний формализм оснований, при которых детоубийство выделяется в привилегированное преступление, полностью разоблачает их кажущийся гуманизм.

Совершение детоубийства является, прежде всего, следствием бесправного положения женщины, ханжеского отношения буржуазного общества к рождению внебрачного ребенка. По этому поводу итальянский юрист XVIII века Ч. Беккарна писал: «Детоубийство является также следствием неизбежного противоречия, в которое поставлена женщина, ставшая жертвой своей слабости или насилия. Ей нужно выбрать позор или смерть существа, не способного чувствовать свое несчастье. Как ей не предпочесть эту смерть неизбежным страданиям, ожидающим ее и ее несчастный плод?»⁵⁴. Правда, для женщин эксплуататорских классов вопрос о «позоре» рождения детей вне «законного» брака не является особенно острым. Жены, дочери, сестры и любовницы капиталистов, щедро оплачивающих молчание врача, всегда имеют возможность произвести аборт в частных лечебницах. По-иному обстоит дело с женщинами-труженицами. Обрекая многих из них на вынужденную бессемейность, буржуазное общество преследует женщину, родившую внебрачного ребенка⁵⁵. Третируемые буржуазной моралью и законом, внебрачные дети и их матери живут в крайне тяжелых материальных условиях.

Буржуазные кодексы, как правило, признают, что «внебрачность» матери и «незаконность» рождения ребенка должны смягчать ответственность за его убийство. Но одновременно некоторые кодексы указывают точные пределы времени, в течение которого убийство «незаконного» новорожденного ребенка рассматривается в качестве привилегированного преступления. Убийство «вне-

⁵⁴ Ч. Беккарна. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 353—354.

⁵⁵ В Англии до 1959 г. действовал закон о «морально дефективных личностях». Под это понятие подводили и родивших вне брака женщин, которых помещали в психиатрические лечебницы (см. «Неделя», 1972, № 22, с. 7). В некоторых штатах США до сих пор существуют законы, согласно которым рождение внебрачного ребенка рассматривается как преступление (см.: «Советское государство и право», 1947, № 6, с. 62; «Советская юстиция», 1960, № 9, с. 22).

брачного ребенка привилегировается в УК Норвегии, если оно совершено в течение 24 часов после родов (§ 234), в УК Чили — в течение 48 часов (ст. 394), в УК Испании⁵⁶ — 3 дней (ст. 424), в УК Португалии⁵⁷ — 8 дней (ст. 356). По истечении этих произвольно установленных сроков убийство ребенка уже не может быть признано детоубийством, как будто тяжелое положение роженицы, вытекающее из ее «внебрачного» состояния, может в корне измениться за считанные часы и дни. Критикуя подобные нормы, итальянский криминалист Калабреззи справедливо замечал: «Законодатель говорит матери-убийце: вчера ты могла заслужить снисхождение, но сегодня нет; наступило утро шестого дня... для нас все равно, что вчера твой соблазнитель был подле тебя и обещал тебе помощь, а сегодня лишил тебя всякой надежды на нее; все равно для нас, что сегодня, истощенная горем, усилившейся лихорадкой, испуганная более сильным криком новорожденного, покинутая своей единственной благожелательною подругой, остававшейся подле тебя, ты видишь перед своими ногами раскрытую пропасть, которую надеялась обойти. Для нас все это безразлично: наступило утро шестого дня: ты не можешь быть детоубийцей *causa honoris*, ты бесчеловечная мать: для тебя наказание не заключение на немногие годы, но пожизненная каторга»⁵⁸.

Показательно, что лишь единичные кодексы, например УК Финляндии (§ 3 гл. 22), устанавливают уголовную ответственность лица, от которого забеременела женщина и который отказом в необходимой помощи и уходе побуждает ее убить своего «внебрачного» ребенка. Согласно остальным кодексам, детоубийство, вменяемое в вину матери «незаконнорожденного» ребенка, ни в коей мере не отражается на положении его отца.

Уголовные кодексы Италии (ст. 578), Испании (ст. 416), Турции (§ 453) и ряда других стран признают единственным основанием привилегированности детоубийства такие мотивы этого преступления, как «сокрытие бесчестия», «спасение чести». Тем самым эти кодексы, вопреки

⁵⁶ Здесь и далее см.: Code Penal of Spain. London, 1965.

⁵⁷ Здесь и далее см.: Das portugiesische Stra gesetzbuch vom 16. September 1881. „Das ausserdeutscher Strafgesetzbücher“, № 79. Berlin (W.), 1962.

⁵⁸ Цит. по: М. Гернет. Детоубийство. М., 1911, с. 222.

данным науки, игнорируют тот факт, что роды могут вызвать у женщины болезненное психическое состояние, и отказываются признавать привилегированным преступлением убийство новорожденного, которое она может совершить под влиянием родовых мук. Напротив, уголовные кодексы Бельгии (ст. 396) и ФРГ (§ 217) связывают привилегированность детоубийства с ненормальностью психического и физического состояния женщины, вызванного родами, но считают, что субъектом этого преступления может быть лишь «внебрачная» мать. В результате «законная» мать, в аналогичном состоянии совершившая убийство новорожденного, вопреки всякой логике, не может быть признана виновной в детоубийстве и должна нести повышенную ответственность.

Уголовные кодексы тех государств, где сильны социальные группы, заинтересованные в консервации остатков феодального строя, считают привилегированным преступлением убийство, совершенное на дуэли. Буржуазные кодексы определяют дуэль как условленный бой на «благородном» оружии между двумя лицами, обычно по «мотивам чести», в присутствии свидетелей-секундантов (ст. ст. 316—230 УК Греции, § 201—210 УК ФРГ, ст. ст. 404—409 УК Чили, ст. ст. 130—132 УК Швейцарии). Поскольку дуэль имеет место только между лицами, принадлежащими к господствующим классам, она считается в их среде по существу не порочащим, а возвышенным деянием. Несмотря на признание дуэли преступлением, в буржуазных странах издаются дуэльные кодексы, которые, хотя и являются произведениями отдельных лиц и не имеют государственной санкции, считаются в определенных слоях господствующих классов более обязательными, чем законы. Нормы этих кодексов прямо противопоставляются нормам закона и, по существу, содержат правила совершения убийства⁵⁹. Как показала получившая огласку история с вызовом на дуэль, направленным государственным секретарем Аргентины по авиации Кайро министру обороны Суаресу, в этой стране совершенно открыто действуют так называемые суды чести, следящие за соблюдением условий и порядка «правильного» лишения жизни на дуэли⁶⁰. Дуэль довольно широко практикуется в

⁵⁹ См. Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.—Л., 1948, с. 236.

⁶⁰ См. «Известия», 7 января 1967 г.

качестве кастового метода разрешения споров в Боливии, Уругвае и некоторых других латиноамериканских странах⁶¹. Дуэль и ее последствия наказываются чрезвычайно мягко. Даже убийство противника, совершенное с нарушением прави дуэли, карается не строже обычного убийства (§ 207 УК ФРГ, ст. 409 УК Чили, ст. 131 УК Швейцарии). Напротив, причинение смерти, явившееся результатом «беспорядочной борьбы между более чем двумя лицами»⁶², т. е. драки «простонародья», наказывается более сурово. Когда невозможно установить, кто конкретно из участников драки виновен в убийстве, кодексы признают таковым каждого, кто наносил убитому побой (ст. 96 УК Аргентины, ст. 392 УК Чили, ст. 133 УК Швейцарии). Такое решение вопроса о виновности участников драки в совершении убийства не способствует достижению истины и содействует произволу в работе суда.

Но антинародный характер уголовного законодательства капиталистических стран о преступлениях против жизни проявляется не столько в нормах этого законодательства, сколько в ненаказуемости тех чудовищных посягательств на жизнь трудящихся, которые не предусмотрены буржуазными кодексами.

Буржуазное уголовное законодательство охватывает лишь небольшую долю преступлений против жизни, совершаемых капиталом. Еще более ста лет назад Ф. Энгельс писал: «Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие предумышленным убийством. Но если общество... ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить *не могут*; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что ты-

⁶¹ См.: К. Е. Ливанцев, Ш. И. Видгоп. Боливия (очерк конституционного развития общественного и государственного строя). Л., 1963, с. 85; «Журналист», 1970, № 12, с. 62.

⁶² Г. Ф. Пфеннингер, указ. соч., с. 433.

саячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет,— это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить, которое не похоже на убийство, потому что никто не видит убийцу, потому что убийца — это все и никто, потому что смерть жертвы носит характер естественной смерти, потому что это не столько грех содеянный, сколько грех попустительства. Тем не менее это остается убийством»⁶³. Эта характеристика капиталистического способа производства как способа, при котором совершаются организованные убийства, полностью относится и к современному капитализму.

Миллионы трудящихся в капиталистических странах и десятках развивающихся стран, подвергаемых ограблению капиталистическими монополиями, обречены на гибель от голода и нужды. По данным ООН, 375 млн. человек живет на грани голодной смерти и 80 тыс. человек ежедневно умирает от недоедания⁶⁴. В Англии зимой 1969/70 г. скончалось от переохлаждения 60 тыс. человек, находившихся на грани нищеты. «По своим масштабам это бедствие,— писал журнал «Лейбор мансли»,— сравнимо с актом геноцида... и лежит на совести тех, кто правил и правит Англией»⁶⁵.

Громадное число людей при капитализме лишено возможности пользоваться медицинскими услугами из-за их дороговизны. Только в США ежегодно умирает 375 тыс. человек, которые могли бы еще жить, если бы они получили медицинскую помощь⁶⁶.

Буржуазное государство не считает преступлением то, что голод и нищета ставят людей в такие условия, когда они кончают жизнь самоубийством. Газета «Юманите» отмечала, что в мире капитализма еще никого никогда не преследовали и не осуждали за «доведение до самоубийства бедняков», хотя это — обычное явление в эксплуататорском обществе⁶⁷. В то же время уголовные кодексы Боливии (ст. 519), Ганы (ч. 2 ст. 57)⁶⁸, Индии (ст.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 329—330.

⁶⁴ См. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 7, с. 31.

⁶⁵ „Labour Monthly“, December 1970, p. 557.

⁶⁶ См. А. А. Пионтковский, указ. соч., с. 16.

⁶⁷ См. „L'Humanité“, 6 fevrie 1958.

⁶⁸ См. В. А. Лихачев. Уголовное право Республики Гана. М., 1965, с. 51.

309) и некоторых других стран карают тех, кто из-за невыносимых условий существования и безысходной нужды или по иной причине пытается покончить с жизнью. Уголовное законодательство Англии до 1961 г. также преследовало за покушение на самоубийство. «Горе несчастным, спасенным из воды, извлеченным из отравленной газом комнаты, вынутым из добровольной петли, подорванным с простреленной грудью или ядом в желудке,— писал английский журналист Г. Свит.— Их оживят, чтобы судить с неопикуемой жестокостью и часто умертвить опять»⁶⁹. Свит приводил случай, когда молодая пара, запутавшись в тенетах бедности, пыталась отравиться газом. Женщина умерла, а мужчина был найден соседом, почувствовавшим запах газа, и возвращен к жизни врачом. Суд вынес спасенному смертный приговор⁷⁰.

Безнаказанной остается гибель рабочих на фабриках, заводах и шахтах в результате нежелания предпринимателей расходовать средства на осуществление правил технической безопасности на производстве⁷¹. Некоторые буржуазные криминалисты рассматривают эти факты как «несчастные случаи», за которые предприниматель не может нести уголовной ответственности. Другие, признавая их преступлениями, спорят, могут ли корпорации отвечать за это в уголовном порядке. Сложность вопроса якобы в том, что корпорации — юридические лица, а уголовная ответственность юридических лиц затруднена. В результате такой уловки выдвигаются утверждения о невозможности сконструировать нормы об уголовной ответственности за гибель рабочих вследствие нарушения предпринимателем техники безопасности. Самое правильное, отмечает Н. А. Кузнецова, было бы ввести в уголовные кодексы капиталистических государств норму о наказуемости нарушений техники безопасности, причинивших физический вред трудящимся. Но пока этого не сделано, за такого рода преступления необходимо привлекать к уголовной ответственности как за убийства (умышленные и неосторожные) и за опасные преступления

⁶⁹ Г. Свит. В судах «свободной» Англии. «Красная новь», 1932, № 1, с. 113—114.

⁷⁰ Там же, с. 117.

⁷¹ Только в США в результате производственного травматизма ежегодно погибает более 14 тыс. рабочих (см. «Труд», 5 декабря 1972 г.).

(создание общей опасности), ответственность за которые прямо предусмотрена во всех буржуазных уголовных кодексах⁷².

Правда, в уголовное законодательство некоторых развитых капиталистических стран в настоящее время введены нормы об ответственности за нарушения правил безопасности труда, повлекшие смерть работника (ст. 230 УК Швейцарии, закон 1970 г. о технике безопасности и охране здоровья в США⁷³). Такие нормы буржуазия была вынуждена установить в итоге длительной и упорной борьбы трудящихся, но они не теряют от этого своего классового характера. Необходимо иметь в виду, что господствующие классы в целом заинтересованы в сохранении в нужных размерах численности рабочего класса, ибо он является той производительной силой, которая создает капитал. К тому же законы об охране труда и технике безопасности весьма немногочисленны, предусматривают мягкие наказания и конструируются таким образом, что предоставляют буржуазии широкую возможность использовать их в своих интересах. Так, в США упомянутый закон 1970 г. устанавливает, что предприниматель обязан обеспечить каждому работнику безопасные условия труда и соблюдать установленные стандарты по технике безопасности. Умышленное нарушение предпринимателем этих обязанностей, повлекшее за собой смерть работника, наказывается штрафом в размере до 10 тыс. долларов или тюремным заключением на срок до 6 месяцев либо тем и другим одновременно. Но предприниматель может легко избежать этих последствий. Для этого ему достаточно получить от министра труда временный приказ, приостанавливающий действие закона ввиду того, что он, предприниматель, «не в состоянии придерживаться обязательного стандарта по причинам, связанным с необходимостью подготовки соответствующего персонала либо отсутствием оборудования или материалов, и при этом принял все возможные меры для создания безопасных условий труда и подготовил эффективную программу введения стандарта в действие». Министр может приостановить действие закона на срок до одного года, а при наличии «разумных» оснований —

⁷² См. Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность, с. 228—229.

⁷³ См. „Public Law“, 1970, 91-596.

еще на 180 дней, и в течение этого времени капиталист может совершенно безнаказанно нарушать правила техники безопасности производства.

Буржуазная юстиция крайне редко привлекает предпринимателей к ответственности за несоблюдение правил техники безопасности, повлекшее смерть рабочих⁷⁴. В ФРГ и некоторых других странах судом в этих целях широко используется теория так называемой адекватной причинности. Эта теория считает причиной преступного результата только такие действия лица, которые вообще, а не только в рассматриваемом конкретном случае способны повлечь наступление данных преступных последствий. Поскольку гибель рабочих, последовавшая в результате нарушения капиталистами правил охраны труда, не является типичной для нарушений этих правил, не адекватна таким нарушениям, суды считают возможным оправдывать предпринимателей, виновных в гибели рабочих⁷⁵. В англо-американской судебной практике для освобождения от ответственности предпринимателей, виновных в гибели рабочих на производстве, используется теория «исключительной причинности», согласно которой для признания наличия причинной связи при убийстве требуется лишение человека жизни непосредственными действиями виновного⁷⁶. На вооружение буржуазной юстиции приняты теории, объясняющие несчастные случаи на производстве исключительно неосторожностью и невнимательностью самих рабочих. Прямым надругательством над памятью 262 горняков, заживо погребенных в августе 1956 г. в шахте Буа-дю-Казье (Бельгия), явился приговор суда, который полностью оправдал владельцев шахты, повинных в катастрофе⁷⁷. Комментируя этот приговор, генеральный секретарь международного объединения профсоюзов горняков В. Дюге писал: «Классовая юстиция пытается замаскировать ответственность капиталистов лицемерным покровом фатальной неизбежности и несовершенства человеческой природы (трудящихся, конечно)»⁷⁸.

⁷⁴ См. Н. Д. Дурманов, указ. соч., с. 116—117.

⁷⁵ Критику этой теории см.: U. Dressler, N. Naundorf. *Verbrechen gegen Person*. Berlin, 1955, S. 12—13.

⁷⁶ Критику этой теории см.: Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, с. 115—126.

⁷⁷ См. «Le Drapeau Rouge», 3 juin 1959.

⁷⁸ «Всемирное профсоюзное движение», 1959, № 11, с. 40.

Фактически не считается преступлением загрязнение окружающей среды, особенно атмосферы, отходами промышленного производства, хотя отравление среды «ставит под угрозу само продолжение жизни на планете»⁷⁹. Например, «большой лондонский смог» 1952 г. в течение 1 недели убил 4 тыс. человек, еще несколько тысяч погибло в последующие 3 месяца⁸⁰. При этом отравление природы в основном бьет по немущим слоям, ибо капиталисты строят свои дома и виллы подальше от своих же загрязняющих среду заводов — в относительно чистой пригородной местности. Угрожающие масштабы отравления среды и вызванный этим рост недовольства широкой общественности вынуждают правительства буржуазных государств принимать законы об ответственности за загрязнение среды, создающее опасность для жизни и здоровья людей (например, английский закон 1968 г. о чистом воздухе⁸¹, японский закон 1968 г. «О контроле за загрязнением окружающей среды»⁸²). Но относительно прогрессивный характер этих законов не лишает их классового смысла. Классовая природа таких законов обнаруживается в предельном либерализме уголовного наказания, назначаемого за отравление среды (так, по японскому закону 1968 г. высшей мерой наказания, угрожающей владельцам предприятий, загрязняющих воздух, является штраф на сумму 100 тыс. иен), и возможности откупиться за эти преступления не уголовной, а административной или гражданско-правовой ответственностью (штраф, обязанность возместить причиненный ущерб), что практически означает раздачу «лицензий» на продолжение преступной деятельности. К тому же законы об охране среды носят временный характер. Когда в 1973 г. в США разразился «энергетический кризис», правительство США отменило меры по защите окружающей среды⁸³. Попытки применить эти законы к предпринимателям, в погоне за прибылью отравляющим среду, как правило, заканчиваются неудачей. Ссылаясь на «чрезмерную дороговизну и техническую невыполни-

⁷⁹ Экология и политика (проблемы защиты природной среды). Прага, 1972, с. 6.

⁸⁰ См. «За рубежом», 1972, № 38, с. 26.

⁸¹ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 46. М., 1969, с. 51—52.

⁸² См. Япония. М., 1973, с. 197.

⁸³ См. «Правда», 5 декабря 1973 г.

мость» мер против загрязнения среды и угрожая закрытием предприятий и массовым увольнением рабочих, монополии добиваются легализации своей преступной деятельности⁸⁴.

Практически ненаказуемыми являются многочисленные случаи гибели людей в результате потребления недоброкачественных и фальсифицированных пищевых продуктов и медикаментов, выпускаемых капиталистическими фирмами. Например, в США от пищевых отравлений, вызванных употреблением фальсифицированных продуктов, ежегодно умирают сотни людей⁸⁵. Буржуазное законодательство признает тяжким убийство, совершаемое путем отравления, однако преступные действия капиталистов, изготавливающих продукты и медикаменты, употребление которых влечет смерть многих людей, считаются всего лишь мягко наказуемым имущественным обманом. Именно так были квалифицированы французским судом действия фабриканта Фейе, выпустившего препарат «станнолекс», который был разрекламирован как средство от фурункулеза, но оказался сильнодействующим ядом. Хотя в результате употребления этого «лекарства» умерло 102 и тяжело заболело 117 человек, Фейе отделался двумя годами тюрьмы и штрафом⁸⁶.

Таким же образом «преследуется» умерщвление людей путем шарлатанского врачевания и знахарства. В судебной практике Франции, США и некоторых других стран знахарство, приведшее к смертельному исходу, рассматривается как рядовое мошенничество и обычно наказывается штрафом. Когда в 1964 г. «врач-хиропрактик» Филлипс впервые в истории американского правосудия был осужден за такое знахарство как за неосторожное убийство, в журнале судебных медиков США была помещена статья с многозначительным названием «Дело Филлипса — новая трактовка понятия убийства»⁸⁷. Если за врачевание, закончившееся смертельным исходом, и устанавливается специальная ответственность, то

⁸⁴ См.: «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 1, с. 103—104; G Hall. Ecology: can we survive under capitalism? New York, 1972, p. 59—61.

⁸⁵ См. Организованная преступность в Соединенных Штатах Америки. М., 1953, с. 19.

⁸⁶ См. «Социалистическая законность», 1958, № 4, с. 91—92.

⁸⁷ См. „Journal Forensic Medical Science“, 1964, vol. 9, № 1, p. 1—10.

это деяние обычно рассматривается в качестве проступка, но не преступления (например, § 343 УК Австрии). В капиталистических странах в широком ходу и такие взгляды, согласно которым государство вообще не должно вмешиваться в действия бизнесменов от знахарства, ибо «больной имеет право покупать лекарство и искать совета там, где он пожелает»⁸⁸. В ряде стран преступная деятельность некоторых категорий «целителей», например так называемых хиропрактиков, даже получила официальное признание⁸⁹.

Организованным способом массовых убийств при капитализме являются развязываемые империалистической буржуазией мировые и колониальные войны. Так, в первой мировой войне было убито 10 миллионов человек, во второй — 54 миллиона.

В эпоху империализма широчайший размах приобретает осуществление геноцида — физического уничтожения отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Практика осуществления массовых убийств людей «низших» рас под предлогом их «неполноценности» была официальной политикой гитлеровской Германии. Массовое уничтожение вьетнамского народа вело правительство США. По грубым подсчетам, с 1961 г. только в Южном Вьетнаме было убито около 1 млн. человек; три четверти всех убитых составляет мирное население⁹⁰.

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН конвенция 1948 г. о предупреждении геноцида и наказании за него предусматривает, что «геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они (государства — участники конвенции. — Ю. К.) обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение»⁹¹. Однако некоторые государства, например США, не вводят в свое законодательство состав геноцида, ссылаясь на то, что действия, охватываемые понятием геноцида, якобы уже

⁸⁸ См. Б. Я. Смулевич. Критика современной буржуазной социальной гигиены и медицинской социологии. М., 1960, с. 33.

⁸⁹ См. «Коммунист», 1969, № 18, с. 47.

⁹⁰ См. Экоид в Индокитае. М., 1973, с. 114.

⁹¹ Современное международное право. Сборник документов. М., 1964, с. 274—275.

предусмотрены в их уголовных кодексах в виде преступлений против личности. В действительности это делается для того, чтобы правящие круги империалистических государств могли избежать уголовной ответственности за чудовищные злодеяния против целых рас и народов.

В последние годы в некоторых капиталистических странах приняты законы об ответственности за геноцид (французский закон № 64-1326 от 26 декабря 1964 г.⁹², итальянский закон от 9 октября 1967 г.⁹³, английский закон от 27 марта 1969 г.⁹⁴ и др.), но они остаются без применения. Так, в УК ФРГ включен § 220а, предусматривающий ответственность за геноцид, однако эта норма не действует в отношении нацистских убийц, ибо ей не придано обратной силы. Судебные органы ФРГ, вопреки логике, квалифицируют действия нацистов, виновных в массовых убийствах людей «низших» рас, по двум параграфам уголовного кодекса — § 211, предусматривающему ответственность за убийство из низменных побуждений, и § 212, предусматривающему ответственность за «простое» убийство⁹⁵. Это дает формальные основания рассматривать преступления, равных которым по жестокости и масштабам не было в прошлом, в качестве обычных убийств, влекущих за собой пониженную ответственность. По данным министерства юстиции ФРГ, за 20 первых лет существования западногерманского государства из 6 тыс. привлекавшихся за убийство к суду нацистских преступников к высшей мере наказания — пожизненному заключению — было приговорено лишь 90 подсудимых⁹⁶. Мягкие приговоры выносятся нацистским преступникам и в настоящее время. В первом полугодии 1973 г. суды ФРГ рассмотрели 12 дел нацистских убийц. Каждый третий (из 39 обвиняемых) был оправдан. 15 подсудимых были приговорены к тюремному заключению на сроки менее 5 лет, пять человек получили от 6 до 9 и четверо — от 10 до 15 лет. Лишь двое были приговорены к пожизненному заключению⁹⁷. Запрет геноцида содержится и в уго-

⁹² См. „Journal Officiel“, 1964, p. 11788.

⁹³ См. „Gazzetta Ufficiale“, 1967, № 272, p. 6003.

⁹⁴ См. „Public General Acts and Measures“, 1969, p. 12.

⁹⁵ См. Justiz und NS-Verbrechen Sammlung deutscher Strafurteile wegen national sozialistischen Tötungsverbrechen 1945 — 1966, B. I. Amsterdam, 1968.

⁹⁶ См. «Правда», 2 сентября 1969 г.

⁹⁷ См. «Правда», 5 августа 1973 г.

ловном законодательстве Израиля⁹⁸. Но это не мешает правительству Израиля осуществлять геноцид на оккупированных арабских территориях.

Безнаказанными являются массовые внесудебные репрессии капитала против его классовых и политических противников. В 66 капиталистических странах из общего числа убитых в 1933 г. в результате «белого террора» было казнено путем вынесения судебных приговоров лишь 0,2%, остальные 99,8% стали жертвами внесудебного террора⁹⁹. По неполным статистическим данным, в результате внесудебного террора только в 1925—1931 гг. в капиталистических странах было убито и замучено свыше миллиона человек¹⁰⁰. Гигантские размеры внесудебный террор имеет и в настоящее время¹⁰¹.

2. Преступления против здоровья

Буржуазное законодательство относит к преступлениям против здоровья телесные повреждения, заражение венерической болезнью и иное причинение вреда здоровью другого лица. Причинение вреда своему здоровью не образует преступления. Однако эти действия влекут наказание, если причинение вреда самому себе (членовредительство) производится с целью уклонения от военной службы (§ 127 УК Дании, ст. 95 военно-уголовного кодекса Швейцарии¹⁰²), получения выплат в области страхового и социального обеспечения (ст. 642 УК Италии). Закон сурово карает тех, кто ценой самоизувечения пытается избавиться от службы в армии, стоящей на страже интересов господствующих классов, или спасти себя и свою семью от голодной смерти.

Наиболее многочисленную группу преступлений против здоровья составляют телесные повреждения. Для выяснения классовой сущности норм об ответственности за их причинение имеет большое значение классификация

⁹⁸ См. М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право, с. 109.

⁹⁹ См. Г. З. Анашкин, указ. соч., с. 131.

¹⁰⁰ См. И. Аминов и др. Советская уголовная репрессия. М., 1934, с. 64.

¹⁰¹ См.: Г. З. Анашкин, указ. соч., с. 132—141; П. И. Гришаев. Репрессия в странах капитала, с. 20—42.

¹⁰² См. Suisse. Code pénal militaire. Bern, 1955.

телесных повреждений, в соответствии с которой за разные их виды и наступает та или иная ответственность.

Одни буржуазные кодексы считают возможным не дифференцировать телесные повреждения. Например, УК Японии охватывает одним параграфом (§ 204) все умышленные телесные повреждения, независимо от тяжести вреда, нанесенного здоровью потерпевшего. В результате этого оценка тяжести совершенного преступления производится целиком по усмотрению суда, который в чрезвычайно широких пределах (от штрафа в 500 пен до каторги на срок в 10 лет) может варьировать с классовых позиций наказание за причиненное телесное повреждение. Другие кодексы (Греции, Дании, Норвегии, Швейцарии, ФРГ) детально дифференцируют телесные повреждения (простое телесное повреждение, опасное, тяжкое и др.). Нередко перечень телесных повреждений является чрезвычайно подробным и сложным. Так, УК Дании, предусматривая простое телесное повреждение, выделяет несколько квалифицированных видов этого повреждения (§ 244), в том числе так называемое нападение (простое телесное повреждение, причиняемое лицу, которое не дало к этому никакого повода). В свою очередь, «нападение» подразделяется еще на несколько подвидов. Такая подробная дифференциация, казалось бы, должна способствовать назначению наказания в строгом соответствии с тем или иным видом телесных повреждений. Однако, как известно, буржуазный суд, когда это ему выгодно, не придерживается буквы закона. Так, по свидетельству Маркуса, датские суды на практике не занимаются «тонкой дифференциацией» телесных повреждений. В итоге назначение наказаний за различные телесные повреждения в рамках одного вида этих повреждений снова сводится к судейскому усмотрению¹⁰³.

К обстоятельствам, которые квалифицируют телесные повреждения, буржуазные кодексы относят прежде всего болезнь, измеряемую ее продолжительностью, наступление нетрудоспособности, потерю органа, опасность для жизни, наступление смерти и т. п. Во многих кодексах для телесных повреждений, как и для убийства, устанавливаются и иные отягчающие и смягчающие обстоятельства. «Как в отношении простых, так и в отношении ква-

¹⁰³ См. Ф. Маркус, указ. соч., с. 241.

лиффицированных телесных повреждений действительно те же основания усиления и смягчения наказания, что и при убийствах»,— пишет по этому поводу аргентинский криминалист Р. Нуњес¹⁰⁴. Анализ этих оснований позволяет более отчетливо выявить классовый характер признания тех или иных составов телесных повреждений квалифицированными или привилегированными преступлениями. Как и при решении вопроса об ответственности за убийство, многие кодексы считают квалифицированным телесное повреждение, сопряженное с завладением частной собственностью (ст. 327 УК Индии, закон 1958 г. о поправке к уголовному судопроизводству в ЮАР¹⁰⁵), причиненное служащему полиции (ст. 12 закона 1871 г. о предупреждении преступлений в Англии¹⁰⁶), в процессе драки (ст. ст. 402 и 403 УК Чили) и т. д. Также признается привилегированным преступлением телесное повреждение, причиненное на дуэли (§ 205—207 УК ФРГ, чч. 2 и 3 ст. 406 УК Чили), «неверной» супруге (ст. 179 УК Ирана) и т. п. Кроме того, легализируются зверские увечья, причиняемые собственником при защите частной собственности (ст. 34 УК Аргентины, ст. 329 УК Франции), полицией при поддержании «порядка» (§ 8а гл. 3 УК Финляндии) и в других случаях.

В связи с массовым характером, который приняло в капиталистических странах распространение венерических болезней, в уголовное законодательство большинства этих стран введены нормы, карающие заражение другого лица такой болезнью. Многие из этих норм направлены, в первую очередь, против проституток, которые заражают венерическими болезнями лиц, пользующихся их услугами (§ 509 УК Австрии, закон № 12331 от 17 декабря 1936 г. в Аргентине¹⁰⁷). Если же мужчина заражает проститутку, то его действия не наказуемы. Обрушивая всю тяжесть репрессии на тех, кто оказался выброшенным на дно жизни, буржуазия тех стран, где отсутствует государственная система здравоохранения, создает видимость активной борьбы с распространением венерических болезней и тем самым маскирует свое пренеб-

¹⁰⁴ Р. Нуњес, Аргентинское уголовное право. В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 1, с. 64.

¹⁰⁵ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 185—186.

¹⁰⁶ См. А. М. Уилшер, указ. соч., с. 276.

¹⁰⁷ См. Р. Нуњес, указ. соч., с. 96.

режение к здоровью народа. О подходе буржуазного законодательства к репрессии за заражение венерической болезнью можно судить и по тем нормам, которым известен и иной субъект этого преступления. Так, § 379 УК Австрии карает женщину, которая, скрывая, что она страдает венерической или другой заразной болезнью, поступает на службу в качестве кормилицы. Но если здоровая кормилица приглашается к ребенку, больному венерической болезнью, и это от нее скрывается, эти действия не образуют преступления.

Вообще нет норм об ответственности за заражение венерической болезнью в уголовном законодательстве ряда штатов США, Бельгии, Испании, Франции, Чили, Швейцарии и некоторых других капиталистических стран. Попытки введения таких норм в кодексы этих стран встречают сопротивление тех, кто лицемерно усматривает в этом недопустимое вмешательство в личную жизнь людей, а также частнопрактикующих врачей, для которых венерические больные являются одной из наиболее «доходных» категорий пациентов.

За преступления против здоровья, как и за убийство, предусматривается более мягкое наказание, чем за имущественные преступления. По датскому уголовному праву минимальное наказание за простую кражу, присвоение, мошенничество, злоупотребление доверием и вымогательство выше, чем даже при квалифицированном телесном повреждении, предусмотренном ч. 2 § 244 УК (телесное повреждение, причиненное беременной женщине, или нанесенное особо опасным оружием или средством, либо при особо опасных обстоятельствах, или путем грубого либо жестокого насилия). Наказание за названные корыстные деликты составляет по меньшей мере 30 дней тюремного заключения, и к нему в каждом случае еще может быть присоединен денежный штраф (ч. 2 § 50 УК), тогда как при квалифицированном телесном повреждении может быть назначен лишь денежный штраф, даже если нет смягчающих вину обстоятельств¹⁰⁸. Мягкость репрессии за телесные повреждения сказывается и в том, что в большинстве буржуазных кодексов покушение на нетяжкие телесные повреждения вообще не наказуемо, а вопрос о наказуемости умышленных легких

¹⁰⁸ См. Ф. Маркус, указ. соч., с. 255.

телесных повреждений (например, ст. 315 УК Греции, ч. 1 § 244 УК Данчи), а иногда — и средней тяжести (§ 229 УК Норвегии) ставится в зависимость от наличия жалобы потерпевшего, чего нет вовсе для самых незначительных имущественных преступлений. К тому же буржуазные уголовно-процессуальные кодексы предоставляют суду право до начала судебного разбирательства при согласии потерпевшего прекращать уголовные дела о нетяжких телесных повреждениях. В условиях капиталистического общества такой порядок привлечения к уголовной ответственности и осуждения за телесные повреждения, по признанию немецкого буржуазного криминалиста Лефлера, «наносит тяжелый удар энергии уголовного преследования»¹⁰⁹. Представитель господствующего класса может запугать потерпевшего бедняка или дать ему деньги и в результате почти всегда в состоянии предотвратить возбуждение уголовного дела о причинении нетяжких телесных повреждений или рассмотрение этого дела в суде.

Классовый характер буржуазных уголовных законов об ответственности за преступления против здоровья, как и законов об ответственности за преступления против жизни, проявляется, главным образом, не столько в нормах этого законодательства, сколько в ненаказуемости тех посягательств, которые находятся за границами уголовных кодексов: нещадной эксплуатации трудящихся¹¹⁰; отравления природной среды¹¹¹; выпуска в продажу недоброкачественных и фальсифицированных продуктов питания и медикаментов¹¹²; массовых увечий в результате империалистических и колониальных войн¹¹³.

¹⁰⁹ Цит. по: М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, с. 396.

¹¹⁰ См. Ю. А. Добровольский. Здоровье населения мира в XX веке. Капиталистические и развивающиеся страны. М., 1968, с. 280—295.

¹¹¹ Например, в Японии в 1968—1972 гг. от отравления внешней среды пострадал каждый третий человек (см. «Вестник дополнительной иностранной информации ТАСС», 1972, № 55, с. 7).

¹¹² Только в США в результате потребления фальсифицированных продуктов ежегодно серьезно заболевает свыше 3 млн. человек (см. Организованная преступность в Соединенных Штатах Америки, с. 19).

¹¹³ Так, в первую мировую войну было изувечено и ранено около 20 млн. человек, а во вторую — более 90 млн.

Безнаказанными остаются многочисленные нарушения предпринимателями правил охраны труда, порождающие рост производственного травматизма, который «превосходит потери многих считающихся наиболее кровопролитными сражений»¹¹⁴. Достаточно сказать, что, только по официальным данным, на предприятиях США ежегодно получают увечья более 2 млн. человек¹¹⁵. Это в 3 раза больше, чем было ранено солдат и офицеров США за всю вторую мировую войну¹¹⁶.

Не имея возможности замалчивать колоссальный рост так называемых несчастных случаев, буржуазная наука уголовного права стремится ограничить и исключить ответственность капиталистов за производственный травматизм. Немецкий буржуазный криминалист Г. Тарновский открыто заявляет, что в «большинстве тех случаев, когда рабочий страдает от несчастного случая на производстве, конечно, не может иметь место наказание владельца предприятия»¹¹⁷. Чтобы обосновать этот вывод, буржуазные юристы пытаются доказать «закономерность» несчастных случаев, ссылаясь на «неосторожность» рабочих и даже на «подсознательную склонность» рабочих к причинению себе повреждений¹¹⁸. Тем самым создается правовая основа для того, чтобы не вводить в уголовные кодексы норму о наказуемости нарушений техники безопасности, причинивших физический вред.

Имеющиеся же законы об уголовной ответственности за нарушения правил охраны труда, «не говоря уже об их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, чрезвычайно скудны и фактически ограничиваются предписаниями о побелке стен и некоторыми другими правилами о мерах поддержания чистоты, о вентиляции и защите от опасных машин»¹¹⁹. Таков, например, английский

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 214.

¹¹⁵ См. „New York Times“, February 1, 1971.

В 1970 г. в США обнародованы данные, согласно которым в действительности на американских предприятиях происходит в год 25 млн. несчастных случаев, т. е. в десять раз больше, чем регистрируется официальной статистикой (см. «Охрана труда и социальное страхование», 1971, № 3, с. 35).

¹¹⁶ См. «Правда», 12 октября 1957 г.

¹¹⁷ Цит. по: Т. В. Церетели, указ. соч., с. 97.

¹¹⁸ См. Философские и социальные проблемы медицины. М., 1966, с. 14—15.

¹¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 492.

закон 1963 г. о правилах охраны труда в конторах, магазинах и помещениях железнодорожного транспорта¹²⁰. Его основные положения сводятся к тому, что предприниматель обязан поддерживать в этих учреждениях чистоту, надлежащую температуру и вентиляцию, что работники должны регулярно снабжаться принадлежностями для умывания, питьевой водой, не подвергаться во время работы воздействию чрезмерного шума и т. д. Все эти положения носят крайне общий характер: чистота, освещение в помещении должны быть «надлежащими», «разумными», «достаточными» и т. п. Нарушение закона, если оно могло причинить или причинило вред здоровью работника, наказывается штрафом до 300 фунтов стерлингов. Фактически же размеры штрафов гораздо меньше. В 1964 г. английские предприниматели были оштрафованы на 50 248 фунтов стерлингов, в то время как число несчастных случаев составило 350 тыс. В среднем с предпринимателей взыскивали за каждую производственную травму по 3 шиллинга¹²¹. Таким образом, капиталист, уплатив ничтожный штраф, всегда может купить право увечить рабочих.

Безнаказанными остаются многие и из тех посягательств на здоровье трудящихся, которые не находят себе аналогии среди преступлений против жизни.

Так, не составляют преступления телесные повреждения, вплоть до увечий средней тяжести, причиняемые с согласия потерпевшего, хотя бы цели причинения и не являлись социально-полезными (ст. 308 УК Греции, ч. 1 § 248 УК Дании, ч. 2 ст. 2, 11 примерного УК США). Буржуазная наука уголовного права исходит из положения, что каждый является *dominus membrorum suorum*, т. е. властелином над членами своего тела, и волен распоряжаться своей телесной неприкосновенностью по своему усмотрению¹²². Телесная неприкосновенность индивидуума, пишет швейцарский криминалист П. Нолль, вовсе «не является благом общества или государства»¹²³. Поэтому если лицо по тем или иным причинам (чаще всего

¹²⁰ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 5. М., 1964, с. 41—42.

¹²¹ См. „Labour Research“, November 1965, p. 177.

¹²² См. Г. Ф. Пфенninger, указ. соч., с. 336.

¹²³ P. No 11. *Übergesetzliche Rechtfertigungsgründe im besondern die Einwilligung des Verletzten*. Basel, 1955, S. 81.

вынуждаемое условиями жизни) согласилось на то, что-бы его здоровью был причинен вред, причинитель вреда не может быть привлечен к ответственности¹²⁴. Классовая направленность этого принципа очевидна. Он превращает в объект сделки телесную неприкосновенность бедняков, вынужденных в интересах материального обеспечения своей семьи предлагать для продажи свои органы и ткани¹²⁵. «Согласие потерпевшего» позволяет оставлять безнаказанными тех, кто путем жестокой эксплуатации профессиональных спортсменов обрекает на увечья, вплоть до самых тяжких, участников кровопролитных боёв на спортивных площадках¹²⁶; кто подвергает бесчеловечным медицинским экспериментам людей, согласившихся на их проведение. Как сообщает западногерманский журнал «Шпигель», в США в целях проверки новых лекарств заключенных искусственно заражают холерой, им пересаживают раковые клетки, вводят кровь больных лейкозом, наносят тяжелейшие ожоги. Однако поскольку осужденные, надеясь на сокращение срока заключения или улучшение режима, «добровольно» идут на такие «опыты», их «согласие» расценивается как акт пресловутой «свободы» личности, устраняющий возможность уголовного преследования за эти эксперименты¹²⁷.

Некоторые буржуазные ученые, говоря о таких опытах, идут еще дальше и отвергают сам принцип добровольности при их проведении. Они выдвигают положение о правомерности принудительных экспериментов на менее «ценных» людях ради блага более «ценных»¹²⁸. Как известно, подобные положения были использованы для попыток оправдать бесчеловечные преступления врачей-нацистов в гитлеровских лагерях смерти.

Поскольку во многих буржуазных государствах отношения между врачом и пациентом регулируются в основном гражданско-правовыми нормами, фактически не считается преступлением причинение вреда здоровью боль-

¹²⁴ См. P. Noll. *Übergesetzliche Rechtfertigungsgründe im besondern die Einwilligung des Verletzten*. Basel, 1955, S. 81.

¹²⁵ См. «Правда», 12 марта 1972 г.

¹²⁶ См.: Г. Ф. Пфеннинггер, указ. соч., с. 336; „Revue pénal et de criminologie“, novembre 1967, p. 277.

¹²⁷ См. „Der Spiegel“, 1970, № 24, S. 161.

¹²⁸ См. Э. П. Чеботарева. *Врачебная этика*. М., 1970, с. 84—85.

ног в результате неправильного лечения. В больницах США, например, ежегодно производится до 2 млн. операций, в которых не было необходимости; часть таких операций производится из-за неумелой диагностики заболеваний, остальные — чтобы заработать на пациенте¹²⁹. Судебное преследование за эти операции, если и возбуждается, то, как правило, ограничивается гражданским иском. Даже в Австрии, законодательство которой в отличие от большинства капиталистических стран содержит специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за неправильное лечение по незнанию медицинского искусства и за неумело проведенную операцию (§ 356 и 357 УК), уголовное преследование на основании этих норм — большая редкость¹³⁰.

Во многих капиталистических странах не признается преступлением истязание несовершеннолетних в порядке родительской и воспитательской власти (§ 145 УК Австрии, ст. 571 УК Италии, уголовное законодательство Англии¹³¹, ФРГ¹³², ряда штатов США¹³³). В некоторых штатах США закон даже обязывает родителей и педагогов сечь подростков, совершивших проступки. Один американский судья заявил, что в случаях упорного уклонения детей от посещения школы метод воздействия должен состоять в следующем: «Сперва прочесть нотацию, потом приказать родителям высечь ребенка, затем направить его в учреждение для принудительного воспитания»¹³⁴. Характерно, что в большинстве капиталистических стран вопрос о праве родителей, опекунов и учителей подвергать дисциплинарным телесным наказаниям детей находит свое разрешение не в уголовном, а в гражданском кодексе (ст. 870 ГК Франции, ст.ст. 278 и 405 ГК Швейцарии¹³⁵, § 822 ГК Японии¹³⁶). Указанные лица могут

¹²⁹ См. «За рубежом», 1966, № 36, с. 28—29.

¹³⁰ См. Ф. Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970, с. 5.

¹³¹ См. Грюнхут, указ. соч., с. 313.

¹³² См. „Staat und Recht“, 1956, Heft 4, S. 18.

¹³³ См. З. А. Малькова. Современная школа в США. М., 1971, с. 347.

¹³⁴ См. E. Sutherland. Principles of criminology. New York, 1934, p. 282.

¹³⁵ См. Schweizerisches Zivilgesetzbuch. Zürich, 1964.

¹³⁶ См. К. Сайто, указ. соч., с. 328.

быть привлечены к уголовной ответственности за избивание детей лишь в том случае, когда применение насилия повлечет за собой опасные последствия, т. е. выйдет за пределы предоставленного законом права на применение насилия¹³⁷. Согласно итальянскому кодексу, например, истязание детей, которое закон называет «злоупотреблением исправительными и дисциплинарными мерами», влечет наказание только в том случае, если эти меры вызвали телесную или душевную болезнь (ст. 571). При этом обычная санкция за телесные повреждения понижается на одну треть. Узаконение таких действий позволяет оставлять безнаказанными самые вопиющие факты садистского обращения с детьми. Директор одной из английских школ был осужден судом первой инстанции за нанесение побоев палкой десятилетнему школьнику, на теле которого остались глубокие рубцы. Он был приговорен к штрафу в размере 1 фунта стерлингов на том основании, что наказание по своей суровости превышало общепринятую меру. Однако суд второй инстанции, основываясь на показаниях экспертов, установивших, что мальчик относился по своему физическому складу «к тонкокожим субъектам», вследствие чего следы от побоев оказались гораздо значительнее, чем это имело бы место у нормальных детей, прекратил уголовное дело и постановил взыскать с отца избитого ребенка 20 фунтов стерлингов на покрытие судебных расходов подсудимого¹³⁸. Большинство же подобных случаев вообще не доходит до суда¹³⁹.

Классовый характер телесных наказаний несовершеннолетних находит свое выражение в том, что эти наказания, например в ФРГ, применяются только в народных школах. В гимназиях и других школах, где учатся, как правило, лишь дети буржуазии, телесные наказания запрещены¹⁴⁰. В школах ЮАР и Южной Родезии телесные наказания применяются только к «небелым» учащимся¹⁴¹. «Система наказаний и поощрений в буржуазной школе, -

¹³⁷ См. Ф. Новаковский, указ. соч., с. 429.

¹³⁸ См. „Justice of the Peace“, vol. CX, № 18, May 14, 1946, p. 215; vol. CX, № 20, May 18, 1946, p. 269.

¹³⁹ См. „Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht“, 1955, Heft 1, S. 90—96.

¹⁴⁰ См. Как выглядит Западная Германия сегодня. М., 1960, с. 149.

¹⁴¹ См. «Правда», 13 ноября 1965 г.

пишет советский педагог Л. Ю. Гордон, — представляет собой сколок с правовых норм и отношений эксплуататорского общества с его святыми святы — частной собственностью, произволом денежного мешка. На первый план здесь выступают, с одной стороны, возмездие, кара, устрашение, а с другой — конкурентная борьба за место под солнцем, плата за покорность и умение прислуживаться. Поэтому основными средствами наказания и поощрения в буржуазной школе были, и по существу остаются до сих пор, насилие, оскорбление и унижение личного достоинства ребенка, предоставление незначительному меньшинству привилегий в сравнении с массой»¹⁴². Безнаказанная порка несовершеннолетних в школе и семье нужна буржуазии, чтобы, с одной стороны, приучить молодежь к рабскому повиновению, а с другой — воспитать ее способной на любые агрессивные действия, готовой безжалостно угнетать и подавлять во имя интересов капитала. Воспитанная на порке, такая молодежь, получив в руки оружие, без колебаний применит любое насилие, угодное правящим классам.

Буржуазное государство само «законным» образом калечит трудящихся, устанавливая телесные и членовредительские наказания за преступления. Представляя собой пережитки феодальной системы и будучи воспринятыми буржуазией главным образом в силу ее компромисса с дворянством, телесные и членовредительские наказания являются неотъемлемым атрибутом буржуазного уголовного законодательства. К. Маркс, характеризуя буржуазное уголовное право эпохи так называемого первоначального накопления, указывал, что нарождающаяся буржуазия прибегала к чудовищно террористическим законам для приучения трудящихся «к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками»¹⁴³. Анализируя систему наказаний в буржуазном уголовном законодательстве периода развитого капитализма, Ф. Энгельс писал, что в ней «все еще сохранилась нетронутой масса дикостей и гнусностей»¹⁴⁴. Эпоха империализма и связанный с ней разгул реакции также характеризуются сохранением или восстановлением либо по-

¹⁴² «Советская педагогика», 1971, № 1, с. 116.

¹⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 747.

¹⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 638.

пытками восстановления телесных и членовредительских наказаний.

Телесные наказания в виде порки розгами или бичевания кнутом предусмотрены в уголовном законодательстве, например, Эфиопии (ст.ст. 120(2) и 172 УК)¹⁴⁵, ЮАР (поправка 1952 г. к закону об уголовных наказаниях)¹⁴⁶, Ирана (ст. 35 УК), австралийского штата Виктория (ст. 477 УК)¹⁴⁷, американских штатов Вайоминг, Делавэр и Огайо¹⁴⁸. В тех мусульманских буржуазных странах, где действуют некодифицированные уголовно-правовые нормы шариата (Саудовская Аравия, шейхства Аравийского полуострова и др.), также применяются телесные наказания¹⁴⁹. «Для неюриста может оказаться неожиданным,— пишет английский криминалист Э. Дженкс,— что, несмотря на огромные успехи, достигнутые за последнее столетие в смягчении суровости уголовного права, к телесному наказанию можно все еще во многих случаях приговаривать на законном основании»¹⁵⁰. Действительно, закон 1948 г. об уголовном правосудии, отменивший в Англии порку, сохранил ее в качестве наказания за мятеж и подстрекательство к мятежу в тюрьме и грубое насилие над личностью тюремщика со стороны заключенного¹⁵¹. К тому же на некоторых территориях Великобритании этот закон вообще не имеет силы¹⁵² и порка по-прежнему остается здесь одним из основных видов уголовного наказания. Так, на о. Мэн за 1961—1969 гг. было высечено 117 несовершеннолетних¹⁵³. В такой стране, как Никарагуа, применение те-

¹⁴⁵ См. Le code pénal de l'empire d'Éthiopie du 23 juillet 1957. Paris, 1959.

¹⁴⁶ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 177.

¹⁴⁷ См. «За рубежом», 1971, № 38, с. 9.

¹⁴⁸ См.: Советское уголовное право. Общая часть, М., 1969, с. 432; „Journal of Criminal Law and Criminology“, vol. XXXV, № 6, 1945, p. 397—398.

¹⁴⁹ См. И. С. Власов, К. Ф. Гуценко, Ф. М. Решетников, А. Ю. Штротас, указ. соч., с. 193.

¹⁵⁰ Э. Дженкс. Английское право, М., 1947, с. 184.

¹⁵¹ См. Criminal Justice Act 1948, sec. 2, 54. „Archbold pleading evidence, practice in criminal cases“. London, 1954.

¹⁵² Сфера действия английского уголовного права ограничивается собственно Англией и Уэльсом и не распространяется на Шотландию, Северную Ирландию, острова Ла-Манша и о. Мэн (см. Грюнхут, указ. соч., с. 207—208).

¹⁵³ См. «За рубежом», 1970, № 7, с. 22.

лесных наказаний за совершение преступлений предусмотрено даже конституцией (ст. 34)¹⁵⁴.

Уголовные кодексы подробно определяют процедуру попки, по какому месту следует бить, какой палкой или плеткой и т. д. Так, УК штата Огайо предписывает, что наказание приводится в исполнение путем нанесения ударов плетью по обнаженной спине и что общее число ударов не должно превышать шестидесяти. В соответствии со ст. 120(2) УК Эфиопии телесному наказанию может быть подвергнут мужчина в возрасте не свыше 50 лет, число наносимых ударов не должно быть больше 40 и наноситься они должны только по спине. Исполнение наказания должно проходить под «контролем» врача, который вправе прервать его. В штате Виктория (Австралия) лица мужского пола, возраст которых превысил 16 лет, могут быть привязаны к треугольной раме и подвергнуты 36 ударам розги или плети (ст. 477 УК). «Забываясь» о здоровье несовершеннолетнего, приговоренного к телесному наказанию, УК Ирана запрещает наносить ему более 10 ударов кнута в день или более 15 ударов в течение двух дней подряд (ст. 35), а УК Эфиопии разрешает наносить несовершеннолетнему вообще не более 12 ударов (ст. 172).

В настоящее время телесные наказания особенно широко применяются в тех странах, где утвердились расистские режимы (ЮАР, Южная Родезия). В ЮАР только с 1952 по 1962 г. порке было подвергнуто 180 тыс. человек, причем большинство из них были африканцы¹⁵⁵.

Во многих капиталистических странах телесные наказания до сих пор сохраняются в качестве меры дисциплинарного воздействия на заключенных. В ЮАР, по данным министра юстиции, только с июня 1962 по июль 1963 г. 17 393 заключенным было нанесено 82 206 ударов плетью¹⁵⁶. В тюрьмах США, по свидетельству американского криминолога Р. Колдуэлла, «сечение кнутом как средство дисциплины, разрешено законом в некоторых штатах и незаконно производится в остальных»¹⁵⁷. Ле-

¹⁵⁴ См. Конституции государств Американского континента, т. II. М., 1959, с. 454.

¹⁵⁵ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 177—178.

¹⁵⁶ См. „Apartheid News“, 1965, № 7, p. 1.

¹⁵⁷ R. G. Coldwell. Criminology. New York, 1956, p. 495—496.

гально применяются телесные дисциплинарные наказания в тюрьмах некоторых провинций Канады¹⁵⁸. До сих пор предусматривает порку в качестве наказания заключенных и английское уголовное законодательство. Из отчета тюремного ведомства Англии за 1962 г. видно, что в 1953—1962 гг. этому наказанию в среднем ежегодно подвергалось 5 взрослых заключенных¹⁵⁹. В исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей телесные наказания применяются гораздо чаще. По официальным данным, в 1966 г. из 8125 подростков, содержавшихся в этих учреждениях, было выпорото 2968¹⁶⁰.

Варварские членовредительские наказания в их наиболее мучительной и жестокой форме (отрезание ушей, отрубание руки и т. д.) сохраняются в тех буржуазных странах, где действует мусульманское уголовное право. В Саудовской Аравии виновному в краже отсекают руку: при этом «нож палача перед его использованием дезинфицируют, а для обработки культи после экзекуции используется врач, тогда как раньше ее опускали в кипящий овечий жир»¹⁶¹.

Отражая антинаучный, «биологический» подход к природе преступности, уголовное законодательство ряда капиталистических стран предусматривает для преступников, проявивших «половой инстинкт» «ненормальной» силы, такие изуверские наказания, как принудительную кастрацию и стерилизацию (шведский закон 1934 г. о стерилизации и кастрации¹⁶², датский закон о стерилизации и кастрации от 11 мая 1935 г.¹⁶³, исландский закон о стерилизации и кастрации от 13 января 1938 г.¹⁶⁴, норвежский закон 1943 г.¹⁶⁵, финские законы о кастрации и о стерилизации от 17 февраля 1950 г.¹⁶⁶, законодательство 27 штатов США¹⁶⁷). Так, в соответствии с датским

¹⁵⁸ См. „The Montreal Star“, September 25, 1969, p. 12.

¹⁵⁹ См. Н. Н. Полянский, указ. соч., с. 378.

¹⁶⁰ См. «За рубежом», 1967, № 35, с. 21.

¹⁶¹ J. Benoist-Méchin. *Arabian destiny*. London, 1957, p. 248.

¹⁶² См. P. Bouzat. *Traité théorique et pratique de droit pénal*. Paris, 1951, p. 258—259.

¹⁶³ См. Ф. Маркус, указ. соч., с. 278—280.

¹⁶⁴ См. М. Д. Шаргородский. *Современное буржуазное уголовное законодательство и право*, с. 69.

¹⁶⁵ См. А. Н. Рубакин, указ. соч., с. 191—192.

¹⁶⁶ См. Б. Хонкасало, указ. соч., с. 214—215.

¹⁶⁷ См. H. E. Barnes and N. K. Teeters, *op. cit.*, p. 180.

законом от 11 мая 1935 г. суд вправе в приговоре или позднее (если в приговор включена соответствующая оговорка) сделать распоряжение о производстве принудительной кастрации в тех случаях, когда виновный совершил или попытался совершить изнасилование либо другие предусмотренные в законе преступления против нравственности, характеризующие его как опасного в этой области правонарушителя и дающие основание опасаться, что половое влечение толкнет виновного на совершение новых аналогичных преступлений, а перспектива подвергнуться наказанию его не удержит. Хотя эти изуверские меры влекут за собой физический и духовный распад личности, буржуазия не останавливается перед их применением¹⁶⁸. В качестве наказания и «превентивной» меры они широко распространены в США. С начала столетия к 1958 г. здесь было стерилизовано в качестве «потенциальных преступников» 31 038 больных с «умственной недостаточностью»¹⁶⁹. Принудительная стерилизация применяется в США и к несовершеннолетним правонарушителям; кастрация, помимо США, в последние годы в определенном объеме производилась в Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии, Дании и Гренландии¹⁷⁰.

Для многих буржуазных юристов характерно стремление сохранить или даже расширить применение телесных наказаний. В Англии после издания упомянутого выше закона 1948 г. судьи неоднократно ставили вопрос о восстановлении телесных наказаний в качестве уголовного наказания; проведенный по этому поводу в 1958 г. опрос мировых судей дал следующие результаты: за восстановление телесных наказаний высказалось 4412 человек, против — 1886¹⁷¹.

Большое внимание уделяется обоснованию необходимости таких мер уголовного наказания, как кастрация и стерилизация. Некоторые буржуазные юристы предлагают заменить для сексуальных преступников принцип

¹⁶⁸ Принудительная кастрация и стерилизация широко практиковалась в гитлеровской Германии (см. «Социалистическая законность», 1937, № 2, с. 83—84).

¹⁶⁹ См. P. Stanley. The mentally retarded in society. New York, 1959, p. 87—89.

¹⁷⁰ См. А. М. Яковлев. Социал-дарвинизм в уголовном праве США. «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 27, М., 1972, с. 145.

¹⁷¹ См. B. Abel-Smith and R. Stevens. Lawyers and the courts. London, 1967, p. 30.

ответственности за вину принципом применения медицинских мер и направлять таких преступников не в тюрьму, а к хирургу¹⁷². В ряде буржуазных государств лицу, совершившему половое преступление, может быть предложен выбор между «добровольным» согласием на кастрацию (или стерилизацию) и заключением в тюрьме. Случаи, когда преступники под угрозой длительного лишения свободы «добровольно» соглашались на кастрацию или стерилизацию, уже имеются в судебной практике США¹⁷³ и ФРГ¹⁷⁴.

Таким образом, телесные и членовредительские наказания, по уверениям апологетов буржуазии, якобы исчезающие из уголовного законодательства капиталистических государств, по-прежнему остаются одним из орудий подавления и устрашения трудящихся.

3. Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье

Буржуазное уголовное законодательство об ответственности за преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье (аборт, оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, злостное уклонение от содержания детей и др.), — продукт социального неравенства в капиталистическом обществе. Его нормы защищают власть имущих.

Буржуазные уголовные кодексы считают преступлением изгнание плода, произведенное самой беременной или другими лицами. Уголовной ответственности подлежит лицо, которое делало аборт, и женщина, которой делали аборт.

Наказуемость искусственного прерывания беременности вызвана вовсе не заботой о жизни и здоровье женщины. Хотя аборт опасен для ее жизни и здоровья даже при самых благоприятных объективных медицинских показаниях, большинство буржуазных криминалистов не считает эти блага достойными уголовно-правовой охра-

¹⁷² См.: Г. Ф. Пфеннингер, указ. соч., с. 362; J. Andenaes. The general part of the criminal law of Norway. London, 1965, p. 91—92; E. R. Frey. Heilen statt strafen, Zürich, 1962.

¹⁷³ См. „Time“, June 3, 1966

¹⁷⁴ См. „Monatsschrift für Kriminologie“, 1968, Heft 5, S. 200.

ны. Так, западногерманский юрист Р. Маурах, отметив, что объектом аборта является человеческий плод «с момента зачатия до начала отделения его от тела матери», пишет, что признание объектом аборта здоровья женщины не находит оснований в законе¹⁷⁵. О том, что объектом уголовно-правовой охраны при аборте является плод, жизнь будущего человека, а не беременная женщина, за которой отрицается право распоряжаться судьбой носимого ею плода, свидетельствует отнесение аборта голландским, греческим, швейцарским и некоторыми другими кодексами к преступлениям против жизни. Если бы в качестве объекта аборта рассматривалась женщина, то это действие в большинстве случаев было бы ненаказуемо, ибо в буржуазном уголовном праве, как уже указывалось выше, признается право каждого лица наносить себе определенный вред или давать согласие на нанесение себе такого вреда.

Наказуемость аборта обусловлена классовыми интересами буржуазии. В середине XIX — начале XX века нормы, запрещающие искусственное прерывание беременности, были включены во все уголовные кодексы, ибо буржуазии было необходимо иметь избыток населения, чтобы обеспечить армию пушечным мясом, а капиталистическое производство — постоянным резервом рабочих рук, облегчающим эксплуатацию трудящихся и получение высокой прибыли. Источником этих норм явились также религиозные догмы, согласно которым аборт рассматривается как убийство, поскольку оплодотворение и деторождение якобы освящено божественным волеизъявлением. В настоящее время империалистические государства по-прежнему выступают за наказуемость аборта, ибо даже в условиях научно-технической революции капитализм, сколько бы ни говорили о его «коренной трансформации», нуждается, как и раньше, в постоянном избытке рабочих рук. Для буржуазии рост населения — это увеличение числа потребителей, необходимое условие повышения спроса на товары, улучшения торговой конъюнктуры.

Но это не мешает неомальтузианцам проповедовать необходимость сокращения рождаемости в экономически слабо развитых странах, а также в промышленно раз-

¹⁷⁵ См. R. Maurach. Deutsches Strafrecht. Besonderer Teil. Karlsruhe, 1956, S. 50.

витых странах в период экономической депрессии. Неомальтузианство представляет собой реставрацию реакционных идей английского буржуазного экономиста Мальтуса, писавшего о существовании закона развития народонаселения, согласно которому народонаселение растет быстрее, нежели это допускают имеющиеся средства существования. Неомальтузианцы использовали это утверждение, чтобы оправдать «неизбежность» нищеты народных масс и провозгласить ограничение рождаемости среди неимущих классов панацеей от нужды и голода. Не ограничиваясь такой пропагандой, они выдвигают длинные требования истребить или стерилизовать для спасения цивилизации миллионы людей, которые якобы «перенаселяют» землю в силу закона природы. Неомальтузианство является одним из средств идеологического оправдания захватнических войн и применения оружия массового истребления¹⁷⁶.

В. И. Ленин, выражая отношение пролетариата к производству аборта, указывал, что рабочий класс всегда был против искусственного прерывания беременности. Разоблачая реакционную сущность неомальтузианства, он говорил, что «сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества»¹⁷⁷. Вместе с тем В. И. Ленин требовал ненаказуемости аборта буржуазными законами, указывал, что такие законы «не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс»¹⁷⁸. Отмечая, что марксисты являются безусловными врагами неомальтузианцев, В. И. Ленин писал: «Разумеется, это несколько не мешает нам требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов... Одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократичес-

¹⁷⁶ См. Я. И. Рубин. Теория народонаселения (мальтузианское и буржуазно-антимальтузианское направления). М., 1972, с. 46—51.

¹⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 257

¹⁷⁸ Там же.

ких прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства»¹⁷⁹.

Следует иметь в виду, что мальтузианскую и неомальтузианскую политику нельзя огульно отождествлять с программами планирования семьи, которые осуществляются в ряде развивающихся стран в связи с «демографическим взрывом». Здесь, в условиях унаследованной от колониализма отсталой экономики и отсутствия необходимых средств для ее радикального переустройства, дополнительные людские ресурсы становятся отрицательным фактором в экономическом развитии, обостряют проблему занятости, ухудшают продовольственное положение, что побуждает правительства этих стран принимать меры к замедлению естественного роста населения. К ним относятся и законодательные меры — разрешение абортов, добровольная стерилизация и т. д. Как отмечает советский демограф Я. Н. Гузеватый, «даже если отвлечься от экономической стороны вопроса, широкое ознакомление населения развивающихся стран со средствами и методами ограничения рождаемости необходимо в качестве обязательной составной части общих мероприятий по охране здоровья матери и ребенка прежде всего ради сокращения материнской смертности от чрезвычайного числа рождений и некавалифицированных абортов»¹⁸⁰.

Весь строй буржуазных общественных отношений с неумолимой жестокостью толкает женщину на производство аборта. Предприниматели отказываются держать на работе кормящих матерей или беременных, не принимают на работу женщин, если те не подписывают обязательства не выходить замуж или не становиться матерью. Непрерывный рост стоимости жизни, хроническая безработица с особенной силой обрушивается на женщин, «ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне»¹⁸¹. Бедственное положение женщин усугубляется полным отсутствием со стороны государства заботы о действительном обеспечении младенчества и материнства, невероятной дороговизной медицинского обслуживания, унижительными законами о внебрачных детях.

¹⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 257.

¹⁸⁰ Я. Н. Гузеватый. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970, с. 305.

¹⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 368.

Будучи не в силах устранить причины, которые вынуждают женщину прибегать к аборту, буржуазное государство обрушивает наказание за аборт на саму женщину. Женщина, которая произвела себе искусственное прерывание беременности, карается в Швеции лишением свободы на срок до 2 лет (ст. 4 гл. 3 УК), в Греции (ст. 304 УК) и Норвегии (§ 245 УК) — до 4 лет, в Бельгии (ст. 351 УК) и Италии (ст. 546 УК) — до 5 лет. Даже негодное покушение на производство аборта, которое совершено женщиной, ошибочно считающей себя беременной, рассматривается как преступление в судебной практике ФРГ¹⁸² и Швейцарии¹⁸³. Поэтому в ФРГ, например, аборты часто делались не в первые месяцы беременности, а путем вызова преждевременных родов к концу шестого месяца. Хотя преждевременные роды подвергают здоровье максимальной опасности, женщины шли на это, поскольку при таком способе трудно доказать, был ли сам аборт, и, следовательно, можно было избежать ответственности за нарушение закона¹⁸⁴.

Закрепляя бесправное положение трудящейся женщины, буржуазные кодексы, например УК Швейцарии (п. 3 ст. 120), запрещают производство аборта по так называемым социальным показаниям, т. е. по обстоятельствам, лежащим в социальном или экономическом положении женщины. Правда, английский закон 1967 г. об абортах разрешает плодотизнание в случае, если продолжение беременности создает угрозу для физического или духовного развития кого-либо из ранее родившихся детей данной женщины. Но эта формулировка, которая, по мысли законодателя, должна означать ухудшение положения детей, нуждающихся в материнской заботе, поскольку рождение еще одного ребенка ограничит возможности матери по уходу за детьми¹⁸⁵, имеет отношение только к тем беременным женщинам, которые уже имеют

¹⁸² См. W. Sauer. Allgemeine Strafrechtslehre. Berlin (W.), 1955, S. 113—114.

¹⁸³ См. Г. Ф. Пфеффингер, указ. соч., с. 427.

¹⁸⁴ См. „Kriminalistik“, 1959, Heft 7, S. 314.

В апреле 1974 г. бундестаг признал ненаказуемым аборт, произведенный в медицинских условиях до истечения трехмесячного срока беременности (см. „Trybuna Ludu“, 20 maja 1974 r.).

¹⁸⁵ См. Ph. Addison. The impact of the Abortion Act 1967 in Great Britain. „Medical-legal Journal“ (Cambr.), 1970, vol. 38, № 1, p. 15—21.

детей, и к тому же подменяет понятие материальной нужды расплывчатым понятием «нужды в материнской заботе». Буржуазные кодексы разрешают производство аборта лишь по медицинским, евгеническим и этическим соображениям: когда продолжение беременности грозит опасностью для жизни или здоровья женщины (ч. 1 ст. 86 УК Аргентины, ст. 304 УК Греции); когда есть веские основания полагать, что ребенок родится с серьезными физическими или психическими недостатками (закон 1967 г. об абортах в Англии, закон о беременности от 23 июня 1956 г. в Дании¹⁸⁶, закон о прерывании беременности от 17 февраля 1950 г. в Финляндии¹⁸⁷); когда беременность является следствием изнасилования или иных половых преступлений (ч. 2 ст. 86 УК Аргентины, ст. 304 УК Греции). Уголовное законодательство Австрии, Чили и большинства штатов США считает два последних случая слишком смелым новшеством и объявляет плодизгнание наказуемым даже тогда, когда оно имеет своей целью избавить женщину от рождения ребенка-урода или от последствий учиненного над ней насилия. Таким образом, «даже в тех случаях, когда беременность является результатом преступления,— писал М. Гродзинский,— женщина не вправе освободиться от этих последствий и должна нести на себе всю их тяжесть едва ли не всю жизнь, а за попытку избавиться себя от ожидающей ее участи женщина, потерпевшая от преступления (например, от изнасилования), сама становится преступницей и отсылается в тюрьму»¹⁸⁸. Еще дальше идут УК Ирана, который устраняет наказуемость женщины, произведшей аборт, лишь в случае, когда она его делает по распоряжению мужа (ст. 183), и уголовные кодексы Бельгии (ст.ст. 350 и 351) и Голландии (ст.ст. 290 и 291), которые вообще не знают каких-либо обстоятельств, оправдывающих производство аборта.

Подобные законы находят самое жестокое применение. Так, жительница штата Аризона (США) Ш. Финклайн, употреблявшая во время беременности талидомид, решила не рожать и обратилась в суд с ходатайством предоставить ей право на аборт. Свою просьбу Финклайн обо-

¹⁸⁶ См. Современное зарубежное уголовное право, т. 2, с. 549.

¹⁸⁷ См. Б. Хонкасало, указ. соч., с. 213.

¹⁸⁸ «Вестник советской юстиции», 1922, № 12, с. 466.

сновала тем, что к этому времени употребление беременными женщинами талидомида, разрекламированного как успокоительное лекарство, вызвало в США, Канаде и Западной Европе волну рождений детей-калек. Однако все американские суды, куда она обращалась, отклонили ее ходатайство как «негуманное». Финклайн пришлось поехать в Швецию (УК Швеции, действовавший до 1965 г., разрешал производство аборт). Когда ей сделали операцию, выяснилось, что ребенок родился бы без руки и без ног¹⁸⁹. Известны случаи, когда буржуазная юстиция отказывала в производстве аборта несовершеннолетним девушкам, забеременевшим в результате изнасилования¹⁹⁰.

Еще более сурово караются лица, которые произвели аборт беременной женщине, в особенности медицинские работники. В Бельгии, например, произведшее аборт лицо наказывается тюрьмой на срок от 2 до 5 лет и штрафом (ст. 350 УК). Если же аборт совершен медиком, то виновный карается каторжными работами на срок от 10 до 20 лет (ст. 353 УК). Во Франции медики подлежат уголовной ответственности за одно указание abortивных средств (ч. 3 ст. 317 УК). Так, французским судом был осужден за покушение врач, который во время медицинского осмотра беременной только дал согласие сделать ей аборт¹⁹¹. Ввиду усиленной ответственности врачи избегают делать женщинам незаконный аборт. Их услуги могут сделаться доступными только для женщин из привилегированных классов при соответствующей оплате за повышенный риск. Обладая деньгами, женщины из состоятельных сословий имеют возможность произвести подпольный аборт в гигиенических условиях либо совершить дорогостоящую поездку в одну из тех стран, где аборты разрешены, для производства легального аборта. Вполне доступны для таких женщин аборт и «по медицинским по-

¹⁸⁹ См. А. Лауричюкас. Третья сторона доллара. М., 1968, с. 240—241.

В январе 1973 г. верховный суд США разрешил производство аборта по медицинским показаниям (см. „Трубина Litu“, 15 maja, 1974 г.).

¹⁹⁰ См. Проблемы преступности, вып. 3. М., 1928, приложение, с. 19.

¹⁹¹ См. Н. Ф. Кузнецова. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 199.

казаниям». Для этого стоит лишь получить свидетельство за подписью двух терапевтов о том, что аборт требуется по состоянию здоровья, затем хорошо уплатить и третьему врачу — гинекологу. Для трудящихся женщин дорогостоящие услуги врачей недоступны. Они вынуждены обращаться за более дешевой помощью к сомнительным акушеркам, невежественным знахарям и шарлатанам, которые своими «операциями» нередко калечат или лишают жизни пациенток. В США в 1969 г. было зарегистрировано 350 тыс. женщин, обратившихся в клиники по поводу тяжелых последствий подпольных абортов; около 8 тыс. из них погибли ¹⁹².

Уголовное законодательство ряда стран преследует в качестве самостоятельного преступления не только производство аборта, но и продажу и пропаганду abortивных (ст. 305 УК Греции) и противозачаточных средств (уголовные кодексы некоторых штатов США, действующий в Баварии, Северной Вестфалии и некоторых других землях ФРГ гитлеровский закон от 21 января 1941 г. о запрете абортов и контрацептивов) ¹⁹³.

Многие буржуазные кодексы содержат статьи об ответственности за неоказание помощи погибающему не только лицом, обязанным заботиться о нем, но и лицом, на котором не лежало юридической обязанности оказать помощь (например, ст.ст. 106—108 УК Аргентины, § 217 и 218, ч. 1, УК Японии). Но такие нормы — лишь дань общечеловеческой морали, они введены в кодексы в демагогических целях и практически не применяются. В обществе, где господствует частнособственническая мораль, где «каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом» ¹⁹⁴, не может в полной мере преследоваться оставление без помощи того, кто находится в опасном для жизни состоянии и не способен принять меры самосохранения, если оказание помощи не предусмотрено законом или договором. В этом плане более откровенна позиция тех кодексов, которые карают оставление в опасности только малолетних (§ 149 УК Австрии, ст.ст. 353 и 358 УК Бельгии) и объявляют ненаказуемыми все остальные случаи оставления лица в беспомощном состоянии перед

¹⁹² См. „Life“, March 16, 1970, p. 10.

¹⁹³ См. Е. А. Садвоквасова. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969, с. 20.

¹⁹⁴ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 187.

лицом грозящей его жизни опасности. А законодательство Англии не знает и такого исключения. В Англии поведение человека, хладнокровно наблюдающего за тем, как в неглубоком водоеме тонет чужой ребенок, для спасения которого достаточно ничтожного усилия, не является ни преступлением, ни гражданским правонарушением¹⁹⁵. «На мне не лежит правовой обязанности оказывать помощь постороннему лицу», — комментирует Кенни это положение английского законодательства. Поэтому, заключает Кенни, «я не обязан предупредить слепца, бредущего к краю обрыва»¹⁹⁶.

Для ответственности, устанавливаемой за неоказание помощи в случаях, когда виновные не несут специальной обязанности заботиться о потерпевшем, характерно искусственное ее сужение буржуазными уголовно-правовыми доктринами. Буржуазные криминалисты считают, что для наступления ответственности за неоказание помощи необходимо, чтобы помощь могла быть оказана без всякой опасности для себя; при этом вопрос о том, в какой мере обвиняемое лицо обязано было рисковать своими интересами, должен решаться исходя из его собственной точки зрения¹⁹⁷. Намеренно ограничивается круг лиц, ответственных за неоказание помощи погибающему. Лист исключал ответственность в том случае, если не оказавший помощь «имел основание с уверенностью ожидать, что покинутый будет подобран другими лицами»¹⁹⁸. Американский юрист Р. Хейл отмечает: «Если человек упал в реку, не может быть юридической обязанности каждого помочь ему»¹⁹⁹. Из приведенных высказываний явствует, что при наличии группы лиц, оказавшихся очевидцами опасности, угрожающей другому лицу, гарантируется безнаказанность каждого, хотя бы он и мог оказать помощь, но бездействовал; согласно этой точке зрения, одиночный зритель, не оказавший помощь погибающему, подлежит ответственности, в то время как бездействие нескольких лиц, имеющих возможность объединенными усилиями легче и быстрее спасти погибающего, исключает

¹⁹⁵ См. К. Кенни, указ. соч., с. 9, 129.

¹⁹⁶ Там же, с. 129.

¹⁹⁷ См. об этом: И. И. Горелик. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973, с. 175.

¹⁹⁸ Ф. Лист, указ. соч., с. 26.

¹⁹⁹ Цит. по: И. И. Горелик, указ. соч., с. 178.

ет их ответственность. Буржуазная печать пестрит сообщениями о том, что люди, присутствующие на месте совершения преступления и имеющие возможность помочь жертве, никак не реагируют на призывы о помощи. В одном из кварталов Нью-Йорка 37 жителей оказались свидетелями того, как преступник в течение целого часа наносил удары ножом девушке, но никто из них не позвонил в полицию. Ее вызвали лишь тогда, когда девушка была уже мертва²⁰⁰. Как констатирует американский журнал «Нейшн», «редкий человек сейчас добровольно придет на помощь жертве нападения, даже если потерпевший лежит у его ног»²⁰¹.

Безнаказанными остаются и другие случаи неоказания помощи лицу, находящемуся в смертельной опасности.

В соответствии с международной конвенцией от 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно помощи и спасения на море»²⁰² буржуазное уголовное законодательство под страхом наказания возлагает на капитанов судов обязанность оказывать помощь всякому лицу, которое терпит бедствие в море. Однако корабли воюющих империалистических держав во время мировых войн в нарушение конвенции и элементарных норм гуманности не только не спасали, но нередко даже расстреливали спасающихся после потопления судна матросов и пассажиров. Немецкими фашистами неоказание помощи и уничтожение экипажей потопленных судов было даже возведено в обязанность моряков²⁰³.

Не считается преступлением неоказание частнопрактикующим врачом помощи больному, находящемуся в опасном для жизни состоянии, если последний неплатежеспособен. В буржуазных странах кодексы профессиональной этики врачей считают оказание помощи больным обычным бизнесом и решительно осуждают предоставление бесплатной медицинской помощи, квалифицируя ее

²⁰⁰ См. „U. S. News and World Report“, October 7, 1968, p. 62.

²⁰¹ См. „The Nation“, January 11, 1965.

²⁰² См. Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959, с. 168—171.

²⁰³ См.: Нюрнбергский процесс, т. 4. М., 1959, с. 844; Нюрнбергский процесс, т. 7. М., 1959, с. 476.

как способ «грязной конкуренции», «базарной рекламы»²⁰⁴. Поэтому вопрос о неоказании помощи врачам переносится в плоскость коммерческих законов и объявляется не терпящим уголовно-правового вмешательства. Когда в апреле 1964 г. бельгийские врачи, будучи недовольны правительственным решением, несколько урезавшим их чрезмерные доходы, отказались лечить больных, ни один из них не был привлечен к уголовной ответственности²⁰⁵.

Международными конвенциями о защите жертв войны установлена уголовная ответственность за неоказание помощи больным и раненым военнопленным²⁰⁶. Однако державами оси во время второй мировой войны была введена организованная система истребления военнопленных, в том числе раненых и больных, и бесчеловечного обращения с ними. Безнаказанно попирали нормы международного уголовного права о гуманном обращении с ранеными и больными пленными американские агрессоры во Вьетнаме и израильские захватчики во время войны против арабских государств.

Интересы буржуа находят выражение и в тех нормах, которые предусматривают наказание за оставление без содержания детей и неоказание помощи родителям.

Главное, чем проникнуты во всех капиталистических странах законы, определяющие круг взаимных прав и обязанностей родителей и детей, это забота об имущественных интересах собственника. Поэтому, когда буржуа, оставивший семью, пренебрег обязанностью содержать своих детей, для привлечения его к уголовной ответственности за это преступление необходим ряд дополнительных условий: требуется, чтобы налицо были оставление виновным места жительства семьи или «образ жизни, противный семейному порядку или нравственности» (ст. 572 УК Италии), чтобы ребенок находился в «бедственном» положении (ст. 358 УК Греции, § 213 УК Дании) и т. д. Наказуемость неоказания помощи нуждающимся и нетрудоспособным родителям также наступает лишь в том случае, когда они являются инвалидами (закон № 13944 от 9 октября 1950 г. в Аргентине)²⁰⁷ или

²⁰⁴ См. Э. П. Чеботарева, указ. соч., с. 10.

²⁰⁵ См. «Известия», 14 апреля 1964 г.

²⁰⁶ См. Женевские конвенции о защите жертв войны. М., 1954.

²⁰⁷ См. Р. Нуньес, указ. соч., с. 98.

впали в «бедственное» положение (ст. 358 УК Греции), когда имеют место «праздность и беспутство» виновного (ст. 217 УК Швейцарии). Если такие условия отсутствуют, уголовная ответственность виновного исключается.

Правда, возникновение дел об алиментах в пользу «законных» детей, обусловленное, как правило, расторжением брака, численно ограничено теми преградами, которыми обставлено по буржуазному праву само расторжение брака. Наиболее массовым и типичным носителем алиментных потребностей в буржуазном обществе является ребенок, рожденный вне брака. Однако большинство буржуазных кодексов объявляет ненаказуемым отказ от содержания «незаконного» ребенка, даже если достоверно известно, что виновный является его отцом. Буржуазные криминалисты лицемерно оправдывают существование таких жестоких норм необходимостью укрепления морали, охраны «святости» брака. В действительности же эти нормы преследуют цель укрепления материальной базы буржуазной семьи, защиту ее права собственности от имущественных претензий со стороны внебрачной семьи. В изданном в 1956 г. в Нью-Йорке учебном пособии «Социологическая теория» прямо указывается: «Семья не только распределяет богатство, но и накапливает собственность различного рода в форме капитала. Для индивидуального и социального прогресса весьма существенно, чтобы эти накопления передавались определенным и упорядоченным образом от одного поколения к другому»²⁰⁸.

За последние годы в ряде стран приняты законы, уравнивающие внебрачных детей с теми, которые рождены в браке, в алиментной правоспособности (английский закон 1969 г. о реформе семейного права²⁰⁹, западногерманский закон 1969 г. о внебрачных детях²¹⁰). Эти законы нашли отражение и в соответствующих уголовно-правовых нормах. Но эти изменения были вызваны не столько заботой об участии внебрачных детей, сколько стремлением буржуазного государства сбросить со своего бюд-

²⁰⁸ Цит. по: А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 84.

²⁰⁹ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 53. М., 1970, с. 60—61.

²¹⁰ См. W. Becker. Das neue Recht der nichtehelichen Kinder. „Medizinische Klinik“, 1969, vol. 64, № 45, S. 2109—2110.

жета те суммы, которые оно тратит на содержание беспризорных детей в приютах и исправительных колониях.

4. Половые преступления

В буржуазных уголовных законах, устанавливающих ответственность за половые преступления, ярко проявляются особенности классовой буржуазной морали.

Одной из таких особенностей является отношение к женщине как к товару, предмету купли-продажи, подверженному законам капиталистического рынка. Американский социолог К. Кирпатрик, показывая жестокость и цинизм буржуазного общества по отношению к женщине, пишет: «Точно установленное изнасилование может рассматриваться в нашем обществе как ограбление лавки, а проститутка как штрейкбрехер, запрашивающий меньше существующей цены и гарантирующий при этом безопасность от возможности ребенка. Женщины с физическими недостатками, уменьшающими их сексуальную привлекательность, могут рассматриваться как испорченные товары, а невесты — как подержанные товары... Старую деву можно по аналогии сравнить с торговцем-неудачником... Старые женщины могут рассматриваться как опустошенные лавки» ²¹¹.

Это отношение к женщине как к существу, созданному для обслуживания мужчины, проявляется, в частности, в том, что законодательство во многих буржуазных странах не считает преступлением понуждение женщины к вступлению в половую связь путем использования ее материальной зависимости. Этот состав неизвестен кодексам Аргентины, Франции и ряда других государств. Они оставляют безнаказанными посягательства на половую свободу трудящейся женщины со стороны тех, кто «дает» ей работу.

Подчеркивая приниженное, постыдно неравное положение женщины в буржуазной семье, буржуазное уголовное законодательство (§ 125 УК Австрии, ст. 336 УК Греции, § 177 УК ФРГ, ст. 187 УК Швейцарии) признает преступлением изнасилование только вне брака. По законодательству этих стран муж, принудивший свою жену путем насилия или угрозы к половому сношению, не не-

²¹¹ Цит. по: А. Г. Харчев, указ. соч., с. 79—80.

сет уголовной ответственности. Специальное исключение из указанного правила установлено английской судебной практикой, согласно которой, если жена добилась судебного решения о раздельном жительстве (но официальный брак продолжает существовать), то принуждение ее мужем к сожительству будет рассматриваться как половой деликт ²¹². Подобным образом «урегулирован» этот вопрос и в примерном УК США (п. 2 ст. 213.6).

Неравенство женщины в буржуазном браке подкрепляется также ее повышенной ответственностью за прелюбодеяние (половое сношение лица, состоящего в браке, с посторонним лицом). Этот состав предусмотрен почти во всех уголовных кодексах, которые, как правило, наказывают жену за совершение этого преступления более сурово, чем мужа. По французскому кодексу жена, уличенная в прелюбодеянии, подвергается тюремному заключению на срок от 3 месяцев до 2 лет (ст. 337), а муж — штрафу (ст. 339). Инициатива уголовного преследования неверной жены принадлежит мужу. Тюремное заключение для нее также может быть применено лишь с согласия мужа. Простив жену, он властен прекратить исполнение судебного приговора. Многие уголовные кодексы наказывают жену за всякое, хотя бы однократное прелюбодеяние, а мужа — лишь за прелюбодеяние с женщиной, которую он поселил в супружеском доме (ст. 339 УК Франции, ст. 404 УК Португалии) или «открыто в другом месте» (ст. 118 УК Аргентины, ст. 339 УК Бельгии), либо только тогда, когда он содержал или содержит любовницу «таким образом, что это вызывает скандал» (ч. 1 ст. 381 УК Чили). По УК Турции мужчина, поселивший любовницу в супружеском доме, наказывается лишь в случае длительной связи с нею. Иное нарушение мужем «супружеской верности» не преследуется (§ 440).

Решением конституционного суда в Италии в 1968 г. были отменены две первые части ст. 559 УК о наказании за случайную внебрачную связь. Ранее в этом случае и женщине, и ее партнеру грозило тюремное заключение на срок до 1 года. Комментируя изменение кодекса, буржуазная газета «Стампа» заявила, что «неверность жены больше не является объектом уголовного преследо-

²¹² См. Грюнхут, указ. соч., с. 314

вания» и что это изменение «наконец-то устранило неравенство между мужем и женой» в части, касающейся уголовно-правовых последствий супружеской неверности²¹³. Однако в кодексе оставлена в силе ч. 3 ст. 559, предусматривающая лишение свободы сроком до 2 лет для «неверной» супруги, вступившей в относительно устойчивые внебрачные интимные отношения. Правда, в кодексе сохранена ст. 560, устанавливающая уголовную ответственность и для мужа, нарушившего супружескую верность. Но для признания измены супруга уголовно-наказуемой недостаточно самого факта внебрачной связи, хотя бы и устойчивой, необходимо незаконное сожителство с другой женщиной «в супружеском доме» или публичное афиширование внебрачной связи. Очевидно, что по-прежнему мужчина находится в привилегированном положении.

Такая регламентация ответственности за прелюбоддеяние обусловлена в конечном счете экономическими отношениями общества эксплуататорского типа. «Прелюбоддеяние жены и мужа одинаково подлежит порицанию в глазах морали,— писал комментатор УК Франции Бланш,— но с точки зрения социальной дурное поведение жены имеет еще много иных последствий сравнительно с дурным поведением мужа. Жена своей блудной жизнью может ввести в семью детей, которые узурпируют у нее имя и будут ее грабить. Мужчина, своим разпутством, только оскорбляет супружескую верность. И вполне разумно, кодекс относится более сурово к прелюбоддеянию жены, чем мужа»²¹⁴. Уголовная ответственность за прелюбоддеяние еще раз подчеркивает стремление буржуазии сохранить незыблемыми устои буржуазной семьи, в основе которой лежат отношения частной собственности.

Лицемерно ратуя за «святость» брака, буржуазное законодательство в то же время допускает «измену» жены, если она совершена с разрешения мужа (ст. 214 УК Швейцарии, ст. 497 УК Индии). Например, в США беспрепятственно практикуется «обмен жепами»²¹⁵. Когда

²¹³ Цит. по: «Советская юстиция», 1969, № 11, с. 27.

²¹⁴ Цит по: М. М. Абрашкевич. Прелюбоддеяние с точки зрения уголовного права. Одесса, 1904, с. 392—393.

²¹⁵ См.: Г. К. Уэллс. Морские свинки и буржуазное свинство. «Вопросы философии», 1958, № 6, с. 170; В. Морсе. The sexual revolution. Derby, 1962, p. 122.

в 1964 г. в Сан-Франциско было выявлено несколько клубов по обмену женами, объединявших «добропорядочные» супружеские пары, прокуратура города отказалась возбудить уголовное дело, заявив, что «личный обмен женами на время и во имя... удовольствия не преследуется законом»²¹⁶. В мире капитала, где брак признается обычной гражданской сделкой, муж вправе пустить свою жену в «оборот» для извлечения прибыли. Так, некий Лебар из Западной Германии «уступил» на время одному американскому миллионеру свою жену за ежемесячную компенсацию в 12 тыс. марок²¹⁷. Никто не понес ответственности за эти действия, ибо их не считал преступлением даже применявшийся до 1969 г. § 172 УК ФРГ, который карал за прелюбодеяние, когда оно повлекло развод супругов.

Под предлогом охраны «святости» и «нерушимости» брака уголовное законодательство ряда стран обрушивается на конкубинат — внебрачное сожительство незамужней женщины с неженатым мужчиной. В Финляндии обе стороны подвергаются за это штрафу. Только заключение брака освобождает «виновных» от наказания. В некоторых кантонах Швейцарии, например в Граубюндене, внебрачное сожительство наказывается строго обычно, если оно приводит к беременности. Капиталистическое государство не останавливается даже перед полицейским вмешательством в интимные отношения своих граждан. Так, в кантоне Цюрих полиция имеет право в административном порядке прекратить внебрачное сожительство незамужней женщины и неженатого мужчины; отказ исполнить это распоряжение влечет ответственность по ст. 292 УК за неповиновение власти²¹⁸.

Ответственность за конкубинат — наглядный пример лицемерия буржуазного законодательства об ответственности за половые преступления. «Человек, под условием, что удовлетворение его потребности не приносит никому другому никакого вреда, должен сам распоряжаться собой, — писал А. Бебель. — Удовлетворение половой потребности такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности.

²¹⁶ См. «Советская культура», 13 февраля 1965 г.

²¹⁷ См. «Правда», 21 августа 1966 г.

²¹⁸ См. Г. Ф. Пфеннингер, указ. соч., с. 481.

Никто не должен отдавать в этом отчет другому, и не призванный не должен сюда вмешиваться»²¹⁹. Будучи пережитком феодальной системы, институт ответственности за конкубинат используется буржуазным государством, чтобы регулировать самые интимные стороны личной жизни своих граждан, подавляя тем самым их социальную свободу.

При установлении ответственности за половые преступления против несовершеннолетних буржуазия, казалось бы, строго и разносторонне охраняет их половую неприкосновенность. На деле это далеко не так. Отношение к женщине, как к товару, ценность которого тем выше, чем он новее, проявляется и в этой области. В УК ФРГ, например, обольщение несовершеннолетней, т. е. вступление с ней в половую связь в результате обещания жениться, наказывается лишь в случае, когда потерпевшая была «непорочной» (§ 182). В УК Чили имеется специальный состав «обесчещения», под которым понимается совершение путем обмана полового сношения с девицей в возрасте от 12 до 20 лет (ст. 363). По уголовным кодексам ряда стран виновный освобождается от ответственности за совершение полового преступления, если потерпевшая несовершеннолетняя была «дурного поведения». В УК Финляндии половое сношение и иные развратные действия с несовершеннолетним лицом в возрасте от 15 до 17 лет наказуемы лишь в случае, «если жертва не занимается развратом в виде промысла» (§ 7 гл. 20). Таким же образом решен этот вопрос и в примерном УК США (п. 3 ст. 213.6). В соответствии со ст. 530 УК Италии об ответственности за развращение несовершеннолетних наказуемость виновного исключается, «если несовершеннолетний является лицом, морально уже испорченным».

В большинство буржуазных кодексов включены специальные нормы о том, что вступление лица, виновного в совершении полового преступления, в брак с потерпевшей освобождает его от уголовной ответственности. Это относится и к такому тяжкому преступлению, как изнасилование (ст. 132 УК Аргентины, § 227 УК Данни, ст. 214 УК Ирана), не говоря уже о таких преступлениях, как развратные действия и половое сношение с несовер-

²¹⁹ А. Бебель. Женщина и социализм. М., 1959, с. 547.

шеннслетней (ст. 544 УК Италии, § 214 УК Норвегии, ст. 196 УК Швейцарии). В этих нормах отражается отношение буржуазного общества к браку как к институту, в котором женщина считается облагодетельствованной стороной. Используя стремление потерпевшей скрыть свой «позор», закон толкает ее на брак с преступником, заставляя покрывать его вину. Законодателю совершенно безразлично, подходит ли последний по моральным качествам и возрасту своей жертве в качестве супруга.

Во многих уголовных кодексах предусмотрена уголовная ответственность за кровосмешение. Основаниями для признания кровосмешения преступлением служат религиозные мотивы («грех») и евгенические соображения. Однако в ряде кодексов ответственность за кровосмешение распространяется не только на кровных родственников, но и на свойственников, а также на супругов братьев и сестер (§ 131 УК Австрии, § 211 УК Дании, § 5 гл. 20 УК Финляндии). Нет сомнений, что такое распространительное толкование понятия кровосмешения узаконено по социальным мотивам. Закон лишний раз стремится подчеркнуть «святость» семьи как основной ячейки буржуазного общества.

Охраняя буржуазный брак, являющийся «признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием»²²⁰, капиталистическое государство в то же время преследует «уличную» проституцию. Правда, большинство буржуазных кодексов не содержит норм, рассматривающих занятие проституцией в качестве самостоятельного преступления против нравственности. Прикрываясь высказываниями о свободе болл, о праве человека распоряжаться собой, западные юристы заявляют, что борьба с проституцией не входит в задачу уголовного законодательства. Однако в капиталистических государствах действуют административные акты, запрещающие проституцию как нарушение общественного порядка и полицейских правил (закон 1959 г. об уличных правонарушениях в Англии²²¹, закон № 75 1958 г. в Италии²²²) или как источник распространения венерических болезней. Буржуазное законодательство постоянно усиливает санкции

²²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 268.

²²¹ См. „Street offences Act“, 1959 (7 and 8 Eliz. 2, ch. 57).

²²² См. М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право, с. 70.

за нарушение установленных для женщин этой «профессии» полицейских правил. В Англии закон 1959 г. предоставил полицейским право ареста без ордера тех женщин, которые «пристают к кому-либо на улице или в публичном месте с целью проституции»; полиция не обязана «доказывать вызывающий характер поведения проститутки»²²³, что требовалось до издания нового закона. Судьба женщины в такой ситуации полностью зависит от усмотрения полиции.

Но все эти меры вовсе не свидетельствуют об активизации борьбы с самой проституцией как социальным злом, порожденным капиталистическим укладом. «Проституция...— писал А. Бебель,— является для буржуазного общества необходимым социальным учреждением, подобно полиции, постоянному войску, церкви, предпринимательству»²²⁴. Жестокая борьба за существование, низкая оплата женского труда, безработица, обстановка безысходности, неуверенности, моральной деградации выбрасывает женщину на самое дно жизни и вынуждает ее заниматься постыдным ремеслом. Расследование, проведенное в 1965 г. в одном из французских городов, показало, что каждая вторая домохозяйка вынуждена в свободное время «искать клиента», чтобы прокормить семью²²⁵.

Хотя содержание публичных домов, сводничество, сутенерство и объявляются преступлениями, профессиональная проституция по-прежнему процветает в самых «цивилизованных» капиталистических странах. По свидетельству американского криминолога Д. Бэлла, «даже в упорной и педантичной англиканской Англии проституция — обычная принадлежность ночной жизни Пикадилли»²²⁶. Публичные дома официально разрешены законом и рассматриваются как обычные коммерческие предприятия в целом ряде стран (Парагвай²²⁷, Южный Вьетнам²²⁸, Южная Корея²²⁹ и др.). В американском штате Невада (США) также разрешены публичные дома. Сю-

²²³ См. Грюнхут, указ. соч., с. 305.

²²⁴ А. Бебель, указ. соч., с. 227.

²²⁵ См. «За рубежом», 1966, № 15, с. 28.

²²⁶ Социология преступности. М., 1966, с. 266.

²²⁷ См. «Женщины мира», 1970, № 4, с. 35.

²²⁸ См. Ф. М. Решетников, указ. соч., с. 113.

²²⁹ См. «За рубежом», 1971, № 38, с. 26.

да, в г. Лас-Вегас, стекаются представительницы «второй древнейшей профессии» со всех концов США. Закон лишь требует, чтобы проституция практиковалась не ближе 400 ярдов от местонахождения школы, церкви или шоссевой дороги. Когда однажды выяснилось, что публичный дом располагается в 400-ярдовой зоне возле школы, то в другое место была перенесена... школа²³⁰.

Попущение к проституции, содержание притонов разврата и сутенерство фактически легализируется и в других странах «свободного мира». Кодексы Австрии (§ 132) и Японии (§ 182) карают лишением свободы лишь тех, кто принуждает из корыстных целей к половым сношениям с другими мужчинами женщин, которые до того не были «опорочены». Но такие же действия в отношении женщин, ведущих «безнравственный» образ жизни, т. е. уже вовлеченных в проституцию, не заключают в себе преступления. УК Дании не считает преступными действия лиц, предоставляющих из корыстных целей свое помещение для занятия проституцией. Уголовное преследование за такие действия может иметь место лишь тогда, когда плата, взимаемая за сдачу комнат проституткам, оказывается «несоразмерно высокой» (§ 229). Тем самым санкционируется организация притонов разврата и алчная эксплуатация, которой подвергаются со стороны их содержателей женщины, вынужденные заниматься проституцией.

В капиталистическом обществе не считается преступлением корыстное сводничество, которое претшествует заключению буржуазного брака. Используя имущественную или иную зависимость детей, родители сами подыскивают сыну «подходящую», по их мнению, жену, а дочери — «подходящего» мужа, не считаясь при этом с личным мнением вступающих в брак, а руководствуясь лишь своим собственным расчетом. «Немецкое уложение о наказании (§ 180 и 181), — указывал А. Бебель, — карает за сводничество каторгой или тюрьмой, но если родители, опекуны или родственники сводят на всю жизнь своих детей, опекаемых или родственников с нелюбимым мужчиной или нелюбимой женщиной только ради денег, ранга или другой выгоды, тогда не может вмешаться ни

²³⁰ См. «За рубежом», 1965, № 4, с. 29.

один прокурор...»²³¹. Если же отдельная сводня и подвергается наказанию, то ее «клиенты, истинные виновники наказуемого деяния, остаются совершенно безнаказанными и даже ... выступают в процессе сводни в качестве свидетелей»²³².

Уголовные кодексы Австрии (§ 131), Греции (ст. 345), Италии (ст. 528), Финляндии (§ 5 гл. 20) и некоторых других буржуазных стран устанавливают ответственность и за распространение порнографии. Вместе с тем капиталистические монополии и концерны в погоне за прибылью выпускают порнографическую литературу громадными тиражами. В США ежегодно доход от торговли порнографией исчисляется суммой в 2 млрд. долларов²³³. Предприниматели, наживающиеся на распространении порнографии, обычно не несут за это ответственности. Более того, как сообщает журнал «Ньюсуик», специальная комиссия конгресса США, занимавшаяся вопросами борьбы с порнографией, пришла к выводу о ее безвредности и рекомендовала пересмотреть законы, запрещающие ее распространение²³⁴. 1 июля 1969 г. в Дании отменены последние законы, преграждавшие путь порнографии. 21 октября 1969 г. в Копенгагене была открыта первая в мире порнографическая выставка. В 40 магазинах была легально организована торговля порнографией, в 6 залах демонстрировались порнографические фильмы²³⁵. Факты, когда бы в капиталистических странах привлекали к уголовной ответственности за распространение порнографии, практически отсутствуют.

Буржуазное уголовное законодательство устанавливает за наиболее опасные половые преступления суровые наказания. Однако на практике такие наказания назначаются весьма редко. В ФРГ, например, наиболее тяжкие случаи изнасилования обычно караются не свыше чем 3 годами каторги, в то время как максимальное наказание за это преступление — 15 лет каторжной тюрьмы²³⁶. Такое явление не случайно. В современной буржуазной

²³¹ А. Бебель, указ. соч., с. 160.

²³² А. Менгер. Новое учение о государстве. СПб, 1906, с. 186.

²³³ См. «За рубежом», 1964, № 52, с. 28.

²³⁴ См. „Newsweek“, January 20, 1971.

²³⁵ См. «Правда», 9 декабря 1969 г.

²³⁶ См. G. Schütz. Die Notzucht, Täter-Opfer-Situationen. Hamburg, 1958, S. 22—23.

науке уголовного права в широком ходу доктрины, что половые преступления не причиняют ощутимого вреда обществу и отдельной личности и наказываются лишь в силу религиозных традиций и этических воззрений общества²³⁷. Эти доктрины находят свое выражение в судебной практике.

5. Преступления против личной свободы

Уголовные кодексы капиталистических государств относят к преступлениям против личной свободы незаконное лишение свободы, содержание в рабстве, похищение человека, угрозу убийством, причинением вреда здоровью, личной свободе, чести или имуществу потерпевшего. Некоторые кодексы причисляют к этим преступлениям нарушение неприкосновенности жилища, заключающееся в неправомерном проникновении виновного в дом или иное огражденное владение собственника (ст. 334 УК Греции, ст. 186 УК Швейцарии). Для буржуазного права такое отождествление личной свободы и свободы распоряжения личными правами имущественного характера вполне закономерно.

Незаконное лишение свободы запрещено кодексами всех капиталистических стран (ст. 141 УК Аргентины, ст. 325 УК Греции, § 223 УК Норвегии). Но при капитализме не может быть и речи ни о какой личной свободе трудящихся. Массы безработных в этих странах вынуждены на любых условиях отдавать себя в кабалу капиталистам. Рабочий на капиталистическом предприятии пребывает под угрозой оказаться на положении безработного. Любой «инакомыслящий» находится под угрозой полицейских расправ и репрессий. Многочисленные случаи посягательств на личную свободу зачастую не влекут ни уголовной, ни даже гражданской ответственности²³⁸.

Рабство и работорговля — наиболее тяжкие виды преступлений против личной свободы — в настоящее вре-

²³⁷ См. „Ninth international congress on penal law“. General Report II. The Hague, 1964, p. 3; P. P l a u t. Der Sexualverbrecher und seine Persönlichkeit. Stuttgart, 1960, S. 322.

²³⁸ См. Ю. Г. М а т в е е в. Англо-американское деликтное право. М., 1973, с. 44.

мя также запрещены почти всеми буржуазными кодексами. Однако в ряде стран Африки и Среднего Востока по-прежнему сохраняется рабство в чистом виде и работорговля в ее самых древних и ужасных формах²³⁹. Так, в Саудовской Аравии, где в 1962 г. рабство было запрещено, на положении невольников по сей день находится до четверти миллиона человек²⁴⁰. Характерно, что этот самый древний институт угнетения, уничтоженный во всех азиатских и африканских странах, добившихся подлинной независимости, существует лишь в тех государствах, где империалисты сохраняют свой прямой или косвенный контроль. В ряде капиталистических стран, вопреки Женевской конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством²⁴¹, сохраняется долговое и домашнее рабство, определяемое конвенцией как подневольное состояние. Например, в Боливии, Венесуэле, Колумбии, Уругвае и Эквадоре узаконена система долгового рабства, именуемая «пеонажем»²⁴². Пеоны считаются принадлежностью поместья и отчуждаются вместе с землей. Домашнее рабство, заключающееся в том, что родители или опекуны передают детей (подростков) другим лицам за вознаграждение или без такового для эксплуатации этих детей, имеет место в Колумбии, Марокко, Сингапуре, Японии и других странах²⁴³.

В уголовно-правовых нормах об ответственности за похищение людей санкционируется позорная дискриминация женщины. Например, ст. 132 УК Аргентины и ст. 544 УК Италии предусматривают, что вступление лица, виновного в похищении женщины, в брак с потерпевшей освобождает его от уголовной ответственности. Уголовные кодексы Бельгии (ст. 371), Норвегии (§ 281), Франции (ст. 357), Японии (§ 229) также освобождают виновного в похищении женщины от уголовной ответственности,

²³⁹ См. М. Ф. Решетников, указ. соч., с. 111—112.

²⁴⁰ См. «Азия и Африка сегодня», 1971, № 8, с. 54.

²⁴¹ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XIX. М., 1960, с. 146—153.

²⁴² См.: М. Стингл. Индейцы без томагавков. М., 1971, с. 379; «Вестник дополнительной иностранной информации ТАСС», 1971, № 22, с. 7—8.

²⁴³ См. Л. Н. Галенская. Международная борьба с преступностью. М., 1972, с. 36.

если он вступит с ней в брак. Преступник подлежит ответственности только в том случае, если такой брак будет признан недействительным. Тем самым кодексы, по существу, узаконивают похищение и превращают его в средство принуждения женщины к вступлению в брак.

Кодексы устанавливают чрезвычайно суровую ответственность за похищение детей с целью получения выкупа у родителей. Так, во Франции это преступление карается пожизненными каторжными работами (ст. 355 УК), а в 34 штатах США — смертной казнью²⁴⁴. Установление таких высоких санкций преследует цель охраны детей крупной буржуазии, защиты богачей от вымогателей денег. Классовая суть подобных норм станет очевидной, если учесть, что ребенка капиталиста «нужно охранять день и ночь, но дети бедняков в этом не нуждаются»²⁴⁵.

Интересы собственника находят выражение и в тех нормах, которые предусматривают ответственность за угрозу (принуждение). Так, в некоторых кодексах наказуемой признается всякая угроза уничтожением (§ 222 УК Японии) или даже существенным повреждением (§ 260 УК Дании) чужого имущества, независимо от стоимости этого имущества и способа, каким виновный грозит его уничтожить или повредить.

6. Преступления против чести и достоинства личности

В буржуазном обществе существуют два противоположных понятия чести и достоинства: одно — признаваемое буржуазией и отвергаемое трудящимися, другое — признаваемое трудящимися и отвергаемое буржуазией. Однако поскольку буржуазия является господствующим классом, постольку уголовное законодательство капиталистических государств охраняет лишь буржуазное понимание чести и достоинства.

Для буржуа понятие чести и достоинства определяется не личными качествами и достоинствами, а тем, «чего данное лицо стоит». Поэтому в буржуазном уголовном законодательстве опасность посягательств на честь и достоинство личности — клеветы, диффамации и оскорб-

²⁴⁴ См. Г. З. Анашкин, указ. соч., с. 96.

²⁴⁵ Д. Дэвис, указ. соч., с. 285.

ления «определяется по преимуществу угрозой причинения материального ущерба потерпевшему, а не умалением его нравственного достоинства, которое само по себе не представляет ценности в буржуазном обществе»²⁴⁶. Наиболее откровенно это положение проявляется в англо-американском уголовном праве. Английские юристы при изложении системы уголовного права относят посягательства на честь и достоинство личности к преступлениям не против личности, а против общественного порядка, усматривая их объект в устойчивости общественного положения лица²⁴⁷, которое при капиталистическом строе определяется прежде всего его имущественной состоятельностью. Немецкий буржуазный криминалист Липман писал: «Нормы англо-американского права только случайно касаются охраны чести, как индивидуального правового блага... их подлинный объект охраны лежит в другой области. В первую очередь речь идет об охране от посягательств, которые угрожают опасностью не репутации, а профессии, не доброму мнению о лице со стороны других, а его преуспеянию. К пониманию определений англо-американского права в общем очень близко подойдет тот, кто не будет искать в них какой-либо идеалистической или эмоциональной подкладки, а будет иметь в виду только экономические, финансовые последствия для репутации»²⁴⁸.

Такой подход к правовой природе преступлений против чести и достоинства личности показывает, что буржуазное уголовное законодательство фактически оберегает честь и достоинство только тех, кто обладает богатством и весом в обществе. Об этом же свидетельствует анализ норм, устанавливающих ответственность за отдельные виды таких преступлений.

Определяя клевету как высказывание и распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо утверждений, буржуазное уголовное законодательство включает в понятие позорящего признаки, относящиеся не только к нравственным качествам потерпевшего, но и к его имущественному положению. Как уже отмечалось, наиболее характерно в этом плане англо-американское пра-

²⁴⁶ И. С. Но й. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959, с. 6—7.

²⁴⁷ См. Г р ю н х у т, указ соч., с. 318.

²⁴⁸ Цит. по: Н. Н. П о л я н с к и й, указ. соч., с. 168.

во. Но такие же положения есть в уголовном законодательстве и некоторых других буржуазных государств. Выражая интересы эксплуататорских классов, ряд кодексов объявляет клеветой высказывание или распространение заведомо ложных утверждений, которые, насколько не касаясь чести лица, могут повредить его кредиту (§ 187 УК ФРГ) либо преуспеянию (§ 1 гл. 27 УК Финляндии).

В соответствии с классовыми интересами буржуазия под клеветой понимают ложные измышления, распространяемые лишь определенными способами. Буржуазная наука уголовного права и судебная практика отрицает наличие состава клеветы в распространении лицом самых грязных измышлений в отношении членов своей семьи, если оно разглашает их в ее кругу. Буржуазные криминалисты считают, что в этом случае отсутствует передача измышлений посторонним лицам, поскольку в буржуазном обществе семья рассматривается как частная собственность, которая по отношению к главе семьи не составляет общества, а признается составляющей с ним нравственно одно целое²⁴⁹. Тем самым легализируется опозорение потерпевшего, которое может быть в кругу семьи собственника еще более опасным посягательством на его честь и достоинство, нежели распространение компрометирующих потерпевшего измышлений среди лиц, не принадлежащих к семье клеветника.

Для господствующего класса опасность распространения клеветы печатным или письменным путем намного выше, нежели устным, ибо в первом случае клевета «приобретает закрепленный, длящийся и опасный в смысле влияния на общественное мнение характер», вследствие чего «грозит серьезным вредом социальному значению и положению пострадавшего»²⁵⁰. Поэтому буржуазные кодексы обычно признают квалифицированным преступлением распространение клеветнических измышлений печатным или письменным способом (§ 1 и 2 гл. 27 УК Финляндии, ч. 1 § 187 УК ФРГ), а уголовное законодательство Англии вообще предусматривает только одну форму уголовно-наказуемой клеветы — «ляйбель» (libel) — опозорение в письме, печати, картине, изображении или иным сохраняющимся путем. Клеветнические же измыш-

²⁴⁹ См. И. С. Ной, указ. соч., с. 52.

²⁵⁰ И. Н. Розин. Об оскорблении чести. Томск, 1910, с. 72.

ления, распространяемые в устной форме,—«слэндер» (slander)— по общему правилу влекут в Англии только гражданско-правовые последствия и то лишь тогда, когда доказан причиненный ими убыток.

В буржуазных кодексах ограничивается право лица, обвиняемого в клевете, доказывать истинность разглашаемых фактов. Эти ограничения определяются по объекту и мотивам клеветы: запрещается доказывать правдивость сообщений, если они относятся к семейной или иной частной жизни потерпевшего (ст. 366 УК Греции, ст. 174 УК Швейцарии), если виновный не преследовал «цели общественного блага» (Англия)²⁵¹ и т. д. Указанные правила установлены не столько для ограждения от разглашения сведений, относящихся к интимной жизни граждан, сколько для прикрытия недостойного поведения лиц, занимающих видное положение в обществе.

Кодексам Греции (ст. 362), Италии (ст. 595), Японии (§ 230) и ряда других стран известен состав диффамации, в соответствии с которым считается преступным оглашение позорящих другое лицо сведений, независимо от того, соответствуют ли они действительности. Установление ответственности за диффамацию является тем средством, с помощью которого буржуазное законодательство защищает от критики представителей правящего класса, в особенности должностных лиц государственного аппарата.

Устанавливая ответственность за оскорбление, буржуазное уголовное законодательство признает преступлением действия, в обидной форме унижающие честь и достоинство другого лица (например, ст. 416 УК Чили). Однако в обществе, в котором в отношениях между людьми царит ложь и вероломство, каждый день безнаказанно оскорбляется и попирается честь и достоинство тех, кто не имеет богатства и власти. Буржуазное уголовное право само определяет круг лиц, оскорбление которых не всегда преследуется законом. Так, буржуазные кодексы не считают преступлением унижительное обращение с несовершеннолетними рабочими и учениками со стороны лиц, облеченных хозяйской или воспитательской властью. Союзный суд Швейцарии, являющийся высшим судебным органом этой страны, в специальном решении «при-

²⁵¹ См. Э. Дженкс, указ. соч., с. 177.

знал непаказуемым допущенное учителем в отношении ученика выражение, являющееся само по себе оскорбительным, ссылаясь на то, что учитель действовал при этом во исполнение своей профессиональной обязанности»²⁵². В ряде стран действуют уголовные наказания, которые по своему характеру и способу исполнения специально предназначены для оскорбления человеческого достоинства. УК Франции до сих пор делит все наказания, назначаемые за преступления, на мучительные и позорящие и на только позорящие (ст. 6). Согласно ст. 13 этого кодекса, лицо, приговоренное к смертной казни за отцеубийство, препровождается к месту казни в рубашке, босиком, с черным покрывалом на голове. Аналогичное правило, позорящее отцеубийцу и матереубийцу, установлено и в УК Турции (§ 12). Унизительные виды наказаний в виде массовых проводов по улицам городов антифашистов и других жертв нацизма с позорными надписями, в позорных нарядах, бритье или обмазывание дегтем голов девушек, обвиненных в интимных сношениях с евреями, и другие позорящие наказания были в широком ходу в гитлеровской Германии.

Свидетельством подхода буржуазного общества к личному достоинству человека как к меновой стоимости являются положения, допускающие возмещение «морального вреда», причиняемого преступлением, материальными средствами. Уголовные кодексы Ирана (ст. 212) и Финляндии (§ 2 гл. 9) говорят о возможности возмещения «морального вреда» путем присуждения денежного вознаграждения в случае изнасилования. Статья 51 УК Франции также предоставляет право судам присуждать денежное возмещение за преступления, какими бы безнравственными они ни были. Буржуазной судебной практике известно немало случаев «восстановления» таким путем нарушенного морального интереса. Так, уголовная палата кассационного суда Франции в одном из своих решений предоставила право проститутке получить по меньшей мере частично от своего сутенера «дань», которую она платила на основании связывавшего их «договора»²⁵³. В другом случае французский уголовный суд взыскал материальный «ущерб» с лица, виновного в развращении малолетних

²⁵² Г. Ф. Пфенninger, указ. соч., с. 335.

²⁵³ См. Р. Саватье. Теория обязательств. М., 1972, с. 288.

девочек; стоимость целомудрия каждой из потерпевших была оценена в 10 тыс. франков²⁵⁴. Классовый смысл таких постановлений очевиден, поскольку буржуазное общество «приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа»²⁵⁵.

Для торгашеской природы буржуазного общества характерен и зачет взаимных оскорблений, предусмотренный в ряде кодексов в качестве основания, освобождающего от наказания за эти преступления (ст. 116 УК Аргентины, § 272 УК Дании, § 199 УК ФРГ, ч. 3 ст. 177 УК Швейцарии).

Классовым духом проникнуты и нормы, устанавливающие ответственность за оскорбление должностного лица при исполнении или в связи с исполнением им своих служебных обязанностей. Закон стремится в зародыше пресечь это преступление, чтобы оно не переросло в неповиновение или насильственное сопротивление власти, стоящей на страже интересов буржуазии. Оскорбление, наносимое частному лицу, такой опасности для буржуазного государства не содержит. Поэтому буржуазное уголовное законодательство наказывает оскорбление должностного лица более сурово, чем оскорбление частного лица, и относит его к посягательствам на публичную власть. Еще строже карается оскорбление главы или членов правящего дома, которое в странах с монархическим режимом рассматривается как государственное преступление (ст.ст. 111 и 112 УК Голландии, ч. 2 § 101 УК Норвегии).

Буржуазное уголовное законодательство относит дела о посягательствах на достоинство личности к делам частного обвинения. Кажущееся безразличие буржуазного государства к этим посягательствам обосновывается так называемой теорией мелких дел, согласно которой заинтересованность государства в уголовном преследовании этих деликтов настолько незначительна, что вопрос о том, следует ли за них наказывать, ставится в зависимости от подачи потерпевшим жалобы²⁵⁶. В действительности такой порядок уголовного преследования выгоден только тем, кто имеет достаточно денег, чтобы возбуждать и поддерживать уголовный процесс своими силами.

²⁵⁴ См. «Социалистическая законность», 1960, № 10, с. 88.

²⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 143.

²⁵⁶ См. Г. Ф. Пфенningер, указ. соч., с. 341.

Преступления против конституционных прав и свобод граждан

Положение личности, права и свободы граждан неразрывно связаны с той формой собственности, которая господствует в обществе, прямо зависят от того, какому классу общества принадлежит государственная власть. Поэтому общество, основанное на капиталистической частной собственности и эксплуатации большинства населения меньшинством, не может не подавлять личность трудящихся, не попираť их элементарные права и свободы.

«Среди прав и свобод, провозглашаемых буржуазными конституциями, главным было и остается право частной капиталистической собственности, основной свободой — свобода частной предпринимательской деятельности, обеспечивающая присвоение прибавочной стоимости, эксплуатацию пролетариата и других трудящихся. Все другие конституционные права и свободы буржуазное государство приемлет лишь в той степени, в какой они не противоречат этой основной «свободе» и не затрагивают ее социального существа»¹. Многообещающие декларации буржуазных конституций о правах и свободах либо представляют собой пустые обещания, которые рассчитаны на то, чтобы сеять иллюзии в массах, либо сводятся на нет различными оговорками, направленными против трудящихся, против демократических сил.

Однако даже ограниченные демократические права служат рабочему классу конституционной основой борьбы за действительные демократические преобразования, за улучшение жизненных условий широких народных

¹ Марксистско-ленинская теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 243.

масс, против милитаризма и фашизма. Поэтому там, где эта борьба непосредственно угрожает власти капитала, буржуазия не останавливается ни перед чем, применяет самые жестокие меры, стремясь еще больше урезать, ликвидировать конституционные права и свободы, уничтожить сопротивление пролетариата и других прогрессивных сил.

Ликвидация основных прав и свобод трудящихся в наиболее циничной и открытой форме наблюдается прежде всего в условиях колонизаторских, расистских и фашистских режимов. В буржуазных государствах, славящихся оплотом «свободы» и «демократии», лобовые атаки на конституционные права и свободы затруднительны. В этих странах гражданские права и свободы открыто подавляются, как правило, лишь в условиях чрезвычайного положения, когда вступают в действие так называемые чрезвычайные законы. Они устанавливают запрет любых забастовок, собраний, митингов и демонстраций, прогрессивных организаций и их печатных органов, санкционируют массовые обыски и аресты. В «обычных» условиях для того, чтобы свести основные права и свободы граждан на нет, буржуазией используется «нормальное» уголовное законодательство.

Предусматривая ответственность за посягательства на конституционные права и свободы граждан — социально-экономические, политические и личные — буржуазные кодексы, как правило, не делают каких-либо различий в уголовно-правовой охране этих прав и свобод в зависимости от пола, расы или национальности. Однако в буржуазных государствах сохраняются многочисленные нормы, ограничивающие политические, трудовые, семейные и иные права женщин². В большинстве буржуазных кодексов отсутствуют нормы, которые устанавливали бы ответственность за дискриминацию женщин. В некоторых штатах США до недавнего времени действовали акты, устанавливавшие уголовную и иную ответственность за нарушение охраны труда женщин. Но после принятия в 1964 г. федерального закона о гражданских правах, за-

² См.: Н. А. Бережная. Положение и борьба трудящихся женщин стран Латинской Америки. М., 1969, с. 25—44; Е. П. Блинов. Социально-экономическое положение трудящихся женщин Италии. М., 1972, с. 31—77; «Советское государство и право», 1962, № 3, с. 112—118.

прещающего, в частности, дискриминацию в области трудовых отношений по мотивам пола³, американские суды стали считать эти акты незаконными на том основании, что они якобы противоречат федеральному закону. В итоге предприниматели получили возможность безнаказанно нарушать законы об охране труда работников во имя лицемерно провозглашаемого «равенства» мужчин и женщин. Дело дошло до того, что к началу 1971 г. шесть штатов полностью отменили все акты об охране труда женщин⁴. В ряде случаев судебной практикой санкционируется дискриминация женщин в правах, вытекающих из принципа равенства всех граждан перед уголовным законом. Например, в некоторых штатах США за одинаковые преступления суды подвергают женщин обычно более тяжким наказаниям, чем мужчин⁵.

В ряде буржуазных государств получает развитие или продолжает сохраняться уголовное законодательство, дискриминирующее граждан в их правах и свободах по признаку принадлежности к какой-либо расе или национальности, кроме господствующей. Преступлением объявляется совершение людьми определенной расы или национальности таких действий, которые для всех остальных людей преступления не составляют. Буржуазия использует дискриминацию для извлечения дополнительной прибыли за счет сверхэксплуатации угнетаемых народностей, для разобщения трудящихся, затемнения их классового сознания, отвлечения пролетариата и его союзников от классовой борьбы. Правда, в большинстве буржуазных государств расистских законов нет, но нет и норм, которые преследовали бы расовую и национальную дискриминацию в качестве уголовно-наказуемых деяний. Тем самым уголовные кодексы этих государств молчаливо закрепляют неравенство наций, деление рас на господствующие и угнетаемые.

В некоторых капиталистических государствах в последние годы приняты антидискриминационные законы, но они остаются таковыми фактически лишь на бумаге. Так, в Англии в 1965 и 1968 гг. были приняты законы о расовых отношениях, декларирующие неправо-

³ См. „Public Law“, 1964, 68-352.

⁴ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 2, с. 77.

⁵ См. «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 10, с. 77.

мерность дискриминации «цветных» иммигрантов из стран Британского содружества. Закон 1965 г. запретил расовую дискриминацию в местах общественного отдыха — в ресторанах, театрах и т. д.⁶, а закон 1968 г. признал недопустимой дискриминацию в таких сферах, как наем на работу, аренда квартир, предоставление товаров и услуг⁷. Однако оба закона не считают дискриминацию, в чем бы она ни выражалась, преступлением. Рассмотрение дел о расовой дискриминации не входит в компетенцию судов. Эти дела квалифицируются как некий «спор», который подлежит разрешению в местных примирительных комиссиях⁸. Единственным расовым преступлением в Англии признается «возбуждение расовой ненависти». Дела об этом преступлении рассматриваются либо в порядке упрощенного производства, либо по обвинительному акту. В первом случае оно карается тюремным заключением на срок не свыше 6 месяцев или штрафом на сумму до 200 фунтов стерлингов либо тем и другим вместе, во втором — лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом на сумму до 1 тыс. фунтов стерлингов либо тем и другим одновременно. Но для виновных и здесь созданы определенные лазейки. Закон 1965 г., признавший «возбуждение расовой ненависти» преступлением, не установил за него какого-либо наказания и отнес его к деяниям, предусмотренным законом 1936 г. о публичном порядке. При этом в закон 1936 г. были внесены такие изменения, которые фактически устранили из него понятие возбуждения расовой ненависти. В новой редакции закон 1936 г. признает виновным в возбуждении расовой ненависти того, кто в каком-либо общественном месте или собрании «распространяет или выставляет напоказ какой либо документ, знак или видимое изображение, содержащие угрозы или оскорбление, с целью вызвать нарушение мира»⁹. Абстрактная формулировка явно рассчитана на то, чтобы правосудие могло попустительствовать расистам.

⁶ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 16, М., 1966, с. 12.

⁷ См. Информация о законодательстве зарубежных стран, вып. 46, с. 21.

⁸ См. A. Lester, G. Bindman. Race and law. Middlesex, 1972, p. 291, 379—380.

⁹ См. «Советская юстиция», 1966, № 21, с. 26.

Многочисленные нормы, назначение которых состоит в утверждении и закреплении расовой и национальной дискриминации, содержатся в уголовном законодательстве США, Австралии, Израиля, ЮАР, Южной Родезии, английских и французских колоний.

В США расизм санкционируется законами многих штатов, но особенно резко он проявляется в уголовном законодательстве южных штатов. В этих штатах существует более тысячи расистских законов¹⁰. Эти законы явно противоречат § 241 и 242 федерального УК США, которые преследуют за лишение граждан их прав по причине расы или цвета кожи. Однако legislatures штатов считают эти законы не нарушающими федеральный кодекс «на том основании, что они-де не нарушают равенства рас и содержат ограничения, относящиеся ко всем расам (запрещение брака белых и небелых «одинаково» ограничивает, например, негра, собирающегося вступить в брак с белой женщиной, и белую женщину, желающую вступить в брак с негром)»¹¹.

Напор активизировавшегося в последние годы движения за гражданские права и соображения международного престижа вынудили правящие круги США пойти на уступки относительно правового положения негритянского населения. В течение 1954—1968 гг. конгресс и верховный суд приняли около 30 антидискриминационных законов и решений¹². Законы о гражданских правах, принятые в 1957 г.¹³ и 1960 г.¹⁴, и закон 1965 г. об избирательных правах¹⁵ содержат пункты, направленные против расовой дискриминации в области избирательных прав. Закон 1968 г. о свободном приобретении жилищ¹⁶ запрещает дискриминацию при продаже и сдаче жилищ в аренду. Упомянутый выше закон 1964 г. о гражданских правах запрещает дискриминацию при осуществлении избирательных прав, при найме на работу, в области образования, в местах общественного пользования. Нару-

¹⁰ См. «Советская юстиция», 1963, № 19, с. 27.

¹¹ Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма. М., 1966, с. 136.

¹² См. США: проблемы внутренней политики. М., 1971, с. 278.

¹³ См. „Public Law“, 1957, 85-315.

¹⁴ См. „Public Law“, 1960, 86-449.

¹⁵ См. „Public Law“, 1965, 89-110.

¹⁶ См. „Public Law“, 1968, 90-284.

шение названных законов, кроме закона 1957 г., влечет за собой уголовное наказание.

Но эти законы содержат многочисленные изъятия и отнюдь не имеют своей целью ликвидацию системы расовой дискриминации. Например, закон 1964 г., запрещающий дискриминацию при найме на работу, делает исключения для частных учебных заведений, предприятий и учреждений, имеющих менее 25 работников, и т. д. Преследуя сегрегацию в гостиницах, ресторанах, зрелищных учреждениях, закон допускает изъятия для частных клубов и «других заведений, которые фактически не открыты для публики», а также для пансионатов, в которых имеется не более пяти комнат. Закон 1965 г. воспрещает применять дискриминационную проверку грамотности избирателей, но он распространяется лишь на те штаты Юга, в которых в 1964 г. было зарегистрировано или участвовало в выборах менее 50% избирателей. Закон 1968 г., запрещающий расовую дискриминацию при продаже, покупке и аренде жилищ, построенных федеральными властями, оставляет безнаказанной дискриминацию, осуществляемую владельцами частного жилого фонда. Указанные акты не отменили существующие дискриминационные законы и не получили развития в уголовном законодательстве штатов. По данным американского юриста Г. Брайтона, законы, запрещающие дискриминацию, существуют лишь в половине штатов США¹⁷. При этом они несут еще большими изъятиями и исключениями, чем федеральные законы¹⁸. Более того, в ряде южных штатов приняты новые уголовные законы, которые, как и прежде, отличаются примитивным расизмом. Так, в штате Калифорния в 1964 г. был издан закон, требующий соблюдения «расовой однородности» жилых районов при продаже или сдаче в аренду жилищ¹⁹.

В Израиле, где в качестве официальной доктрины признан сионизм, который носит расистский характер, существует около 150 законов, дискриминирующих арабов; многие из этих законов снабжены уголовно-правовыми предписаниями²⁰.

¹⁷ - М. De facto segregation and civil rights. New York, 1965, стр. 214.

¹⁸ См. «Советская юстиция», 1966, № 5, с. 29—31.

¹⁹ См. Labor fact book 17. New York, 1965, p. 2.

²⁰ См. S. Gygi's. Arabes in Israel. Beirut, 1968.

В ЮАР официально осуществляется политика апартеида (апартхейда) — юридической системы, разделяющей людей во всех областях жизни по расовому и национальному признаку. Здесь насчитывается около 1200 законов, лишающих «неевропейцев» элементарных человеческих прав²¹. Такая же система расистских законов действует в Южной Родезии²².

Расистское уголовное законодательство содержит немало норм, ограничивающих социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан и устанавливающих принудительную сегрегацию²³.

Многочисленные изъятия, ограничивающие действие конституционных прав и свобод, устанавливаются в буржуазном уголовном законодательстве и для тех граждан, которые не подлежат дискриминации по признаку пола, расы или национальности.

1. Посягательства на социально-экономические права граждан

Важнейшим социальным правом личности для буржуазии всегда являлось право неограниченной частной собственности. Социальное законодательство, регулирующее в буржуазном государстве правоотношения в области труда, социального обеспечения, образования и здравоохранения, представляет собой вынужденную уступку буржуазии рабочему классу. Для современного капитализма характерно издание законов, которые, отражая те или иные социально-экономические требования трудящихся, используются в то же время господствующими классами для того, чтобы осуществить «частичное штопанье гибнущего режима... в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти»²⁴. Буржуазное государство

²¹ См. Т. Ф. Таиров. Апартхейд — преступление века, с. 40—81.

²² См. Б. С. Тупов. Родезийский кризис. М., 1974, с. 14—26.

²³ См. об этом: Ю. В. Калинин. Расизм: узаконенное беззачиние (расовая и национальная дискриминация в уголовном законодательстве и карательной практике капиталистических государств). Минск, 1973, с. 11—38.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

всячески стремится выхолостить содержание социально-го законодательства, ограничить действие норм, декларирующих социально-экономические права граждан. Не последнюю роль в этом играет уголовное законодательство. Оно не устанавливает ответственности за посягательства на социально-экономические права, завоеванные трудящимися. Напротив, в буржуазном уголовном законодательстве отчетливо прослеживается тенденция к ограничению трудящихся в этих правах.

Главный удар в борьбе против социально-экономических завоеваний трудящихся направляется против права на стачку (забастовку), которая является одной из основных форм борьбы рабочих за высокую занятость, за улучшение условий труда. Буржуазные юристы объявляют забастовку анахронизмом, утверждая, что она подрывает «основы обоюдовыгодного сотрудничества между трудом и капиталом»²⁵, которое собой якобы олицетворяет «свободный» труд в капиталистическом обществе.

В настоящее время стачки полностью запрещены лишь в Уругвае²⁶, Марокко (ст. 288 УК), Саудовской Аравии (декрет от 11 июля 1956 г.²⁷), Сальвадоре²⁸ и некоторых других странах с авторитарным режимом.

В других странах при сложившемся в настоящее время соотношении классовых сил буржуазия не в состоянии лишить рабочий класс права на стачку. Поэтому она стремится путем жесточайшей правовой регламентации забастовок сделать их безопасными для капиталистического строя. Уголовно-правовое ограничение права на забастовку в буржуазных странах осуществляется в следующих формах.

Во-первых, запрещаются определенные виды забастовок, в особенности те, где в наибольшей степени проявляется единство рабочего класса.

Так, в Испании признаются незаконными стачки, преследующие политические цели (ст. 222 УК). Как «саботаж», влекущий за собой 15-летнее тюремное заключение, караются политические стачки в Австралии (закон

²⁵ A. Bell. *Wilde Arbeitskämpfe*. Köln. 1966, S. 50.

²⁶ См. «Правда», 18 апреля 1974 г.

²⁷ См. Н. И. Пронин. Саудовская Аравия. М., 1964, с. 290.

²⁸ См. «Новое время», 1973, № 21, с. 21.

1960 г. о поправках к закону о преступлениях)²⁹. Полностью запрещены политические забастовки в США. Правда, норм, в которых бы содержался прямой запрет этих забастовок, в американском законодательстве нет. Суды считают, что политические забастовки проводятся только теми профсоюзами, которые «контролируются коммунистами», и выводят запрет таких забастовок из содержащегося в законе 1947 г. о регулировании трудовых отношений, или законе Тафта — Хартли³⁰, запрещения членам компартии занимать руководящие должности в профсоюзах. В 1950 г. верховный суд подтвердил конституционность запрета политических забастовок³¹. Конституционный суд Италии также вынес решение, по которому конституционная норма о праве на стачку объявляется действительной лишь для «экономической» забастовки³².

Преступлением объявляются забастовки солидарности (уголовное законодательство США³³, турецкий закон 1963 г. о коллективном договоре, забастовке и локауте³⁴). Запрет этих забастовок лицемерно обосновывается тем, что у бастующих якобы отсутствует конкретная цель, касающаяся их непосредственных интересов, в силу чего является будто бы неоправданным тот вред, который наносится предпринимателю забастовкой. В действительности трудящиеся непосредственно заинтересованы в оказании моральной поддержки своим бастующим товарищам (что и составляет цель забастовки солидарности), так как взаимная помощь и выручка сплачивают рабочих в борьбе против хорошо организованных капиталистов.

Ссылаясь на «угрозу национальному благополучию и безопасности» (ст. 206 закона Тафта — Хартли в США), «нарушение конституционного строя» (решение федерального суда ФРГ)³⁵ и тому подобные неопределенные

²⁹ См. Классовая борьба в развитых капиталистических странах. М., 1966, с. 161.

³⁰ См. „Public Law“, 1947, 101-80.

³¹ См. „Labor relations and the law“. Boston, 1953, p. 709.

³² См. М. А. Нудель. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968, с. 200.

³³ См. М. В. Баглай. Законодательство США в борьбе с забастовочным движением. М., 1960, с. 165.

³⁴ См. Новейшая история Турции. М., 1968, с. 346.

³⁵ См. R. Maurach. Deutsches Strafrecht. Besonderer Teil. Karlsruhe, 1964, S. 525.

понятия, буржуазное уголовное законодательство, практика и теория объявляют вне закона массовые и всеобщие стачки. «Никакие союзы не имеют права на забастовку, если это угрожает общественному здоровью и общественной безопасности», — заявлял президент США Р. Никсон³⁶. Расплывчатость критериев, используемых для обоснования наказуемости всеобщих и массовых стачек, позволяет поставить в жесткие рамки любые попытки пролетариата организоваться для общей борьбы за свои интересы. Так, в США, согласно закону Тафта — Хартли, суд вправе запретить забастовку, «угрожающую безопасности нации» и охватывающую «всю отрасль промышленности или ее существенную часть». Например, когда в декабре 1970 г. 500 тыс. железнодорожников объявило всеобщую забастовку, верховным судом США был издан приказ о ее прекращении; в виде санкции за неисполнение приказа профсоюзу железнодорожников грозил огромный штраф — 200 тыс. долларов за каждый день продолжения забастовки³⁷.

Преступными признаются и другие виды забастовок, в частности — связанные с «захватом чужой собственности», который якобы имеет место тогда, когда бастующие, прекращая или замедляя работу, не покидают помещения предприятия. Так, в Англии запрещаются «сидячие» забастовки³⁸, в США — забастовки, выражающиеся в замедлении темпов работы³⁹, в Италии — забастовки, сопряженные с «самовольным» вторжением на предприятие (ст. 508 УК).

Во-вторых, лишаются права на забастовку определенные категории трудящихся.

В первую очередь, запрещаются забастовки лиц, работающих в отраслях так называемой общественной службы — коммунальном обслуживании, транспорте и связи (английский закон 1875 г. о сговоре и об охране собственности⁴⁰, ст. ст. 292 и 296 УК Греции, § 193 УК Дании), больницах и учебных заведениях (турецкий закон 1963 г.). Особой реакционностью в этом отношении от-

³⁶ См. "U. S News and World Report", July 15, 1968, p. 51.

³⁷ См. «Правда», 12 декабря 1970 г.

³⁸ См. Citrine trade union law. London, 1960, p. 405.

³⁹ См. В. М. Баглай, указ. соч., с. 170—171.

⁴⁰ См. К. Кенни, указ. соч., с. 326—327.

личается УК Греции, который карает забастовку работников любых «общепользовательных учреждений» (ст. 294). Избегая давать точный перечень «общепользовательных учреждений», УК Греции оставляет право на их определение за исполнительной властью.

В большинстве буржуазных стран запрещаются стачки работников предприятий, имеющих военное значение (закон 1950 г. о внутренней безопасности, или закон Маккарэна — Вуда, в США⁴¹, закон 1963 г. в Турции).

Уголовные законы многих буржуазных стран не допускают стачек государственных служащих (ст. 305 закона Тафта — Хартли в США, § 236 УК Турции, закон 1948 г. о государственных служащих в Японии⁴²). Обоспывая наказуемость таких стачек, буржуазные юристы утверждают, что они нарушают не только интересы общества в целом, но и некие «суверенные» права государства, на которые никто не может посягать. «...В работе на государство,— писал американский экономист М. Голдблом,— есть что-то священное, что делает стачки против правительства равносильными греху против святого духа»⁴³. Насколько действительны эти законы, видно из того, что в Японии только в 1965 г. было подвергнуто уголовному и административному преследованию более 33 тыс. государственных служащих, участвовавших в забастовочной борьбе⁴⁴. В некоторых странах забастовки низших государственных служащих разрешены и преступлением признаются только забастовки должностных лиц (ст. 233 УК Бельгии, ст. 247 УК Греции, ст. 330 УК Италии) либо представителей власти (французский закон от 22 сентября 1948 г. о запрете забастовок полицейских⁴⁵, английский закон 1919 г. о полиции⁴⁶). Однако это не значит, что буржуазное уголовное законодательство отказалось от борьбы с забастовками низших государственных служащих, по своему положению тяготеющим к трудящимся массам и оппозиционно настроенным к крупному капиталу. В этих целях оно вста-

⁴¹ См. „Public Law“, 1950, 831-81.

⁴² См. «Советское государство и право», 1969, № 5, с. 106.

⁴³ См. „Labour Law Journal“, 1969, № 3, р. 132.

⁴⁴ См. «Известия», 5 ноября 1966 г.

⁴⁵ См. „Le Figaro“, 1 juillet 1970, р. 5.

⁴⁶ См. В. Г. Каленский. Социальное законодательство Англии. М., 1969, с. 165—166.

ло на путь искусственного распространения понятия должностного лица и на низших служащих, которые никак не могут считаться должностными лицами в соответствии с тем понятием должностного лица, которое содержится в уголовном законе. Так, § 12 гл. 2 УК Финляндии и § 350 УК ФРГ устанавливают, что должностными лицами являются любые лица, состоящие на государственной службе. Должностными лицами могут быть признаны и соответственно привлечены к уголовной ответственности за участие в забастовке почтальоны, рабочие железнодорожного транспорта и т. д. В ряде случаев закон распространяет наказания, предусмотренные для должностных лиц за организацию забастовок, и на частных служащих (ст.ст. 374 и 376 УК Голландии, ст. 380 УК Италии). Тем самым утверждается единство интересов буржуазного государства и отдельных капиталистов, обеспечивается принудительная дисциплина труда.

В-третьих, устанавливаются определенные условия, выполнение которых требуется до или после объявления забастовки и которые затрудняют ее проведение.

В Бельгии, Норвегии и Швеции, например, запрещены внезапные стачки. Шведское законодательство карает за стачку крупным штрафом, если администрация предприятия и государственный посредник не были уведомлены о стачке за 7 дней до ее начала; в Новой Зеландии считается незаконной забастовка, которой не предшествовало проведение голосования среди рабочих предприятия; в Австралии для проведения забастовки требуется разрешение арбитражного суда⁴⁷. В США закон Тафта — Хартли предусматривает обязательный 60-дневный «охлаждающий» период перед началом забастовки. В результате предприниматели и правительство получают возможность сделать все необходимое, чтобы сорвать стачку или хотя бы затруднить действия забастовщиков.

Запрещается или существенно ограничивается использование пикетирования и бойкота, которые являются важным средством усиления действенности забастовки. Полностью запрещено пикетирование во время забастовки.

⁴⁷ См. И. Я. Киселев. Современный капитализм и трудовое законодательство. М., 1971, с. 237—239.

стовки в 20 штатах США⁴⁸. Статья 602 закона об отчетности и гласности в трудовых отношениях, или закона Лэндрама — Гриффина, принятого в США в 1959 г.⁴⁹, предусматривает за «вымогательское пикетирование» (сопряженное с действиями, расцененными судом как угроза, шантаж и т. п.) тюремное заключение на срок до 20 лет или штраф на сумму до 10 тыс. долларов либо то и другое вместе. В Англии в принципе мирное пикетирование разрешено. Однако английское право предусматривает многочисленные ограничения, выходя за которые, пикетирование становится незаконным. Уголовно-наказуемым считается пикетирование с целью побудить к забастовке работников электро-, газо- и водоснабжения или к забастовке, которая может повлечь за собой опасность для жизни или повреждение имущества (ст.ст. 4 и 5 упомянутого выше закона 1875 г.). Под предлогом защиты «свободы труда» караются попытки пикетчиков воспрепятствовать проникновению штрейкбрехеров на предприятие (ст. 310 УК Бельгии, § 240 УК ФРГ) и «угрозы» в адрес штрейкбрехеров, идущих на работу (ст. 332 УК Греции, ст. 414 УК Франции). Полностью запрещен бойкот как средство давления на предпринимателя уголовными кодексами Аргентины (ст. 158) и Италии (ст. 507). В США запрещены «вторичные» бойкоты, т. е. бойкоты, проводимые против контрагента того предпринимателя, с которым у работников имеется конфликт (ст. 8 закона Тафта — Хартли).

Наконец, против забастовщиков применяются уголовно-правовые нормы, имеющие весьма далекое отношение к трудовым конфликтам. В странах англо-американского права против забастовщиков применяются нормы общего права об уголовно-наказуемом «сговоре», «принуждении», «нарушении владения» и т. д.⁵⁰. В Италии забастовщики караются по статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за причинение вреда имуществу предприятия (ст. 635), отказ подчиниться приказу властей (ст. 630) и т. д.

⁴⁸ См. Г. Г. Бойченко. Конституция Соединенных Штатов Америки. Толкование и применение в эпоху империализма. М., 1959, с. 159.

⁴⁹ См. „Public Law“, 1959, 86-257.

⁵⁰ См. D. N. Pritt and R. Freeman. The law versus the trade union. London, 1958.

В то же время буржуазные кодексы всемерно охраняют такой способ срыва забастовок, как локаут. Буржуазные юристы обосновывают правомерность локаута ссылкой на то, что право предпринимателей на «стачку хозяев» является тождественным праву рабочих на забастовку. Итальянский юрист Ф. Перголези пишет, что «было бы противоречивым, признавая за рабочими право прекращать работу, лишая одновременно такого же права предпринимателей»⁵¹. В связи с этим буржуазные кодексы, как правило, признают законность локаутов, особенно «оборонительных». В одном из решений федерального суда ФРГ локаут признан допустимой формой «оборонительной» борьбы даже против правомерных забастовок⁵². Многие буржуазные кодексы преследуют забастовки рабочих «наравне» с локаутами предпринимателей (ст. 158 УК Аргентины, ст.ст. 502—512 УК Италии). Но это не может ввести в заблуждение относительно истинного содержания норм об ответственности за локаут. Так, турецкий закон 1963 г. «одинаково» карает забастовки и локауты в ряде промышленных отраслей, но если локаут осуществляется в порядке «обороны» против стачки, то он считается правомерным. Само включение в кодексы двух противоположных по социально-экономической и политической направленности правовых институтов — забастовки и локаута — является законодательным трюком. По УК Италии наказание за локаут и забастовку одинаково повышается, если они вызвали «демонстрации, беспорядки или подрывные волнения» (ст. 510). Однако эти «отягчающие обстоятельства» к локауту фактически никакого отношения не могут иметь, ибо капиталисты как ничтожное эксплуататорское меньшинство лишены возможности, организовав локаут, устраивать демонстрации и народные волнения. Напротив, почти в любой забастовке всегда найдутся моменты, которые позволяют суду признать наличие беспорядков или волнений. Таким образом, предоставление предпринимателям возможности применять локауты как меру борьбы против бастующих рабочих означает в сущности сведение на нет права на забастовку. Буржуазный

⁵¹ Цит. по: И. Я. Киселев. О современных итальянских буржуазных правовых теориях в области труда. «Правоведение», 1960, № 2, с. 67.

⁵² См. „Arbeitsrechtliche Praxis“, 1957, Heft 24, S. 16.

уголовный закон намеренно игнорирует экономическое неравенство капиталистов и рабочих, а также тот факт, что локаут вовсе не равноценное забастовке средство. Забастовка является выражением жизненных потребностей рабочих, пытающихся добиться улучшения условий труда. Она требует от рабочих значительных жертв и не подрывает основы существования предпринимателей. Локаут же вызывается своскорыстными интересами предпринимателей. Он приводит лишь к временному уменьшению прибылей⁵³, но одновременно лишает рабочих единственного источника существования.

2. Посягательства на политические права и свободы граждан

Устанавливая ответственность за посягательства на политические права и свободы граждан (избирательные права, свободу выражения мнений, свободу совести, свободу союзов и ассоциаций, свободу шествий и свободу собраний), буржуазное уголовное законодательство, казалось бы, равно распространяет защиту этих прав и свобод на всех граждан и стремится обеспечить каждому гражданину возможность беспрепятственного пользования ими. Так, ст. 249 УК Италии гласит: «Кто насилием, угрозой или обманом воспрепятствует гражданину полностью или в части осуществить какое-либо политическое право или воздействует, чтобы он осуществлял его в ином, чем он этого желает, смысле, наказывается лишением свободы в исправительном доме на срок от 1 до 5 лет». В действительности отсутствие материальных средств и многочисленные оговорки и ограничения, установленные буржуазным уголовным законодательством, ставят трудящиеся массы в условия невозможности сколько-нибудь широко пользоваться политическими правами и свободами.

О том, что дело обстоит именно так, а не иначе, свидетельствуют, например, нормы о преступлениях против избирательных прав граждан.

⁵³ Буржуазное государство нередко возмещает капиталистам убытки от локаутов (см. А. И. Шнейерсон. Подчинение буржуазного государства монополиям. М., 1956, с. 129).

На первый взгляд, буржуазное уголовное законодательство придает весьма большое значение мероприятиям, направленным на обеспечение свободного и правильного волеизъявления избирателей и широко использует в этих целях свои веления и запреты. Так, УК Греции устанавливает ответственность за обман, запугивание и подкуп избирателей (ст.ст. 161, 162 и 165), нарушение тайны голосования (ст. 163), фальсификацию результатов выборов (ст. 164) и т. д. Около 20 составов преступлений против избирательных прав известно уголовному законодательству Англии (законы 1854, 1883 и 1949 гг.)⁵⁴, более 30 — уголовному законодательству Франции (ст.ст. 109—113 УК; законы об охране свободы выборов 1852, 1913 и 1914 гг.)⁵⁵. Буржуазные криминалисты пишут, что эти нормы призваны защищать «свободное проявление народовластия», «осуществление воли народа в основных ее проявлениях»⁵⁶. На деле «буржуазный законодатель в первую очередь озабочен тем, чтобы вообще лишить граждан, в «лояльности» или «благоразумии» которых он почему-либо сомневается, возможности принять участие в голосовании», — отмечает Б. С. Никифоров. — Для этого из числа избирателей в различных буржуазных странах исключаются, как известно, лица, не удовлетворяющие требованиям различных цензов — имущественного, оседлости, грамотности и т. д., в ряде случаев — военнотруженики, женщины и пр.»⁵⁷ Установления о наказуемости «незаконного» участия в выборах направлены на то, чтобы не дать возможности безработным, а также некоторым другим категориям населения участвовать в выборах. В результате этого за бортом политической жизни в капиталистических странах остаются десятки миллионов трудящихся.

Правда, на рубеже 70-х годов господствующие классы США, Англии, Австрии, ФРГ и некоторых других буржуазных стран были вынуждены пойти по пути предоставления избирательных прав некоторым новым категориям граждан. Это делалось прежде всего за счет ослабления системы цензов — сокращения их числа, смягчения и т. п.

⁵⁴ См. Н. Н. Полянскій, указ. соч., с. 135.

⁵⁵ См. Французский уголовный кодекс. М., 1947, с. 298—303.

⁵⁶ См.: Г. А. Мапгакис, И. Гафос, указ. соч., с. 460; Г. Ф. Пфеннинггер, указ. соч., с. 509.

⁵⁷ Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, с. 76—77.

Но эти вынужденные уступки трудящимся не меняют социальной природы буржуазной избирательной системы. В условиях двухпартийной буржуазной системы в названных странах рост числа избирателей ведет всего лишь к дополнительному распределению голосов между двумя господствующими партиями. Изменяются только методы осуществления буржуазной избирательной системы и соответственно методы их уголовно-правовой охраны. Если раньше уголовное законодательство указанных стран откровенно стремилось обеспечить идеологическую однородность и политическую благонадежность избирательного корпуса путем недопущения в него «нежелательных» категорий населения, то теперь оно призвано вовлекать в орбиту двухпартийной буржуазной политики по возможности большее число избирателей, принадлежащих к самым различным слоям населения, но подвергнутому соответствующей идеологической обработке, с тем, чтобы обеспечить для буржуазии относительно широкий избирательный корпус как социальную базу её господства. Но большинство капиталистических стран остоается в стороне от этих реформ.

В уголовном законодательстве всех капиталистических стран сохраняется в качестве основной или дополнительной меры наказания лишение избирательных прав. Анализ ряда норм, которые предусматривают санкцию в виде этого наказания, и практики его применения показывает, что оно направлено против «неблагонадежных» избирателей. Например, в Швейцарии, согласно закону от 29 марта 1901 г. о военном налоге, подлежит наказанию в виде лишения права голоса тот, кто не внес денежный налог, который он был обязан внести взамен военной службы⁵⁸. Нетрудно видеть, что лишение права голоса является здесь специфической карой «за бедность» и направлено против тех, кто не в силах выполнить фискальные обязанности перед государством. В Бразилии прогрессивно настроенные граждане в случае осуждения за действия, квалифицируемые как «покушение на национальную безопасность», к тюремному заключению на срок более 2 лет, лишаются избирательных прав на срок от 2 до 10 лет (декрет 1969 г.)⁵⁹.

⁵⁸ См. Г. Ф. Феннингер, указ. соч., с. 538.

⁵⁹ См. «Правда», 25 марта 1969 г.

В уголовных кодексах некоторых буржуазных государств наблюдается парадоксальная особенность: признавая неправомерным участие в выборах части трудящихся, лишенных избирательных прав с помощью каких-либо цензов, эти кодексы одновременно считают преступлением уклонение остальных избирателей от участия в выборах. Так, в Бразилии, где в силу ценза грамотности, являющегося вариантом имущественного ценза, не голосуют неграмотные и лица, не владеющие официальным государственным языком, объявляется обязательным голосование для всех других граждан, которым закон предоставляет это право. Уклоняющиеся от участия в голосовании наказываются штрафом на сумму от 100 до 1 тыс. крузейро⁶⁰. Обязательным под страхом уголовного наказания является голосование в Австрии, Бельгии, Голландии, Италии и некоторых других странах. При этом в Италии факт осуждения за неучастие в голосовании заносится в официальные документы о судимости и эта запись ликвидируется лишь по прошествии 5 лет⁶¹. Еще строже карается уклонение от участия в голосовании в Южной Корее. Здесь за «саботаж» выборов могут быть назначены каторжные работы на срок от 5 до 20 лет⁶². Все это объясняется тем, что буржуазия, отстраняя от политической жизни наиболее угнетенную часть народа, одновременно стремится преодолеть абсентеизм избирателей, разочаровавшихся в ее предвыборных посулах, и придать избирательной кампании видимость массовости. Обязательное голосование, в особенности в католических странах (Бельгия, Бразилия, Италия и др.), где велико влияние церкви, позволяет буржуазии использовать в борьбе с прогрессивными партиями отсталые слои населения, которые принимают участие в выборах лишь под страхом уголовного наказания и голосуют по указанию католических священников.

Исход выборов в капиталистических странах в значительной степени зависит от финансовых возможностей, которыми располагают партии и кандидаты. В связи с этим в уголовное законодательство вводятся нормы, ко-

⁶⁰ См. Н. Н. Разумович. Кто и как правит в Латинской Америке. М., 1967, с. 188.

⁶¹ См. Парламенты. М., 1967, с. 69.

⁶² См. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости, М., 1970, с. 211

торые формально ограничивают избирательные расходы кандидатов и стоящих за ними партий. Эти нормы призваны: успокоить общественное мнение; создать видимость беспристрастного стремления буржуазного государства обеспечить всем партиям равные возможности на выборах; симулировать разрыв между политикой и деньгами.

Так, в США закон 1925 г. о коррупции запрещает кандидату в палату представителей расходовать на свою предвыборную кампанию более 5 тыс., а кандидату в сенат — более 25 тыс. долларов, причем каждый кандидат должен сообщить о всех денежных взносах, сделанных в его пользу. За нарушение закона предусмотрено тюремное заключение на срок до 2 лет и штраф в 10 тыс. долларов. Но закон оговаривает, что его требования относятся лишь к денежным пожертвованиям, сделанным с «ведома и согласия» кандидата. В результате обход закона делается чрезвычайно простым. Хотя финансируемые монополиями кандидаты в палату представителей и сенат расходуют обычно не менее 1 млн. долларов на свою избирательную кампанию, ни один из них еще не подвергался судебному преследованию за нарушение этого закона⁶³. Закон Хэтча (1940 г.) установил, что национальные и политические комитеты партий не могут расходовать на избрание кандидата на общенациональную должность более 3 млн. долларов и что индивидуальные взносы от одного человека в один и тот же комитет в течение года не должны превышать 5 тыс. долларов⁶⁴. Однако этот закон не ограничивает число создаваемых политических комитетов, каждый из которых может расходовать 3 млн. долларов, не запрещает кому бы то ни было делать взносы в каждый такой комитет. Поэтому во время выборов 1968 г. президент «Комбайнед иншуренс компани оф Америка» Стоун «законным» образом внес в избирательный фонд Р. Никсона, претендовавшего в ту пору на пост президента США, 200 тыс. долларов, а уоллстритовские магнаты Меллоны — 125 тыс.⁶⁵. Характерно, что закон Тафта—Хартли, запрещающий профсоюзам под угрозой уголовного наказания делать отчисления на цели избирательной кампании (ст. 4), таких ла-

⁶³ См. «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 1, с. 97.

⁶⁴ См. „The Government of the United States“, 1967, p. 75.

⁶⁵ См. США: от «великого» к больному..., с. 147.

зеек для его обхода не оставляет. Профессиональные союзы подчинены строгому государственному контролю, и обойти закон им невозможно. Под нажимом общественного мнения в 1972 г. в США был принят закон о проведении федеральных выборов⁶⁶, который ограничил расходы кандидатов на пост президента суммой около 14 млн. долларов — из расчета 10 центов на каждого потенциального избирателя. Нарушителям закона грозит тюремное заключение на срок до 1 года или штраф на сумму до 1 тыс. долларов либо то и другое вместе. Показательно, что закон исходит из признания того факта, что, не обладая миллионными суммами, кандидат не может надеяться на успех.

Выборы в буржуазных странах сопровождаются широчайшим подкупом избирателей, различными мошенничествами в процессе голосования и при подсчете голосов, террором в отношении избирателей-трудящихся. В буржуазной юридической литературе в связи с этим утверждается, что взяточничество и подкуп во время выборов имеют место будто бы потому, что народ сам поддается подкупу и коррупции; указывается также, что взяточничество карается по закону⁶⁷. Однако буржуазная юстиция редко подвергает серьезному или реальному наказанию тех, кто фальсифицирует результаты выборов. Во время выборов в парламент, проходивших в Японии в июне — июле 1968 г., свыше 9 тыс. человек было уличено в подкупе избирателей и других видах «охоты за голосами». 8 тыс. из них отделалось «предупреждением»⁶⁸. Остальные были арестованы, но уже в ноябре — амнистированы⁶⁹. Такой либерализм в отношении нарушителей избирательного закона был естествен, так как большинство нарушителей являлось членами правящей партии.

Другой важной политической свободой личности является свобода выражения мнений. Буржуазные теоретики утверждают, что в странах «свободного мира» существует «свободный рынок идей», что каждый свободен высказывать любые мнения по любому вопросу. На деле в

⁶⁶ См. „Public Law“, 1972, 92-225.

⁶⁷ См. об этом: Я. М. Бельсон. Современное буржуазное государство и «народное представительство». М., 1960, с. 129.

⁶⁸ См. «Правда», 10 августа 1968 г.

⁶⁹ См. «Правда», 4 ноября 1968 г.

буржуазном уголовном законодательстве постоянно принимаются попытки признать наказуемыми «опасные мысли», перенести центр тяжести уголовной ответственности с деяния на «особое состояние психики лица». В странах с диктаторским режимом (Испания, Гаити, Парагвай и др.) право личности на свободу политических и иных убеждений вообще не признается. Высказывание мнений, идущих вразрез с позицией этих режимов, считается «подрывным актом». В Испании в 1971 г. 21 человек был осужден за обращение к государственному секретарю США с письмом, содержащим критику договора между Испанией и США об использовании Пентагоном военных баз на испанской территории⁷⁰.

Чаще всего уголовно-правовые ограничения свободы выражения мнений распространяются на использование средств массовой информации — прессы, радио, телевидения.

Идеологи буржуазии утверждают, что в капиталистических странах существует свобода печати, якобы не зависящей от диктата правящих кругов и вмешательства государства. Однако при господстве частной собственности почти все средства печати находятся в руках капиталистов и почти недоступны трудящимся. Свобода печати везде, «где есть капиталисты, — писал В. И. Ленин, — есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*»⁷¹.

Практически отсутствует или постоянно нарушается в капиталистических странах свобода печати и в ее формально традиционном понимании (ограничение вмешательства государства в дела прессы, отсутствие предварительной цензуры). Предварительная цензура всех готовящихся к публикации материалов введена в Бразилии⁷², Южной Корее⁷³, Южной Родезии⁷⁴ и других капиталистических странах, где господствуют профашистские, расистские и военно-полицейские режимы. Нарушение законов о цензуре влечет уголовную ответственность. В ЮАР, например, оно карается крупным штрафом ли-

⁷⁰ См. «Правда», 15 февраля 1971 г.

⁷¹ В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 79.

⁷² См. «Проблемы мира и социализма», 1972, № 2, с. 40.

⁷³ См. Современная Корея. М., 1971, с. 389.

⁷⁴ См. Р. Эйсли. Пресса в Африке. М., 1971, с. 260.

бо тюремным заключением на срок до 6 месяцев или обоими наказаниями вместе (закон № 25 1963 г. о публикациях и зрелищах)⁷⁵. В буржуазно-демократических странах предварительной цензуры формально нет. Но она с успехом заменяется «карательной цензурой» и самоцензурой редакторов и журналистов, которых в случае «злоупотребления» свободой печати ожидает повестка в суд. Например, французская газета «Юманите» с 1955 по 1960 г. подвергалась 251 раз уголовному преследованию со стороны властей⁷⁶.

В. И. Ленин называл капиталистическую прессу «орудием паживы для богачей» и «орудием обмана и одурачения... массы трудящихся»⁷⁷. Буржуазное уголовное законодательство, относящееся к свободе печати, призвано поставить печать на службу буржуазии, превратить ее в орудие паживы, в средство обработки сознания трудящихся масс. Вопрос об ответственности за «злоупотребления» свободой печати трактуется буржуазным уголовным правом исключительно в том смысле, что выступления прессы не должны подрывать капиталистические порядки, нарушать экономические и политические интересы буржуазии.

Среди уголовно-правовых норм, преследующих «злоупотребления» свободой печати, особую роль играют нормы о клевете. Они позволяют буржуазии преследовать прессу за малейшую критику капиталистических порядков. В этом отношении характерно англо-американское право. В Англии свод законов и прецедентов, которыми руководствуется суд при возбуждении дел о «клевете» против прессы, содержит 960 страниц текста — 67 статей и 3980 случаев их применения по конкретным поводам⁷⁸. По этим законам, пишет видный английский юрист Д. Притт, как клевета может быть расценена «всякая попытка дать исчерпывающую критическую картину или комментарии, скажем, по вопросу о деятельности трестов, о вооружениях, о передвижениях в компаниях, о всякого рода махинациях с продоволь-

⁷⁵ См. Б. Баптинг, указ. соч., с. 191, 287—290.

⁷⁶ См. «Вестник Московского университета. Серия XI. Журналистика», 1967, № 6, с. 67.

⁷⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 329.

⁷⁸ См. С. Беглов. Монополии слова. М., 1969, с. 346.

ствием, об условиях труда, в трущобах, о какой-либо крупной отрасли промышленности, о системе публичных школ или администрации колоний»⁷⁹. Об этом свидетельствует случай с английской газетой, которая напечатала серию статей о том, как некоторые маклеры занимались сбытом акций, потерявших всякую ценность. При этом пазывалось имя бизнесмена, который наживался на этих мошеннических операциях. Маклер возбудил против газеты уголовное преследование. Разоблачения газеты были признаны в основном правильными, но из многих перечисленных ею случаев обмана три не были подкреплены судебными доказательствами. На этом основании суд признал газету виновной в клевете⁸⁰.

Оберегая имущественные интересы капиталистов, кодексы многих буржуазных государств преследуют как клевету и такие высказывания прессы, которые, не касаются чести и достоинства буржуа, но могут «поставить под угрозу его кредит» или «повредить его преуспеянию». Закон строго карает подобные «злоупотребления» печати. Например, по УК ФРГ такая «клевета» считается квалифицированным преступлением и наказывается тюремным заключением на срок до 5 лет (§ 187).

Охраняя капиталистический строй, уголовное законодательство всех буржуазных стран предусматривает нормы об ответственности печати за преступления «против безопасности государства»: призыв к мятежу, подрыв престижа государства, оскорбление главы государства и т. д. Как правило, эти нормы являются образцом расплывчатости и неопределенности. Таковы, например, английские законы о «внесении смуты», под которой, в частности, понимаются письменные высказывания, имеющие целью вызвать ненависть, презрение или недовольство по отношению к королю либо его наследникам, к конституции, парламенту, правительству или суду, либо склонить подданных к изменению законных устоев государства и церкви, производимому путем незаконных средств, или вызвать у подданных недовольство или нерасположение, либо возбудить чувства недоброжелательства и вражды между различными социальными группа-

⁷⁹ Цит. по: Д. Голланд. Политическая система Великобритании. М., 1955, с. 176—177.

⁸⁰ См. С. Беглов, указ. соч., с. 348.

ми⁸¹. Не менее неопределенны соответствующие статьи УК Испании. Так, ст. 161 предусматривает тюремное заключение на срок от 6 до 12 лет журналистам, осмелившимся в своих статьях и книгах критиковать правительство, регентский совет или верховный суд, а ст. 164 карает лишением свободы на срок от 6 месяцев до 6 лет и штрафом на сумму до 100 тыс. песет тех работников печати, которые ведут пропаганду против «основных и незыблемых» принципов франкистской партии «национальное движение». Наконец, п. «б» ст. 165 УК Испании предусматривает тюремное заключение сроком до 6 лет за выступления прессы «против Национального движения, его вождя, героев, герба и знамени», за публикацию «сообщений, представляющих опасность для моральных устоев общества, содержащих нападки на принципы Национального движения и основные законы страны». Совершенно очевидно, что такие «каучуковые» законы, пишет французский журналист А. Сорель, «позволяют любому государственному чиновнику квалифицировать любой мало-мальски серьезный газетный материал как «угрозу безопасности государства»⁸².

Помимо норм, охраняющих от критики капиталистический строй в целом, во всех буржуазных кодексах имеются специальные составы, преследующие цель защитить от критики отдельные звенья буржуазной государственной машины (государственный аппарат, армию, полицию, суд). В ЮАР, чтобы отбить у прессы охоту писать о зверствах, совершаемых полицией и тюремщиками, в 1965 г. принята поправка к закону 1956 г. о государственной тайне, запрещающая публиковать любые «сведения, которые каким-либо образом связаны с полицией». Журналисты, нарушившие этот запрет, приговариваются к тюремному заключению сроком до 7 лет или к штрафу в 750 фунтов стерлингов или к тому и другому вместе⁸³. Закон 1959 г. о тюрьмах запретил публиковать без разрешения комиссара по тюрьмам «сведения, касающиеся любого заключенного, бывшего заключенного или администрации какой-либо тюрьмы»⁸⁴. В 1965 г.

⁸¹ См. J. F. Stephen. A digest of the criminal law. London, 1952, p. 92.

⁸² См. «Демократический журналист», 1969, № 8, с. 10.

⁸³ См. «Демократический журналист», 1965, № 6, с. 10.

⁸⁴ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 187.

в ЮАР принята поправка к этому закону, согласно которой считается преступлением зарисовывать или фотографировать тюрьму или часть ее, заключенного или похороны казненного заключенного или подговаривать кого-либо делать такую зарисовку или фотографию с целью ее опубликования⁸⁵. Статьи 226 и 227 УК Франции угрожают тюремным заключением на срок от 1 до 6 месяцев и штрафом на сумму от 500 до 20 тыс. новых франков или одним из этих наказаний тому, кто «устно или письменно пытается дискредитировать судебный акт или решение либо действует в условиях, могущих нанести ущерб судебной власти и ее независимости», а также тому, кто «опубликует до вынесения судебного решения комментарии, имеющие целью оказать давление на заявления свидетелей, на следственные или судебные органы». Согласно ст. 11 УПК Франции, лица, принимавшие участие в производстве расследования, обязаны хранить профессиональную тайну под страхом наказаний, предусмотренных ст. 378 УК Франции⁸⁶. Практика французской юстиции показывает, что положения ст.ст. 226 и 267 УК и ст. 11 УПК толкуются весьма широко. Так, когда П. Фор, участвовавший после окончания второй мировой войны в качестве присяжного заседателя на процессе по делу предателя Франции Петэна, издал в 1964 г. книгу мемуаров, в которой разоблачил закулисные махинации судей, стремившихся спасти Петэна от заслуженной кары, французское правосудие предъявило Фору за опубликование этой книги обвинение «в разглашении судебной тайны»⁸⁷.

В этих же целях используются законы о государственной тайне, которые формулируются таким образом, чтобы они касались не только государственных секретов. Так, английские законы 1911, 1920 и 1933 гг. о государственной тайне объявляют преступлением воспроизведение в печати сведений, конфиденциально сообщенных лицу, занимающему должность на службе короны; эти сведения не обязательно должны быть сведениями госу-

⁸⁵ См. Апартеид. Его последствия для образования, науки, культуры и информации. М., 1969, с. 235.

⁸⁶ Статья 378 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 6 месяцев и штрафа на сумму от 500 до 3 тыс. новых франков.

⁸⁷ См. «Известия», 23 февраля 1965 г.

дарственной важности и соответствовать действительности. Не имеет значения и то, преследовалась ли при этом виновным цель изменнического характера⁸⁸. § 93 УК ФРГ безгранично расширяет понятие государственной тайны («факты, предметы и сведения, предназначенные для ограниченного круга лиц и подлежащие сохранению в тайне от иностранного государства»), чем открывает широкую возможность преследования органов печати, выступающих в защиту конституции и демократических принципов, под предлогом нарушения государственной тайны. Подобные законы нередко применяются не по своему прямому назначению, а для того, чтобы защищать правящие круги от критики и не мешать им «бесконтрольно обделывать свои дела, нарушать закон и лгать»⁸⁹.

Уголовное законодательство стран, где существуют реакционные режимы, приравнивает к «подрывной деятельности» распространение и само существование коммунистической и рабочей печати. В уголовном законодательстве тех стран, которые слыт в мире капитала «правовыми» государствами, предусмотрены более «тонкие» способы борьбы с левой прессой. Так, в Дании закон о печати от 13 апреля 1938 г.⁹⁰ устанавливает, что за опубликование статьи с противоправным содержанием уголовную ответственность несет только ее автор или редактор (§ 6). Однако, если содержание статьи противоречит постановлениям «об охране государства», то уголовная ответственность грозит и другим лицам (издателю, владельцу типографии, лицам, выпускающим издание) за их «вспомогательную деятельность» (§ 7). Если автор статьи не может быть обнаружен или не может быть привлечен к суду, поскольку находится за пределами Дании, то наказывается редактор издания, «как если бы он сам написал эту статью». Эти положения, прямо направленные против оппозиционной печати, настолько противоречат общепринятым принципам уголовного права, что даже сами датские юристы вынуждены признавать, что в данном случае происходит «назначение наказания при отсутствии вины»⁹¹. Аналогичные

⁸⁸ См. Н. Н. Полянский, указ. соч., с. 123.

⁸⁹ К. Ясперс. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. М., 1969, с. 80.

⁹⁰ См. Ф. Маркус, указ. соч., с. 280—282.

⁹¹ Там же, с. 281.

нормы, устанавливающие объективную ответственность издателей, владельцев типографий и редакторов, содержатся в уголовном законодательстве Финляндии (закон о свободе печати от 4 января 1919 г.)⁹² и Швейцарии (ст. 27 УК). Итальянских «левых» журналистов, которым инкриминируются «оскорбления» главы государства, вооруженных сил и т. п., нередко привлекают не к обычному суду, а к суду военных трибуналов, которые выносят им особенно суровые приговоры; для этого используются положения итальянского судопроизводства, позволяющие привлечь любого гражданина, если он является военным в запасе, к суду военной юстиции⁹³. Суды Италии, где демократические газеты испытывают финансовые затруднения, привлекают к уголовной ответственности за несоблюдение правила об обязательной регистрации тех, кто, не имея разрешения на продажу газет, безвозмездно распространяет эти издания. Поскольку буржуазная пресса не имеет таких распространителей, итальянское правосудие лицемерно утверждает, что продажа «левых» изданий непрофессиональными торговцами якобы нарушает принцип равных возможностей в использовании свободы печати⁹⁴.

В странах, где действует англо-американское право, свобода печати может быть ограничена под предлогом обеспечения «общественного порядка». При этом решение вопроса о том, нарушает или не нарушает выступление печати «общественный порядок», передается на усмотрение суда. А это значит, отмечал английский юрист А. Дэйси, что свобода печати «есть не более, как право говорить и писать только то, что присяжные, какие-нибудь 12 лавочников, сочтут удобным»⁹⁵.

Классовый характер буржуазного уголовного законодательства, относящегося к свободе печати, выражается и в том, что в нем отсутствуют составы многих преступлений, которые действительно посягают на свободу прессы и интересы трудящихся.

Буржуазные кодексы не считают преступлением че-

⁹² См. Б. Хонкасало, указ. соч., с. 216.

⁹³ См. М. Феррара. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961, с. 270.

⁹⁴ См. М. А. Нудель, указ. соч., с. 199.

⁹⁵ А. Дэйси. Основы государственного права Англии. М., 1905, с. 276.

ловеконенавистнические призывы к нападению на другие страны, развязыванию войн, массовому убийству людей, проповедь расовой и национальной вражды, смакование преступлений, рассчитанное на разжигание самых низменных инстинктов. Буржуазные юристы обосновывают ненаказуемость такой пропаганды доводом, что ее запрет может подорвать свободу слова и печати. Однако несостоятельность и лицемерие этих возражений станут совершенно очевидными, если учесть, что по своей юридической природе пропаганда войны, геноцида и насилия представляет собой один из видов подстрекательства. Но ответственность за подстрекательство к преступлению предусмотрена в кодексах всех капиталистических стран, и это не расценивается как угроза свободе слова. Тем более не может угрожать свободе слова и печати пресечение пропаганды войны и геноцида.

К минимуму возможного сводится буржуазными кодексами свобода собраний и манифестаций. «Государство,— писал Г. Еллинек,— с давних пор с подозрением следит за известными формами человеческой деятельности. Вполне безопасным ему кажется только тот, кто мирно и одиноко пребывает в своих четырех стенах»⁹⁶. Поскольку лица, проявляющие интерес к тому, что делается вне дома, опасны для буржуазного государства, буржуазное уголовное законодательство ставит проведение собраний и манифестаций в весьма жесткий режим. Проведение собраний, массовых митингов и демонстраций в большинстве случаев требует специального разрешения административно-полицейских властей. Участие в «неразрешенных» собраниях и демонстрациях признается преступлением.

В первую очередь объявляются уголовно-наказуемыми «не санкционированные властями» собрания, проводимые «под открытым небом» (ст. 171 УК Греции, закон о собраниях и демонстрациях от 24 июня 1953 г. в ФРГ⁹⁷). Классовый характер этих установлений совершенно ясен, так как буржуазные организации располагают средствами, чтобы снимать помещения для своих собраний, а организации трудящихся не всегда имеют средства для этого. Запрещаются собрания, если число присутствующих

⁹⁶ G. Jellinek. Verwaltungsrecht. Berlin, 1928, S. 459.

⁹⁷ См. „Bundesgesetzblatt“, 1953, T. 1, S. 581.

превышает установленную законом «норму». Так, УК Испании признает незаконным собрание, в котором без официального разрешения участвует больше 20 человек (ст. 162). Преступлением признаются не разрешенные властями демонстрации вблизи зданий парламентов (закон 1953 г. в ФРГ, закон 1960 г. в Японии⁹⁸). Это делается для того, чтобы устранить возможность давления трудящихся на работу буржуазного парламента. Например, в октябре 1967 г. в США был в срочном порядке принят закон, запретивший проведение «не санкционированных властями» демонстраций в расположении конгресса. За нарушение закона предусмотрено наказание — тюремное заключение на 6 месяцев и штраф на сумму до 500 долларов⁹⁹. Принятие этого закона было приурочено к массовой антивоенной демонстрации в Вашингтоне. 508 участников этой демонстрации было приговорено к тюремному заключению¹⁰⁰.

Но и разрешенные собрания и манифестации могут быть признаны незаконными, если они будут угрожать «общественному порядку», «уличному движению» и т. п. Законность публичных собраний, по мнению буржуазных юристов, зависит от разных сопутствующих обстоятельств. То, что может в определенное время быть совершенно безобидным и не вызывающим возражений, в другой период может оказаться чрезвычайно опасным с точки зрения положения в стране или настроения умов. «Но кто же призван решать, при каких обстоятельствах нечто, совершенно безобидное в один момент, становится чрезвычайно опасным в другой? Полиция, генеральный прокурор капиталистического правительства и судья того же общественного строя, являющийся его порождением и призванный его охранять»¹⁰¹. Показательны в этом отношении принятые в 1969 г. в штате Калифорния (США) законы № 595 и 1286, которые предусмотрели широкую систему уголовно-правовых ограничений студенческих собраний и демонстраций. Законы внесли в § 415 УК Калифорнии изменения, в соответствии с которыми карается тюремным заключением на срок от 3 до

⁹⁸ См. Б. С. Крылов. Парламенты буржуазных государств. М., 1963, с. 163.

⁹⁹ См. «Правда», 23 октября 1967 г.

¹⁰⁰ См. «Известия», 15 ноября 1967 г.

¹⁰¹ Д. Голлап, указ. соч., с. 174.

6 месяцев или штрафом на сумму до 500 долларов тот, кто при проведении на территории колледжа собрания или демонстрации нарушает общественный порядок. Под нарушением общественного порядка понимается, в частности, «создание громкого и необычного шума» и «агрессивное поведение». Вопрос о том, имело ли место нарушение общественного порядка, решается по усмотрению полицейского, выделенного для наблюдения за митингом или демонстрацией. Как показывает практика, полицейский вправе посчитать «сборище» нарушающим общественный порядок, если, по его мнению, число собравшихся слишком велико, если ораторы выступают в «неположенном» месте, если руководители демонстрации потеряли управление и контроль над происходящим и т. д.¹⁰² Подобные законы формально принимаются под предлогом усиления борьбы с хулиганствующими, экстремистскими элементами. Однако нарочитая неопределенность их дефиниций позволяет объявить «противоправным сборищем» любой митинг, собрание или демонстрацию, негодные властям, а их участников привлечь к уголовной ответственности.

Потребность в эффективной репрессии против демократических сил вынуждает господствующие круги в нарушение собственной законности конструировать новые нормы о коллективной уголовной ответственности участников «противоправных сборищ». Согласно принятому во Франции закону о борьбе с некоторыми новыми формами преступности от 8 июня 1970 г.¹⁰³, любой участник (а не только организатор, руководитель и подстрекатель) незаконной демонстрации, сопряженной с насильственными действиями над личностью или причинением «ущерба собственности отдельных лиц или компаний», несет уголовную ответственность. Наказание — тюремное заключение на срок от 1 до 5 лет. Причем не обязательно, чтобы демонстрация была связана с сопротивлением власти или насильственным завладением имуществом. Простое насилие или причинение материального ущерба уже создает основание для привлечения к уголовной ответ-

¹⁰² См. „Harvard Journal of Legislation“, January 8, 1971, p. 310—322.

¹⁰³ См. И. С. Власов, Ф. М. Решетников, А. Ю. Штрамас. Уголовное право зарубежных государств, вып. III. М., 1973, с. 133.

ственности всех участников демонстрации. Даже представители французской полиции признают, что закон о коллективной уголовной ответственности демонстрантов может стать источником серьезных злоупотреблений и несправедливостей¹⁰⁴.

Нередко в отношении участников мирных митингов и демонстраций применяются законы, предусматривающие ответственность за государственные преступления. Так, в Англии организаторы состоявшейся 9 декабря 1961 г. перед военной базой Уэзерс-Филд демонстрации против правительственной политики ядерного вооружения были обвинены в нарушении закона 1911 г. о государственной тайне и осуждены за шпионаж¹⁰⁵. В Испании участие в собраниях или демонстрациях, которые проводятся в целях, скрытых от властей, подводится под признаки военного мятежа и подлежит суду военной юстиции¹⁰⁶. А в США для преследования участников неугодных властям собраний и демонстраций используются акты о борьбе с эпидемиями, нарушениями санитарных правил и т. п., которые вообще не имеют какого-либо отношения к законам о политических правах и свободах. Так, в 1964 г. в штате Миссиссиппи был принят карантинный закон № 64, который уполномочил власти принимать меры с целью предотвращения занесения или распространения инфекционных заболеваний. В связи с этим закон предоставил муниципалитетам право запрещать передвижение больших групп людей, которое якобы может привести к распространению этих болезней¹⁰⁷. Другой закон, не запрещающий прямо распространения листовок на митингах, установил, что в целях поддержания чистоты желающие распространять листовки должны получить специальное разрешение¹⁰⁸. Судьи стали толковать эти законы как направленные против массовых демонстраций и митингов борцов за гражданские права. На основании таких законов в 1964 г. в южных штатах США было арестовано и осуждено более 13 тыс. участников указанных демонстраций и митингов¹⁰⁹.

¹⁰⁴ См. „L'Humanité“, 1 octobre 1970.

¹⁰⁵ См. «Правда», 28 февраля 1962 г.

¹⁰⁶ См. „Le Monde“, 28 septembre 1960.

¹⁰⁷ См. Southern justice. Cleveland—New York, 1967, p. 16.

¹⁰⁸ Там же, p. 23.

¹⁰⁹ См. «Правда», 22 мая 1965 г.

Существенным ограничением подвергается свобода союзов и ассоциаций. Согласно классической доктрине буржуазного права, союзы и ассоциации (партии) являются «свободными группировками, основывающимися на частной инициативе». «Партии не подлежат государственному регулированию, как общественные службы. Либеральная концепция требует четко различать эти две сферы», — пишет французский юрист М. Прело¹¹⁰. Фактически буржуазное законодательство устанавливает строгий контроль за созданием и деятельностью союзов. Так, принятый 4 июня 1964 г. в ФРГ закон о регулировании права на объединение в общественные союзы регулирует главным образом не право на объединение, а порядок запрещения союзов, неугодных правящим кругам. Закон наделяет полномочиями по запрещению союзов исполнительные органы и прежде всего федеральное министерство внутренних дел и соответствующие министерства земель. Противдействие запрету карается тюремным заключением на срок до 1 года или штрафом, если за совершенное деяние кодекс не предусматривает более строгого наказания¹¹¹. В Сальвадоре любая ассоциация, не представившая свой устав на утверждение властей, считается нелегальной¹¹².

Буржуазное уголовное законодательство признает противоправными союзы, цель и деятельность которых «представляет опасность для политического и социального единства» (закон 1964 г. об ассоциациях в Испании)¹¹³, «противоречит уголовным нормам» (ст. 188 УК Греции), «посягает на общественный порядок, добрые нравы, на людей или имущество» (ст. 292 УК Чили) и т. д. Подобные дефиниции позволяют ставить вне закона любую демократическую или оппозиционную организацию.

В социально-экономической сфере наибольшим уголовно-правовым ограничением подвергаются профессиональные союзы, которые в условиях капитализма являются самыми массовыми организациями рабочего класса, ведущими борьбу за его экономические интересы.

¹¹⁰ М. Прело. *Institutions politiques et droit constitutionnel*. Paris, 1961, p. 77.

¹¹¹ См. „Bundesgesetzblatt“, 1964, Т. 1, S. 593.

¹¹² См. «Новое время», 1973, № 21, с. 12.

¹¹³ См. «Правда», 25 декабря 1964 г.

В фашистских странах, например в Испании, право на существование имеют лишь корпоративные отраслевые профсоюзы — синдикаты, в которые принудительно объединяются и рабочие, и предприниматели. Объединение рабочих в подлинно демократические профессиональные организации — рабочие комиссии — признается в Испании преступлением¹¹⁴. В ряде стран запрещено создание профсоюзов работников государственного аппарата. Так, в Англии закон 1919 г. о полиции запрещает полицейским быть членами любого профсоюза, особенно если цель такого профсоюза — «оказание влияния на заработную плату, пенсии или условия труда полиции».

Но в большинстве капиталистических стран трудящиеся добились права создавать классовые профсоюзы. Вынужденные считаться с этим, правящие круги стремятся вызвать раскол среди трудящихся и не допустить создания сильных профсоюзов. В этих целях предусматриваются уголовно-правовые нормы, «охраняющие» право не вступать в профсоюзы и выходить из профсоюза. Так, ст. 332 УК Греции карает тюремным заключением на срок до 1 года или штрафом «принуждение» к вступлению в союз, ставящий себе целью организацию массовой забастовки для того, чтобы добиться изменения условий труда, или «воспрепятствование» выходу из профессионального союза. Аналогичные демагогические нормы, предусматривающие уголовную ответственность за «принудительное» вовлечение в профсоюз либо «воспрепятствование» выходу из рядов профсоюза, деятельность которого не противоречит интересам предпринимателя, действуют и в других странах (закон 1959 г. о труде в Иране¹¹⁵, закон Лэндрама — Гриффина в США).

Спекулируя на фактах злоупотреблений и коррупции, имеющих место в «желтых» профсоюзах, буржуазные идеологи называют классовые профсоюзы «опасными организациями», «трудовыми монополиями», которые якобы угрожают «всеобщему благоденствию». Под предлогом охраны пресловутого «всеобщего благоденствия» буржуазное уголовное законодательство берет под контроль порядок создания профсоюзов, вмешивается в их внутреннюю жизнь, стремится свести на нет подобие де-

¹¹⁴ См. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 2, с. 62—63.

¹¹⁵ См. А. И. Шамиде. Трудовое законодательство в Иране. «Ученые записки Института востоковедения», т. 4. Баку, 1963, с. 131

мократизма в их деятельности. Одним из средств такого контроля является установление уголовной ответственности за нарушение правил, касающихся регистрации профсоюзов и профсоюзной отчетности. В США ст. 201 закона Лэндрама — Гриффина обязывает профсоюзы регистрировать в министерстве труда свои уставы, отчеты о суммах членских взносов, финансовых ресурсах профсоюзов и их источниках, жалование должностных лиц и других вопросах внутренней организационной деятельности профсоюзов. Нарушение этих предписаний влечет за собой штраф на сумму до 10 тыс. долларов или тюремное заключение на срок до 1 года либо то и другое одновременно. Только в течение первых двух лет действия этого закона правительственные органы провели свыше 11 тыс. расследований и внезапных проверок по его выполнению; по результатам многих из них были возбуждены уголовные дела¹¹⁶. В Турции профсоюзные организации также обязаны представлять в министерство труда отчеты о своей работе и финансовой деятельности. Лица, нарушающие эти положения, наказываются тюремным заключением на срок не менее 3 месяцев и штрафом на сумму от 500 до 2 тыс. лир (ст. 31 закона 1963 г. о профсоюзах)¹¹⁷.

Серьезным ограничением подвергается политическая деятельность профсоюзов. Например, ст. 304 закона Тафта — Хартли запрещает профсоюзам США делать отчисления на расходы по проведению федеральных выборов. За нарушение этого запрета предусмотрено уголовное наказание в виде штрафа на сумму до 5 тыс. долларов для профсоюза, а для «виновного» должностного лица профсоюза — штрафа на сумму до 10 тыс. долларов или тюремного заключения сроком до 1 года либо того и другого вместе.

Для борьбы с профсоюзами в США, Англии и некоторых других капиталистических странах широко используется принцип уголовной ответственности юридических лиц. В США по закону Тафта — Хартли на профсоюзы могут быть наложены огромные штрафы. Так, объединенный профсоюз горняков был оштрафован за «противоправную» забастовку на 1400 тыс. долларов, а профсоюз

¹¹⁶ См. Факты о положении трудящихся в США (1961—1962 гг.). М., 1964, с. 137.

¹¹⁷ См. Новейшая история Турции, с. 345.

докеров западного побережья — на 750 тыс. долларов¹¹⁸. Помимо этого, по закону Тафта — Хартли предприниматели имеют право требовать по суду от профсоюзов возмещения убытков от их «незаконной» деятельности. Наложение больших штрафов и исков подрывает финансовую базу профсоюзов.

Для судебной практики США характерно также использование против профсоюзных организаций антитрестовского законодательства, хотя организации рабочих в силу занимаемого ими в обществе положения не только не способны к какой-либо монополизации, а, наоборот, являются одной из ее основных социальных жертв. В 20-х годах более половины дел по обвинению в нарушении антитрестовского законодательства было возбуждено в отношении профсоюзов¹¹⁹. Лишь в результате длительной борьбы рабочего класса за права профсоюзов антитрестовское законодательство стало применяться реже, хотя до сих пор еще отмечаются отдельные факты осуждения профсоюзов согласно этому законодательству.

В капиталистических странах беспрепятственно действуют фашистские и иные ультрареакционные организации. В то же время партии, ведущие борьбу за освобождение рабочего класса, подвергаются всевозможным ограничениям. Почти в сорока капиталистических странах коммунистические и рабочие партии запрещены, а принадлежность к ним рассматривается как политическое преступление.

Не меньшей фикцией в буржуазных государствах является уголовно-правовая охрана свободы совести.

Характеризуя роль религии в классовом обществе, В. И. Ленин указывал: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их

¹¹⁸ См. Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961, с. 482.

¹¹⁹ См. Antitrust laws. A comparative symposium. Toronto, 1965, p. 444

революционную решимость»¹²⁰. Буржуазное уголовное законодательство, устанавливая ответственность за посягательства на религию, стремится максимально обеспечить религии выполнение ее социальной функции, обеспечить религиозным организациям возможность еще более активного подавления и обмана трудящихся, дискриминации граждан, исповедующих «чужую» религию, преследования свободомыслящих.

Религиозные преступления, например богохульство, святотатство и особенно так называемые ереси, в эпоху феодализма признавались тягчайшими из всех преступлений, так как не только были направлены против церкви, своим авторитетом поддерживавшей всю систему феодальной эксплуатации, но и нередко были связаны с революционными выступлениями народных масс против светских и духовных феодалов. При господстве буржуазии, формально признавшей свободу совести, религиозные преступления заняли в буржуазных уголовных кодексах довольно скромное место. За редкими исключениями для буржуазного общества не составляет опасности принадлежность к вероисповеданию, иному, чем господствующее, или оспаривание некоторых догматов церкви. Однако в кодексах ряда стран (Испания, Англия и др.) религиозные преступления по-прежнему занимают первостепенное место и рассматриваются как тяжкие преступления. В Англии склонение подданных к изменению законных устоев церкви рассматривается как призыв к мятежу¹²¹. В тех буржуазных странах, где государственной религией является ислам, совершение некоторых религиозных преступлений влечет за собой применение смертной казни¹²². Правда, в ряде стран многие уголовно-правовые нормы в этой области уже достаточно устарели, но они не отменены, и буржуазный суд, в случае необходимости, извлекает из арсенала уголовного законодательства, казалось бы, давно забытые законы.

Конституции капиталистических государств наряду с другими демократическими правами и свободами провозглашают свободу совести, а некоторые из них — даже отделение церкви от государства. Однако в условиях бур-

¹²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.

¹²¹ См.: Грюнхут, указ. соч., с. 290; J. F. Stephen, *op. cit.*, p. 92.

¹²² См. М. И. Садагдар, указ. соч., с. 111.

жуазного общества отделение церкви от государства является весьма ограниченным и вовсе не приводит к исключению церкви из механизма классового господства буржуазии, а свобода совести обычно понимается лишь как право выбирать и исповедовать ту или иную религию, а не свобода верить или не верить. Поэтому буржуазное законодательство не содержит норм, охраняющих право граждан не исповедовать никакой религии. Напротив, здесь действуют нормы, которые запрещают стать неверующим либо ограничивают атеистов в гражданских правах. Так, во многих штатах США неверующим запрещено занимать какие-либо государственные должности, а в Арканзасе и Мэриленде лица, не верящие в бога и в возмездие и наказание в загробной жизни, не могут быть даже присяжными заседателями или свидетелями. Поэтому «многие американцы, не верящие в бога, не признаются в этом из страха, что они подвергнутся остракизму»¹²³.

Буржуазные уголовные кодексы не содержат и таких норм, которые предусматривали бы свободу антирелигиозной пропаганды. Наоборот, антирелигиозная и научно-атеистическая пропаганда нередко объявляется посягательством на религию. Так, согласно ст. 130 УК Португалии, совершает преступление тот, кто распространяет «учения, противные верованиям католической церкви». В штате Массачусетс (США) также существует закон, который грозит уголовным наказанием тому, кто «призывает других к неверию»¹²⁴. В ряде случаев реакционная буржуазия в борьбе с «неверием» вытаскивает на свет и защищает уголовно-правовыми средствами самые реакционные, средневековые учения. Конечно, охранять религиозное мировоззрение становится в настоящее время все труднее. Однако в штате Миссисипи (США) по сей день действует закон, запрещающий преподавание дарвинизма по тем соображениям, что он отрицает «божественное происхождение человека»¹²⁵. В штате Теннесси (США) существовал закон, предусматривавший за пропаганду дарвинизма уголовное наказание в виде штрафа на сумму от 100 до 500 долларов. В 1921 г. на основании этого за-

¹²³ К. Ламонт. Свобода должна быть свободой на деле. М., 1958, с. 224.

¹²⁴ См. А. Лауринчукас, указ. соч., с. 168.

¹²⁵ См. Е. Б. Черняк. Приговор веков (Из истории политических процессов на Западе). М., 1971, с. 418.

кона был осужден учитель биологии Д. Скопс, рассказывавший ученикам об эволюционной теории Дарвина. В 1966 г. этот закон был отменен, но уже в 1973 г. сенат штата принял новый закон, который под страхом уголовного наказания запретил преподавание в школах научной теории происхождения жизни¹²⁶. В 1966 г. аналогичный закон был принят и в штате Арканзас. Здесь жертвой нового «обезьянного процесса» стала учительница С. Эпперсон. Только вмешательство верховного суда США позволило Эпперсон избежать наказания за преподавание дарвинизма¹²⁷.

Грубым насилием над человеческой совестью являются и законы об ответственности за богохульство (поношение бога или божественного). В Англии закон о богохульстве, изданный в 1547 г., угрожает тюремным заключением и штрафом тому, «кто непочтительно будет высказываться по поводу таинства тела и крови Христа». Закон о богохульстве 1558 г. устанавливает наказуемость лиц, заявляющих что-либо порочащее или неуважительное по поводу молитвенника или чего-либо в нем содержащегося. Согласно закону о богохульстве 1697 г., совершает преступление тот, кто, будучи воспитанным в христианской вере или в любое время исповедовавший ее в этом королевстве, отрицает истинность христианской религии или божественное происхождение святого писания. Лицо, впервые совершившее упомянутые действия, лишается права занять какую-либо должность. Лицо, совершившее эти действия во второй раз, наказывается тюремным заключением и лишается права возбуждать дело в суде, быть опекуном ребенка или судебным исполнителем, выполнять официальные обязанности или получить наследство либо имущество по акту дарения¹²⁸. Правда, в английском уголовном праве существует доктрина, ныне признаваемая судами, согласно которой «простое отрицание христианской религии или пропаганда религий, враждебных христианской вере, не составляет в Англии преступления»¹²⁹. Однако следует иметь в виду, что закон о ревизии законодательства, изданный в 1948 г., отнес за-

¹²⁶ См. «Новое время», 1973, № 19, с. 32.

¹²⁷ См. «Новое время», 1966, № 5, с. 20.

¹²⁸ См. об этих законах: О. С. Ружельяте. Отрицание свободы совести в буржуазных странах. М., 1964, с. 24—25.

¹²⁹ S. Harris Criminal law. London, 1968, p. 198.

коны 1547, 1558 и 1697 гг. к числу действующих актов, а закон 1952 г. о суде магистратов уточнил порядок уголовного преследования по законам о богохульстве¹³⁰. Составы богохульства предусмотрены уголовным законодательством Греции (ст. 198 УК), ФРГ (§ 166 УК), Финляндии (§ 1 гл. 10 УК) и многих других буржуазных стран. Нормы, предусматривающие наказание за богохульство, применяются на практике. В США, например, по закону о богохульстве было осуждено лицо, заявившее, что святое писание является сказкой и в нем много лжи¹³¹. Нормы о богохульстве не только дискриминируют неверующих граждан, убеждения которых не ставятся под такую охрану, как убеждения верующих, но и грубо попирают такие демократические свободы, как свобода слова и печати. В Иране по закону о печати от 15 августа 1955 г. в качестве богохульства расценивается публикация любой статьи, «направленной против религии ислама»¹³². В ЮАР опубликование «кощунственных или оскорбляющих религиозные чувства» произведений также признается богохульством и влечет за собой крупный штраф или лишение свободы на срок до 6 лет¹³³.

Сама свобода вероисповедания имеет в мире капитала ограниченный характер. Во многих странах имеется государственная, т. е. официальная, церковь (в Англии — англиканская, в Испании и Португалии — католическая, в Дании, Норвегии и Швеции — евангелическо-лютеранская, в Греции — восточно-православная и т. д.), которая находится в особо привилегированном положении по сравнению с другими имеющимися в государстве церквами. Это положение находит отражение в тех кодексах, которые официально устанавливают неравенство в охране различных религий. Религиозные чувства граждан, принадлежащих к церкви, которая не является официальной, совсем не охраняются уголовно-правовыми средствами либо охраняются, но менее строго. Например, УК Португалии карает преступления только против католической религии. Аналогичные действия в отношении иной религии преступления не составляют. Привилегирован-

¹³⁰ См. С. Л. Зивс. Развитие формы права в современных империалистических государствах, с. 18.

¹³¹ См. О. С. Ружелите, указ. соч., с. 23.

¹³² Там же, с. 27.

¹³³ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 275.

ное положение католицизма как государственной религии закреплено и в УК Испании (ст. ст. 205—213). Закон разрешает открыто исповедовать только католическую религию. Иным религиозным объединениям запрещается публично исполнять обряды своего культа. УК Италии, наряду с католическим исповеданием, охраняет и другие «допущенные культы», однако преступления против католической религии, фактически признаваемой официальной (ст. ст. 402 и 403), караются строже, нежели преступления против иных культов (ст. 405 УК). В ряде стран, особенно в тех, где существует официальная церковь, под страхом наказания ограничивается или запрещается переход из одной религии в другую либо полный отказ от религии. Так, по УК Португалии попытка совратить приверженца государственной католической религии в другую веру может считаться уголовно-наказуемым деянием (п. 2 ст. 130). Если португалец-католик открыто отречется от официальной религии, это тоже может быть расценено как преступление (ст. 135 УК). В некоторых мусульманских странах отступникам от ислама грозят жестокие наказания, вплоть до смертной казни¹³⁴.

Во многих буржуазных странах поддерживается уголовно-правовыми средствами соблюдение религиозных ритуалов, «пищевых правил» и моральных стандартов, устанавливаемых церковью для своих прихожан. Особенно многочисленны явно религиозные по своему характеру нормы, согласно которым в воскресенье запрещаются определенные виды работы и развлечений (например, английский закон 1677 г. о соблюдении воскресных дней¹³⁵, § 152 УК Бельгии, так называемые воскресные законы большинства штатов США). Они запрещают под страхом уголовного наказания заниматься в воскресенье торговлей промышленными товарами и многими пищевыми продуктами, работой в сельском хозяйстве, устраивать спортивные состязания, концерты, танцы и тому подобные мероприятия. Тем самым религиозные предписания, заставляющие соблюдать воскресенье как «день отдохновения», делаются обязательными не только для верующих, но и для неверующих и иноверцев. Эти законы довольно широко применяются на практике. В Англии, например,

¹³⁴ См. М. И. Садагдар, указ. соч., с. 111.

¹³⁵ См. К. Кенни, указ. соч., с. 28.

в 1959 г. за нарушение воскресных законов было осуждено 302 человека¹³⁶. Религиозными предписаниями обусловливаются содержащиеся в некоторых буржуазных кодексах запреты приводить в исполнение приговоры о смертной казни во время церковных праздников и в воскресные дни (ст. 25 УК Франции, ст. 82 УК Чили). Еще более многочисленны религиозные предписания, охраняемые мерами уголовного принуждения, в мусульманском праве, которое целиком базируется на религии и по существу может быть названо ее частью. «Эти исторически сложившиеся правила религии,— пишет Н. Д. Дурманов,— неравноценны по своей значимости для интересов господствующих классов, многие из них без ущерба могли бы быть опущены... Но религиозные догмы и предписания представляют собой цельную систему, а не механическое сочетание обязательных и необязательных правил. Для всякой религии весьма важна догматическая непрерываемость ее положений, к какому бы вопросу они ни относились и каким бы путем исторически они ни сложились. Отрицание, а иногда и простое несоблюдение, одного предписания религии колеблют все здание религиозных догм, ведут к критическому взгляду и на другие догматы»¹³⁷.

Следует отметить, что влияние религии на понятие преступного и наказуемого в целом отрицательно, а не положительно. К. Маркс писал, что в средние века католическое духовенство в силу своего мрачного взгляда на человеческую природу, который оно, благодаря своему влиянию, внесло в уголовное законодательство, создало больше преступлений, чем отпустило грехов¹³⁸. Религиозные догмы являются источником норм о таких общеуголовных «преступлениях», как покушение на самоубийство, прелюбодеяние, конкубинат и др.

3. Посягательства на личные права и свободы граждан

Придя на смену феодализму, капитализм в соответствии со своей социальной природой ликвидировал уго-

¹³⁶ См. Преступность в капиталистическом мире после второй мировой войны. М., 1963, с. 40.

¹³⁷ Н. Д. Дурманов, указ. соч., с. 128—129.

¹³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 516.

ловно-правовую охрану личных прав и свобод, вытекающих из сословных привилегий. Лишь в некоторых буржуазных странах сохраняется уголовно-правовая защита таких личных сословных привилегий, как право на дворянские имена и титулы. Так, ч. 2 ст. 259 УК Франции карает штрафом использование чужого дворянского титула, učinенное «в целях присвоения почетного отличия»; присвоение приставок «де», «дю», «де ла», предшествующих фамилии и означающих прошлую принадлежность к дворянству, также влечет за собой ответственность по этой статье кодекса¹³⁹. Такие архаические нормы сохраняются в буржуазных кодексах по двум причинам. Во-первых, капитализм не в состоянии проникнуть во все поры общества сразу и поэтому «на задворках» буржуазия терпит остатки феодальной системы. Во-вторых, в капиталистическом обществе есть социальные группы, заинтересованные в сохранении старых порядков. Как пишет английский исследователь С. Хэкси, «титул придает человеку престиж в тех состоятельных слоях общества, где он вращается; титул придает ему авторитет в глазах тех мелких хищников, которые жаждут достигнуть такого же богатства и такой же знатности»¹⁴⁰. Хэкси приходит к выводу, что «иерархия титулов помогает сплочению правящего класса», помогает обманывать и угнетать «наиболее отсталые группы населения», которым «легче внушить уважение к титулованным особам, чем к богатым обывателям»¹⁴¹.

В уголовном законодательстве капиталистических стран, устанавливающим ответственность за посягательства на личные права и свободы граждан (неприкосновенность жилища, тайна корреспонденции, свобода выбора места жительства, неприкосновенность личности), прослеживаются две тенденции. Первая из них выражается в преимущественной охране личных прав и свобод собственников. Уголовно-правовые нормы, устанавливающие наказуемость нарушений этих прав и свобод, можно считать одной из форм защиты частной собственности. Другая тенденция выражается в стремлении ограничить личные права и свободы, легализировать вторжение государ-

¹³⁹ См. Л. Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции, т. I. М., 1958, с. 308.

¹⁴⁰ С. Хэкси. Английские консерваторы у власти. М., 1940, с. 119.

¹⁴¹ Там же.

ства во все сферы личной жизни граждан. Обычно это обосновывается тем, что в условиях усложнения социальной жизни и расширения «организующих» функций «правового государства» личные права индивидуума должны отступать перед «государственными» и «общественными» интересами в целом¹⁴².

Так, буржуазные кодексы объявляют виновным в преступлении того, кто незаконно проникает в чужое жилище или, находясь в нем, не покидает его по требованию управомоченного лица. Эти уголовно-правовые гарантии неприкосновенности жилища не имеют никакого значения для того, у кого оно отсутствует. В то же время они занимают важное место в системе охраны наиболее жизненных интересов собственников. Многие кодексы распространяют состав этого преступления на случаи противоправного проникновения в «помещение, используемое для работы», в «огороженное место» (ст. 334 УК Греции, ч. 1 § 123 УК ФРГ) или всякое иное «место, лишенное свободного доступа» (ч. 1 § 264 УК Дании), находящееся в чужом частном владении. Сходное преступление образует и пребывание на чужом земельном участке, если виновный не удалился после предложения покинуть участок (ч. 2 § 264 УК Дании). Таким образом, посягательством на неприкосновенность жилища может быть объявлено пребывание «виновного» в любом владении собственника. Именно так были квалифицированы в 1968 г. бельгийским судом действия работников телевидения Льежа, которые по приглашению шахтеров, но «без согласия» владельца шахты пришли на его шахту, чтобы провести телерепортаж о забастовке горняков. Каждый из участников «вторжения» был оштрафован на сумму в 1 тыс. франков¹⁴³. Собственнику предоставляется право неограниченной «необходимой» обороны, вплоть до убийства, против того, кто попытается проникнуть на территорию его владения. Причем для признания такого проникновения деликтом достаточно «„легчайшего“ пересечения границ собственности»¹⁴⁴. Эти нормы не остаются без применения. Так, в 1966 г. западногерманский суд при-

¹⁴² См. H. Michels. *Strafbare Handlung und Zuwiederhandlung*. Berlin (W.), 1963, S. 26—27.

¹⁴³ См. «Правда», 26 февраля 1968 г.

¹⁴⁴ См. Ю. Г. Матвеев, указ. соч., с. 137.

знал правомерными действия некоего М., который убил Т. Кохмана, осмелившегося без спроса войти в рощу, принадлежащую отцу убийцы¹⁴⁵.

В связи с этим нельзя не согласиться с выводом, к которому пришел Коллисон, — что в буржуазном уголовном законодательстве право собственности оказалось поставленным «превыше всех прав личности», что законодательство и суды последовательно проводят положение, «согласно которому право и судебная практика должны служить главным образом защите права собственности и что другие личные права не имеют большого значения»¹⁴⁶. Этот вывод сделан применительно к уголовному законодательству и судебной практике США, но он с полным основанием может быть отнесен к уголовно-правовой политике практически любой капиталистической страны.

Вместе с тем возвеличиваемая в буржуазном обществе неприкосновенность жилища может быть нарушена всякий раз, когда карательные и иные органы буржуазного государства испытывают в этом потребность. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство буржуазных стран поощряет и санкционирует «домашние визиты без мандата», которые совершает полиция. Так, обыск далеко не всегда производится для раскрытия преступления: иногда нарушитель закона преследуется в административном или дисциплинарном порядке, но независимо от этого его дом подвергается обыску, как если бы речь шла о совершении серьезного преступления. В Англии одно из судебных решений наделило полицию правом вторгаться в частные жилища во всех тех случаях, когда она только опасается нарушений общественного порядка¹⁴⁷. Во всех штатах США действуют законы, которые разрешают полиции вторгаться в жилища «без стука», не уведомляя о своих полномочиях и намерениях¹⁴⁸. По образному выражению американского судьи Ф. Оливера, дом — это мусорный ящик, в котором может копаться полиция. «Если вы хотите видеть, как полицейский катается по полу от смеха, — пишет Оливер, — упо-

¹⁴⁵ См. «Правда», 25 мая 1966 г.

¹⁴⁶ Коллисон, указ. соч., с. 305.

¹⁴⁷ См. Д. Харвей и К. Худ. Британское государство. М., 1961, с. 224.

¹⁴⁸ См. В. М. Николаичик. США: «билль о правах» и полицейское расследование. М., 1973, с. 124—125.

мяните установленные конституцией правила об обыске и наложении ареста на имущество»¹⁴⁹.

Санкционируются нарушения и такой личной свободы, как тайна переписки (сюда включается и тайна телефонных разговоров). В ФРГ, согласно закону от 13 августа 1968 г. «Об ограничении тайны переписки, почтовой, телефонной и телеграфной связи», соответствующим государственным органам предоставлено право вскрывать и просматривать письменные, почтовые и телеграфные сообщения, подслушивать телефонные разговоры при одном подозрении, что кто-то готовится совершить, совершает или уже совершил какое-либо преступление против «демократического правопорядка»¹⁵⁰. В США по закону 1968 г. «О контроле над преступностью и обеспечении безопасности на улицах» подслушивание телефонных разговоров считается правомерным, если оно произведено с разрешения суда. Ходатайство о получении разрешения может быть заявлено при расследовании любого преступления, за которое предусмотрено наказание не менее 1 года лишения свободы. При расследовании дел об умышленных убийствах, похищении людей, грабежах, взяточничестве и других общеуголовных преступлениях, наказываемых лишением свободы на срок более 1 года, подслушивание может быть санкционировано судом и после того, как оно уже произведено¹⁵¹. Фактически полицейские сами определяют, чьи разговоры они могут контролировать, так как судьи, выдавая ордера на подслушивание, даже не знакомятся с доказательствами «преступного» поведения лица, которые формально должны быть положены в основу требования о выдаче такого разрешения¹⁵².

Уголовные и уголовно-процессуальные нормы, легализующие обыски без ордеров, подслушивание телефонных разговоров и перлюстрацию, вводятся под лозунгом усиления борьбы с преступностью. На деле же они чаще используются против прогрессивных сил, для наступления на конституционные права граждан, чем против профессиональных преступников. В США, например, половина всех лиц, телефонные разговоры которых контроли-

¹⁴⁹ См. «Комсомольская правда». 5 декабря 1961 г.

¹⁵⁰ См. „Bundesgesetzblatt“, 1968, Т. 1, S. 949.

¹⁵¹ См. „Public Law“, 1968, 90-531.

¹⁵² См. В. М. Никол а й ч и к, указ. соч., с. 223.

ровались полицией в 1970 г., не имела никакого отношения к возбужденным уголовным делам¹⁵³.

Буржуазные кодексы, отрицая свободу передвижения лишь за лицами, осужденными с запрещением пребывать в определенном месте, формально не ограничивают свободу передвижения других граждан. На деле же наблюдается совсем иное. Для ограничения свободы передвижения обычно используются уголовно-правовые нормы об ответственности за бродяжничество. Из практики буржуазного правосудия очень хорошо известно, что законы о бродяжничестве всегда использовались против безработных. Свобода выезда из страны и въезда в страну ограничивается по политическим, расовым и национальным мотивам в законах об иммиграции¹⁵⁴. В тех странах, где существуют репрессивные режимы, под страхом уголовного наказания нередко запрещаются любые поездки в «коммунистические» страны. Так, в Южной Корее действует закон 1961 г., карающий поездки в КНДР, которая объявлена «вражеской территорией»¹⁵⁵. В недавнем прошлом характер грубого произвола носили акты ряда буржуазных правительств в отношении так называемых перемещенных лиц, угнанных во время второй мировой войны гитлеровцами в фашистское рабство и содержавшихся в лагерях в западных оккупационных зонах Германии. В отношении этих лиц долгое время нарушались условия международных договоров об их репатриации, обеспечении им полной свободы выбора места жительства.

Все буржуазные кодексы объявляют преступлением нарушение права неприкосновенности личности путем произвольного задержания или ареста. Как правило, арест должен производиться на основе санкции прокурора или письменного приказа судьи, где должны быть точно указаны подлежащее аресту лицо и преступление, в котором оно обвиняется. Однако уголовно-процессуальные правила производства задержания и ареста не содержат действенных гарантий личной безопасности граждан и открывают широкие возможности для полицейского

¹⁵³ См. „Congressional Quarterly Weekly Report“, August 6, 1971, XXIX, № 32, p. 1168—1169.

¹⁵⁴ См. С. В. Филипов. США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М., 1973, с. 51—67.

¹⁵⁵ См. «За рубежом», 1968, № 5, с. 18.

произвола. Так, в США полицейским разрешается арестовывать любое лицо и без письменного распоряжения, если имеются «разумные основания» подозревать это лицо в совершении преступления. Не случайно в США ежегодно арестовывается более 100 тыс. человек, не совершивших никакого определенного преступления¹⁵⁶. Упрощенный порядок выдачи ордеров на арест, когда судьи санкционируют арест без достаточной проверки его оснований, действует в ФРГ. В результате в Западной Германии также «арестовывают слишком быстро и слишком много»¹⁵⁷.

Полиция может задерживать и арестовывать не только подозреваемых, но и свидетелей. Для этого достаточно указать, что свидетель может уклониться от явки в суд (закон 1966 г. о реформе освобождения под залог в США¹⁵⁸) или что свидетель отказывается сообщить известные ему сведения (ст. 63 УПК Франции¹⁵⁹, поправка 1965 г. к закону об уголовном процессе в ЮАР¹⁶⁰).

За полицией закрепляется право содержать подозреваемого под стражей в течение длительного времени. В ЮАР, например, офицер полиции вправе задержать и поместить в тюрьму любое лицо, подозреваемое в нарушении некоторых законов, на срок до 180 дней. По истечении 180 дней полицейский, осуществивший задержание, может продлить срок лишения свободы еще на 180 дней¹⁶¹.

В странах англо-американского права лицо, содержащееся под стражей, до судебного разбирательства может быть освобождено под залог (поручительство). Но, как отмечал Ф. Энгельс, это право представляет собой привилегию богатых: «Бедный не может представить поручительства и должен поэтому отправляться в тюрьму»¹⁶².

Буржуазное законодательство стремится всемерно обеспечить безнаказанность должностных лиц, нарушаю-

¹⁵⁶ См. E. Gray. The big blue line. Police powers vs. human rights. New York, 1967, p. 37—39.

¹⁵⁷ J. Noack, K. Pfannenschwarz. Ziele und Ergebnisse der „kleinen Strafprozessreform“. „Neue Justiz“, 1965, № 17, S. 550.

¹⁵⁸ См. „Public Law“. 1965, 89-465.

¹⁵⁹ См. Code de procédure pénale. Paris, 1964.

¹⁶⁰ См. Т. Ф. Таиров, указ. соч., с. 97—98.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 635.

щих личные права и свободы граждан. В этих целях используется институт так называемой административной гарантии, существующий в явной или скрытой форме во всех капиталистических государствах. Сущность административной гарантии заключается в том, что право решать вопрос о возбуждении уголовного преследования против должностного лица и, следовательно, его наказании предоставляется не судебным органам и прокуратуре, а начальству должностного лица или различным комиссиям и административным трибуналам, составленным из чиновников же, которые, таким образом, сами решают, подлежит ли уголовной ответственности и наказанию чиновник. Во Франции до сих пор действует декрет от 19 сентября 1870 г., сохранивший в несколько измененном виде институт административной гарантии, установленный еще в период абсолютизма. Согласно этому декрету, административная власть всегда может поставить перед так называемым конфликтным трибуналом, являющимся административным органом, вопрос о том, подлежит ли передаче в суд дело на чиновника, виновного в преступлении по должности¹⁶³. Статья 16 УПК Италии запрещает привлекать к уголовной ответственности без разрешения министра внутренних дел служащих полиции за преступления против личных прав граждан, совершенные при выполнении служебных обязанностей¹⁶⁴.

Безнаказанность нарушения личных прав и свобод граждан обеспечивается также институтом погашения ответственности должностных лиц, совершивших преступления по службе. Суть этого института заключается в том, что буржуазное государство, санкционируя неправомерные действия чиновников, издает статуты с обратной силой, которые освобождают лиц, нарушивших закон, от ответственности за эти преступления и тем самым делают ненаказуемыми проступки, которые при их совершении были наказуемы¹⁶⁵. Так, в марте 1960 г. правительство ЮАР, расстреляв демонстрацию африканцев, протестовавших против расовой дискриминации, объявило страну на чрезвычайном положении. Тысячи африканцев

¹⁶³ См. А. Ведель. Административное право Франции. М., 1973. с. 215—216.

¹⁶⁴ См. Codice di procedure penale. Milano, 1968.

¹⁶⁵ См. O. H. Phillips. The constitutional law of Great Britain and Commonwealth. London, 1952, p. 37, 605.

были брошены без суда в тюрьмы на срок до 5 месяцев, в африканских поселках полицейские обыскивали дома, отбирали деньги и ценные вещи. В 1961 г. парламент ЮАР принял закон о компенсации, который признал правомерными действия полицейских во время чрезвычайного положения 1960 г. и постановил, что против них не могут возбуждаться уголовные дела в связи с злоупотреблениями, допущенными в этот период¹⁶⁶. Большое развитие получила практика погашения ответственности чиновников за посягательства на личные права граждан в Англии. Как свидетельствует английский юрист Г. Ласки, в XX в. не было случая, когда бы парламент не принял предложения правительства издать закон о «погашении ответственности»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ См. Б. Бантинг, указ. соч., с. 189—211.

¹⁶⁷ См. Н. У Ласки. Parliamentary government in England. London, 1950, p. 60.

Заключение

При анализе буржуазного уголовного законодательства следует иметь в виду упоминавшиеся уже слова В. И. Ленина о том, что угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях — палача и попа. Функция «палача» призвана подавлять революционное движение, борьбу за демократию и социальный прогресс. Функция «попа» обусловлена стремлением буржуазного государства оказать идеологическое воздействие на массы, убедить их в надклассовости задач, стоящих перед государством, в его способности дать равную защиту всем членам общества.

В наибольшей степени функция «палача» характерна для тех норм буржуазного уголовного законодательства, которые устанавливают ответственность за политические преступления. Но она находит свое выражение, хотя и в завуалированной форме, и в нормах об ответственности за общеуголовные преступления. Буржуазия объявляет преступными и наказуемыми только такие деяния, которые представляют опасность для самой буржуазии. Таковы, например, кража, грабеж, разбой. Нормы об ответственности за эти преступления направлены на охрану экономических интересов буржуазии. Если же действия, которые по существу относятся к общеуголовным преступлениям, не опасны для буржуазии, то они не включаются в число преступлений. Таковы, например, спекуляция, несоблюдение правил техники безопасности, даже если оно повлекло смерть, увечье или заболевание рабочих. Если под давлением масс законодательные органы капиталистических государств и издают нормы об уголовной ответственности за подобные действия, то они объявляются малозначительными преступлениями и за

них устанавливаются ничтожные наказания. Такие нормы выполняют функции «попа», сдерживания народного возмущения, идеологической маскировки репрессивных задач уголовного законодательства буржуазии. К тому же с помощью классового буржуазного суда такие нормы можно всегда сделать мертвой буквой.

Угнетающие классы, в том числе и монополистическая буржуазия, при защите своих классовых интересов применяют два метода. Первый метод — метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, поддержки всех старых и отживших учреждений, непримиримого отрицания реформ. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок, метод утонченной социальной демагогии, рассчитанной на духовное подчинение масс. Оба эти метода, подчеркивал В. И. Ленин, «то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях»¹. При этом буржуазия переходит от одного метода к другому в зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в той или иной стране, выдвигает на первый план тот метод, который на данном этапе кажется, с ее точки зрения, наиболее эффективным.

В условиях общего кризиса капитализма буржуазия проявляет готовность «в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»². В области законодательства об ответственности за общеуголовные преступления это проявляется в отмене или смягчении наказуемости некоторых деяний (например, покушения на самоубийство или произведенного в больницы аборт), ответственность за совершение которых ложится в основном на тех, кто не имеет силы и веса в социально-экономическом отношении. Но такие уступки не изменяют классового характера буржуазного уголовного законодательства об ответственности за общеуголовные преступления. «Буржуа знает,— писал Ф. Энгельс,— что если один какой-нибудь закон и причиняет ему неудобства, то все законодательство в целом направлено к защите его интересов...»³. Кроме

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

² Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 15.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 451.

того, буржуазии хорошо известно, что принятие под давлением трудящихся относительно прогрессивных законов еще не означает осуществления этих законов на деле. Буржуазная юстиция либо искажает эти законы либо оставляет их без применения. Борьба против этого законодательства, за отмену в первую очередь его наиболее одиозных по своей классовой природе норм по-прежнему остается одной из важнейших задач в борьбе трудящихся капиталистических стран за социальный прогресс.

Оглавление

Предисловие	3
Глава I. Преступления против частной собственности .	8
1. Корыстные преступления против частной собственности	14
2. Уничтожение и повреждение частной собственности	33
Глава II. Преступления против личности .	36
1. Преступления против жизни	37
2. Преступления против здоровья	63
3. Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье	78
4. Половые преступления	90
5. Преступления против личной свободы	99
6. Преступления против чести и достоинства личности . .	101
Глава III. Преступления против конституционных прав и свобод граждан	107
1. Посягательства на социально-экономические права граждан	113
2. Посягательства на политические права и свободы граждан	121
3. Посягательства на личные права и свободы граждан .	147
Заключение	156

*Юрий Викентьевич Калинин
Василий Адамович Шкурко*

**РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ
БУРЖУАЗНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(общуголовные преступления)**

Редактор *А. Л. Иванченко*
Обложка *Г. И. Важнова*
Художественный редактор *В. Т. Липицкий*
Технический редактор *Н. Ф. Кленова*
Корректоры *Л. П. Морозова, Е. М. Беганский*
и *Г. Н. Новиков.*

АТ 13179. Сдано в набор 15/V 1974 г.
Подписано к печати 11/IX 1974 г.
Формат 84X108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 3.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,78.
Заказ 1315. Тираж 2000 экз. Цена 88 коп

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина.
Минск, ул. Кирова, 24.

Типография Издательства БГУ им. В. И. Ленина.
Минск, ул. Кирова, 24.